

Илья Пушкин

Давай об этом
никому не скажем

Илья Пушкин

Давай об этом никому не скажем
(новые японские сказки)

Художник: Маша Ткаченко
График: Симона Вайсберг

Ilya Pushkin©Jerusalem, 01.01.2014
www.pushkin-japan.com

Оглавление

За синей птицей	5
"Закон Токио"	22
Из Японии с любовью	30
Мои стихи не все понимают	46
Японка на мосту	60
Давай об этом никому не скажем	76
Как издать книгу в Японии	84
Где Тошико?	89
Девушка из Нагасаки	96
Японка под дождём	101
Мы найдём тебя, мистер Хакер!	110
Для тех, кто учит японский	118
Японка с зонтиком	127
Прощай, ниндзя!	133
Японская жена для израильского доктора ...	143
Никто не вернулся с уроков японского	152
Волшебство в лунном свете	166
Неожиданная поездка в Японию	175

За Синей птицей (иерусалимско-японская сказка)

Когда тебе за пятьдесят, добрая фея должна бы уже поторопиться с исполнением твоих желаний, ведь желаний остаётся всё меньше, а исполнять их становится всё труднее.

Но моё самое заветное желание исполнилось: я еду в Японию.

Почему вдруг иерусалимскому доктору так захотелось в Японию?

Моя учительница японского языка Садако-сан – маленькая пожилая японка, живущая по соседству.

Несколько лет назад я помог ей донести до дома тяжёлую сумку, и был приглашён в гости «попить чаю».

Чайная церемония настолько поразила меня, что я сразу и навсегда стал пленником нежных цветков сакуры, далёкой заснеженной Фудзи-сан и таинственных чёрных паучков-иероглифов.

Через несколько дней Садако-сан пришла ко мне «с ответным визитом», мы начали навещать друг друга и вскоре стали добрыми друзьями. Наши встречи незаметно превратились в уроки японского языка. Под руководством Садако-сан я быстро учил любимый язык и начал писать на японском стихи, посвящённые далёкой прекрасной стране.

Когда Садако-сан услышала, что я собираюсь в Японию, она обратилась ко мне с необычной просьбой:

– Если вы случайно заглянете в Асакусу – район Токио, где ещё сохранились старые магазинчики с японскими редкостями, найдите для меня, пожалуйста, веер эпохи Мейдзи с изображением синей птицы.

О, как мне хотелось угодить милой Садако-сан!
Тем более, что сделать это было легко: заказанный мной отель «Улыбка Токио» находился именно в Асакусе.

Добравшись до Токио, закинув багаж в номер отеля и даже не отдохнув после долгого перелёта, я сразу же углубился в узкие улочки Асакусы в поисках веера с синей птицей.

Но меня ждало разочарование: большинство сувенирных лавочек Асакусы давно утратили свою настоящесть и превратились в обычный лубок для туристов, работающий под старину. В них продавались сувениры, сделанные недавно и на скорую руку, а старой Японией там даже и не пахло.

Тем не менее, я методично обходил все эти лавочки, пока, наконец, не устал и не вспомнил, что неплохо было бы и отдохнуть.

В этот момент я увидел в одной из витрин *манеки-нэко* – бело-красную фигурку кошки с поднятой лапкой, издавна используемую в Японии для привлечения клиентов в лавки и рестораны.

Может быть, она была символом успешной торговли, а может быть, просто амулетом «на счастье».

У кошечки в витрине были странные большие глаза, как будто обладающие гипнотической силой.

Подчиняясь её взгляду, я зашёл в магазинчик, но не

увидел там ничего интересного, кроме обычного набора японских и псевдояпонских сувениров для туристов. Веера с синей птицей эпохи Мейдзи там не было и в помине.

Старенькая продавщица даже не обратила на меня внимания, что вообще-то нехарактерно для японских продавщиц. Ну что же, у всех иногда бывает плохое настроение.

Я вышел из лавочки и, почувствовав сильную усталость, вернулся в отель.

На следующий день я продолжил свои поиски, но в сувенирных лавочках не было ничего кроме дешёвых поделок для глупых *гайдзинов*. Веера с синей птицей не было и следа.

Бродя по Асакусе, я снова оказался перед витриной со странной *манеки-нэко*. И снова, подчиняясь её взгляду, я зашёл в магазинчик.

Та же старушка-продавщица опять меня «не заметила». Ещё раз, осмотрев обычный для такого магазинчика товар, я быстро вышел на улицу...

Я провёл в Асакусе весь этот день: тщательно осмотрел и сфотографировал храмы: буддистские *о-тера* и синтоистские *дзиньдзя*, погулял по набережной реки *Сумида-гава*, впервые попробовал гречневую лапшу *о-соба* в маленьком ресторанчике напротив храма Сенсодзи, полюбовался старыми домами эпохи Мейдзи, но веера с синей птицей так и не нашёл.

На третий день я снова вышел на поиски веера.

И снова, случайно оказавшись напротив витрины с

глазастой *манеки-неко*, я вошёл внутрь.

Вместо старой продавщицы меня встретила приветливая девочка-подросток.

Мило улыбаясь, она пропела традиционное японское «*Ирасшаймасэ!* – Добро пожаловать!».

На этот раз я решил тщательно осмотреть магазинчик: не зря же я захожу сюда уже третий раз! Может быть, на одной из полок меня ждёт веер с синей птицей?

Я начал неторопливо осматривать полку за полкой, стараясь ничего не пропустить. Веера нигде не было, но на одной из дальних полок, в тёмном углу я нашёл маленькую фарфоровую фигурку лисёнка, вероятно, старой китайской работы.

Лисёнок был как живой. Когда я взял его в руку, мне показалось, что я чувствую тепло его тельца...

– Сколько это стоит? – спросил я девочку.

– Бабушка болеет, а я не знаю, сколько стоит лисёнок. Но думаю, она не будет сердиться, если я продам вам его за *ичиман эн* (десять тысяч иен – примерно 120 долларов).

Я не собирался тратить такую сумму на сувенир, но этот лисёнок... я чувствовал, что не могу выпустить его из рук.

Бережно положив драгоценную покупку во внутренний карман пиджака, я вышел из магазина.

По дороге в отель я обратил внимание, что за мной неотступно следует молодая красивая японка.

Она проводила меня до самого отеля, но, наверное, шла по каким-то своим делам, потому что молодые красивые девушки меня уже давно не преследуют...

На следующий день утром я погулял в парке Уэнокоэн, побродил по улочкам рынка Аме-ёко, немного похожего на рынок Маханей-Иегуда в Иерусалиме, и поехал на станцию Синдзюку в Кинокунию – самый замечательный книжный магазин в Токио.

День был насыщенный и я порядком устал, когда наконец-то добрался до своего отеля.

В лобби отеля я с удивлением увидел старую неприветливую продавщицу из того магазинчика. Она сидела в кресле, но, увидев меня, встала и пошла мне навстречу.

После обычного японского приветствия она сказала: – Извините, но вчера моя внучка по ошибке продала вам вещь, которая не продаётся. Вот, возьмите обратно ваши деньги, и верните, пожалуйста, статуэтку, – с этими словами она вынула из сумочки и протянула мне банкноту.

Разумеется, я не собирался возвращать ей лисёнка.

– Лисёнок мой, - сказал я. – Я купил его, и он останется у меня.

Старуха вынула из сумочки ещё одну банкноту:

– Вот вам ещё десять тысяч иен. Поймите, произошла ошибка. Девочка не знала, что этот лисёнок не продаётся. Верните, пожалуйста, статуэтку.

– Я не спекулирую лисёнками, - ответил я. – Этот лисёнок мне нравится, я за него заплатил и хочу оставить его себе.

Старуха достала из сумочки пачку банкнот:

– Здесь двести тысяч иен. На эти деньги вы сможете неплохо развлечься в Кабуки-чэ...– она подмигнула мне с отвратительной ухмылкой.

– Разговор окончен, леди, – я повернулся к ней спиной и направился к лифту.

– А ведь в Токио с иностранцем всякое может случиться... – раздалось мне вслед.

Это была угроза.

Но я почему-то чувствовал, что лисёнка ей отдавать нельзя.

Двери лифта закрылись, и я поднялся на свой этаж.

Когда я открыл дверь своей комнаты, оттуда выскочила настоящая живая лиса! Она быстро пробежала по коридору и скрылась за углом.

Я вошёл в комнату и зажёл свет, ожидая увидеть беспорядок. Но беспорядка не было.

Я открыл шкаф: лисёнок стоял на полке, где я его и оставил, но что-то изменилось в выражении его мордочки.

Лисёнок улыбался!

На следующий день у меня было намечено два важных дела: встретиться с красавицей Изуми-сан после долгой романтической переписки в Интернете, чтобы наконец-то покончить с моим одиночеством, и посетить издательство «Ранняя звезда», которое, вроде бы, заинтересовалось моими японскими стихами и собиралось их опубликовать.

Когда я выходил из комнаты, то взял на всякий случай лисёнка с собой: положил его во внутренний карман пиджака.

Мы назначили встречу с Изуми-сан напротив справочной «Мидори но мадо-гучи» на станции Уэно.

Я купил красивый букет роз и ждал её в условленном месте, полный самых радужных надежд (к тому же, чувствуя себя великим японским поэтом с почти опубликованной книгой стихов).

Когда Изуми пришла, я с трудом узнал её: она оказалась гораздо красивей, чем на своих фотографиях в Интернете.

Поздоровавшись с ней и подарив ей цветы, я повёл её в кафе Hard Rock – известное место встреч на станции Уэно.

Заказав кофе, мы сели за столик в углу. Любуясь красотой Изуми, я не верил своему счастью, но меня ждало быстрое и жестокое разочарование.

– Ты, кажется, хочешь жениться на японке? – спросила она.

– Да, конечно, это моя мечта! Для этого я и приехал в Японию.

– Но как ты собираешься обеспечивать семью? Где ты будешь работать?

– Это неважно. Постараюсь найти приличную работу, чтобы побольше зарабатывать.

– Приличную работу? Ты просто не знаешь, о чём ты говоришь. Ведь у тебя нет лицензии врача для работы в Японии, а на другой работе твоего заработка будет недостаточно, чтобы содержать семью. Ты собираешься жить в моей квартире и на мою зарплату?

Такая постановка вопроса оказалась для меня полной неожиданностью, мне нечего было ей возразить. Я почему-то думал только о нашей любви – увы, плоды воспитания русского интеллигента...

Изуми положила передо мной на столик цветы и

мелочь (наверное, деньги за кофе), и встала из-за столика.

– До свидания, мистер Умник. Ищи дурочку, которая согласится тебя содержать. А я не для того тяжело работала всю жизнь, чтобы на старости лет сажать себе на шею хитренького *гайдзина Саёнара!*

И она вышла из кафе, даже не оглянувшись.

Я почувствовал, что земля уходит у меня из-под ног. Всё было кончено. Зачем я вообще приехал в Японию?..

Но времени на грустные размышления не оставалось: надо было спешить на встречу с редактором.

Издательство находилось в Сибуе, а туда ещё нужно было добраться. Да и найти в Токио нужный адрес не так-то просто...

Бродя по улочкам Сибуи в поисках издательства, я вдруг увидел странную синюю птицу, порхающую прямо передо мной. Я никогда раньше не видел таких птиц даже на картинке, хотя в детстве увлекался зоологией.

Птица вела себя довольно странно: она перелетала с места на место, время от времени на меня оглядываясь. Как будто, она звала меня за собой и показывала дорогу...

Не задумываясь, я пошёл за синей птицей. Она привела меня к одноэтажному деревянному зданию и влетела внутрь в приоткрытую дверь.

Войдя за ней следом, я с удивлением увидел посреди просторной комнаты Садако-сан в фиолетовом кимоно, сидящую на коленях на *татами* и исполняющую ритуал чайной церемонии!

Даже не взглянув на меня и не прерывая ритуала, она сказала:

– Я знаю, ты попал в запутанную историю и у тебя много вопросов, но сейчас я могу ответить только на один из них. Что тебе кажется самым важным? Что тебе хотелось бы знать больше всего?

Я вспомнил лису, выскочившую из моей комнаты в отеле.

– Что делала лиса в моей комнате? – спросил я.

– Ты задал правильный вопрос, – Садако-сан одобрительно кивнула. – Лиса в твоей комнате кормила грудью своего младенца.

– Кормила грудью младенца?.. – я почувствовал, что запутался окончательно.

Садако-сан поставила чашку с чаем на низкий лакированный столик перед собой, встала и подошла ко мне.

– Если ты хочешь опубликовать свою книгу, ты должен поторопиться: редактор собирается уходить.

Она протянула мне маленький фиолетовый мешочек:

– Это – *о-мамори*. Если в редакции возникнут сложности, сожми этот мешочек в руке, он тебе поможет.

Я знал, что *о-мамори* – «оберег» по-японски.

Сунув мешочек в карман, я поблагодарил Садако-сан и поспешил на поиски издательства...

Редактор оказался маленьким лысым человечком с неприятным лицом. Он сидел за большим столом и просматривал какие-то бумаги, а когда я вошёл в его кабинет, даже не поздоровался.

Неприятно глядя на меня сквозь толстые стёкла очков, он сказал:

– Я прочитал вашу писанину. Это ужасный бред. В жизни не читал подобной чуши. Это вообще не стихи. Вы даже представления не имеете, что такое стихи. Ко всему прочему вы и японского не знаете. Самое

лучшее, что вы можете сделать, – это немедленно вернуться в свой Израиль и никогда в жизни не писать больше стихов, тем более, на японском. Куда же я их положил? – он начал перебирать бумаги на столе. – Наверное, выбросил в корзину для мусора... Извините, я очень занят, у меня нет больше времени...

Ошеломлённый, я вышел из его кабинета на негнущихся ногах.

Если после встречи с Изуми я был подавлен, то после встречи с редактором я был полностью уничтожен. Оставалось только добраться до реки Сумида-гава и...

Но вдруг я вспомнил про *о-мамори*, который дала мне Садако-сан! Я сунул руку в карман, нащупал там мешочек и сжал его...

В ту же секунду лысый редактор выскочил из своего кабинета:

– О, простите меня, *ситсурей итасимасита!*

Произошла ужасная ошибка: я спутал вас с другим поэтом. *Мосиваке аримасэн*. Он действительно бездарность, а вы – гений. У вас замечательные стихи. Никогда не думал, что иностранец способен так тонко чувствовать нюансы японского языка! Мы решили издать вашу книгу большим тиражом уже в следующем месяце. Я думаю, каждый японец будет рад иметь такую книгу у себя на полке.

Это была победа!

Когда я выходил из издательства, у меня за спиной хлопали крылья, и хотелось летать.

Мне и не снился такой успех.

Ах, как жаль, что на встрече с Изуми у меня не было *о-мамори* Садако-сан!

Вдруг я почувствовал, что во внутреннем кармане пиджака у меня кто-то шевелится. Я достал оттуда тёплый шевелящийся клубок: мой лисёнок ожил!

Слепой и совсем маленький, он беспомощно копошился у меня на ладонях и облизывал мои пальцы.

– *Ситсурей десу-га...* – вдруг услышал я прямо перед собой и поднял глаза: передо мной стояла та молодая японка, которая преследовала меня в Асакусе и шла за мной до самого отеля.

Женщина смотрела на меня умоляюще, в глазах её стояли слёзы.

– Пожалуйста, позвольте мне покормить моего малыша, – сказала она, протягивая ко мне руки. – Он уже давно ничего не ел и очень проголодался.

– Вашего малыша? – я ничего не понимал.

Вдруг лисёнок прыгнул ей в руки и превратился в орущего младенца!

Женщина начала его нежно баюкать, что-то ворковать над ним, и ребёнок успокоился. Она огляделась по сторонам, увидела маленький *киссатэн* (кафе в японском стиле) на другой стороне улицы, и мы пошли к переходу.

В кафе было несколько посетителей. Когда мы вошли, все, конечно, посмотрели на нас.

Я заказал два кофе с пирожными.

Женщина, ни на кого не обращая внимания, прошла в дальний угол кафе, села за столик и, повернувшись ко всем спиной, начала кормить ребёнка грудью.

Я принёс кофе и сел за её столик. Она быстро взглянула на меня и улыбнулась, не пряча от меня

грудь. У меня вдруг возникло ощущение, что мы - муж и жена, а это наш малыш. Всё было странно, но никаких объяснений не требовалось: я чувствовал, что мы - одна семья.

После кормления ребёнка мать и младенец выглядели вполне счастливыми и умиротворёнными.

Мы вышли из кафе и пошли в сторону станции Сибуя. Женщина шла очень быстро.

– Идём быстрее, нам надо спешить, – сказала она.

Мы и так почти бежали.

– Куда мы так спешим? – спросил я. – Как тебя зовут?

– Я Киоко. У тебя много вопросов, но подожди ещё немного, скоро всё узнаешь. Если бы ты не купил лисёнка, ты бы не оказался в такой странной ситуации...

Вдруг из-за поворота на большой скорости выскочили две чёрные машины. Они резко затормозили прямо перед нами, завизжали тормоза.

Мы как раз проходили мимо какого-то высотного здания с большими буквами NHK на фасаде.

– Скорее туда! – закричала Киоко, и мы побежали к стеклянным дверям здания.

Из машин выскочили здоровенные парни в чёрных костюмах и бросились за нами.

В этот момент из дверей здания нам навстречу вышел улыбающийся красивый молодой японец с роскошной шевелюрой – наверное, кинозвезда, а вслед за ним – толпа визжащих от восторга девушек.

Мы с трудом протиснулись сквозь визжащую толпу и вбежали в здание.

– Пожалуйста, ваш билетик! – закричала нам вслед

какая-то женщина, но мы уже бежали по длинному коридору.

Это здание оказалось каким-то телевизионным центром: в большие окна из коридора можно было видеть студии, где готовили и снимали телепередачи.

Вдруг одна из дверей открылась, и какой-то парень с крашеными рыжими волосами и серьгой в ухе крикнул нам:

– Куда вы пропали? Все вас ждут. Мы не можем без вас начать съёмку. Скорее переодевайтесь!

Мы вошли внутрь. Это была студия, и она была заполнена самураями в традиционной одежде: наверное, там шла съёмка самурайского фильма.

Нас с Киоко сразу повели в гримёрные.

Не успел я опомниться, как на мне был парик и самурайский костюм с мечом на поясе.

Когда я увидел Киоко в кимоно и с традиционной японской причёской, у меня дыхание перехватило от восторга, до того она была прекрасна. А нашего младенца закутали в фиолетовую накидку.

Рыжий режиссер сказал нам:

– Это очень ответственный эпизод. Я хочу показать в этом фильме, как единственный раз в истории Японии *гайдзин* спас сына императора.

Вдруг в дверях показались парни, которые за нами гнались. Они тут же нас узнали, несмотря на костюмы.

– Хватайте их, чего вы медлите? – закричал один из них.

Надо было срочно что-то предпринять.

Я сжал в кармане *о-мамори* Садоко-сан и закричал:

– Самураи, спасайте сына императора!!

В ту же секунду все артисты, одетые самураями, выхватили мечи и бросились на наших преследователей.

Началось настоящее побоище! В завязавшейся потасовке мы с Киоко сумели пробиться к выходу...

Наше появление на улице вызвало удивление и восторг. Ещё бы! – иностранец и красивая японка с младенцем на руках в самурайских костюмах семнадцатого века!

Прохожие и автомобили останавливались, все фотографировали нас на сотовые телефоны.

Вдруг прямо перед нами остановился большой белый фургон с красными буквами TV - NHK.

Из фургона выскочил парень с камерой и тут же начал нас снимать. К нам подошла девушка с микрофоном и, улыбаясь в камеру, начала говорить:

– Мы в прямом эфире программы «Удивляйтесь вместе с нами». Здесь, на улицах Сибуи неожиданно появилась эта необычная пара из семнадцатого века. Давайте спросим у них, кто они и зачем к нам пожаловали.

Девушка протянула мне микрофон.

– Мы перенеслись в ваш век, чтобы полюбоваться сегодняшней Сибуей, – сказал я первое, что пришло в голову.

– А кто эта красавица и этот милый малыш?

Не раздумывая ни секунды, я ответил:

– Это - моя жена и мой сын. А я - израильский поэт, пишущий на японском. Книга моих стихов выйдет в

следующем месяце в издательстве «Ранняя звезда».

– О, как интересно! Прочитайте нам, пожалуйста, одно из ваших стихотворений.

Сегодня ты по ошибке
вместо риса
положила в бентō свои поцелуи.

Из-за этой милой ошибки
моё сердце сыто твоей любовью,
а желудок пустой...

(*бентō* – коробочка с завтраком)

– Какое замечательное стихотворение! Я уверена, что ваша книга будет иметь в Японии большой успех.

Когда репортёры наконец нас оставили, Киоко сказала, радостно улыбаясь:

– Заявив на весь мир, что мы – твоя семья, ты решил все наши проблемы. Ты даже не представляешь себе, какой ты молодец.

– Киоко, я очень люблю тебя и твоего лисёнка, и прошу тебя стать моей женой.

Японцы обычно не целуются, тем более, на улице, но Киоко поцеловала меня долгим счастливым поцелуем под радостные аплодисменты собравшейся толпы.

Неожиданно откуда-то появилась Изуми.

Наш вид с Киоко произвёл на неё сильнейшее

впечатление. Оправившись от шока, она подошла к Киоко и сказала:

– Не верь ему, он - лжец. Ещё сегодня утром он делал мне предложение...

Киоко ответила ей с надменной улыбкой:

– Это уже не твоё дело. Он - мой. Теперь я уж сама с ним как-нибудь разберусь.

И Изуми исчезла из моей жизни навсегда.

Когда мы наконец подошли к станции, Киоко сказала мне:

– Поезжай, пожалуйста, в храм Годзё в парке Уэно.

Там ты получишь ответы на все свои вопросы. А мы будем ждать тебя в отеле.

Перед входом в Годзё-дзиндзя в парке Уэно я увидел молодого монаха в белых одеждах. Это был высокий, сильный мужчина с красивым суровым лицом.

Он посмотрел мне в глаза, и я почувствовал, что его взгляд проник в самое сердце.

– Теперь ты имеешь право знать всё, – сказал он. –

Меня соблазнила *китсуне* - лиса, обернувшаяся прекрасной девушкой, и от нашей связи родился ребёнок. Чтобы скрыть свой позор, я заколдовал его, превратив в фарфорового лисёнка, и спрятал в одной из лавочек в Асакусе. Когда ты купил его, я понял, что могу погибнуть, и решил вас всех уничтожить...

Но теперь, когда ты объявил всему миру, что это - твоя жена и твой ребёнок, мне остаётся только благословить вас и пожелать вам счастья...

– А за твоё мужество тебе полагается награда. – Он протянул мне небольшую деревянную коробку.

Я открыл её: там был веер с изображением синей птицы!!

– Передай это матери твоей будущей жены, – сказал монах.

– Матери моей будущей жены!?

– Ну да, твоей учительнице японского языка Садако-сан: ведь это она послала тебя спасти дочь и внука...

С этими словами монах повернулся и вошёл в храм.

Наша свадьба с Киоко в Иерусалиме была не совсем обычной не только потому, что невеста была с младенцем на руках: в самый разгар свадьбы с ясного голубого неба вдруг хлынул сильнейший ливень.

Те, кто посвящён в японские тайны, знают, что такое может произойти только в одном случае: если выходит замуж *китсуне* - лиса, превратившаяся в девушку...

Закон Токио

Я изучал в Иерусалимском университете физику и японский язык.

Физика будет моей будущей профессией.

А японский?

Сам не знаю, зачем его учил...

Моим лучшим другом в университете был Акира - парень из Токио. Он изучал иудаизм, и тоже не мог объяснить, зачем он это делает.

Неудивительно, что мы стали друзьями.

Как-то раз мы сидели с Акирой перед телевизором и смотрели, как по улицам Токио проносятся на велосипедах японские девушки. Очарованный их красотой и изяществом, я воскликнул:

– О, как было бы здорово жениться на одной из этих красоток!

Акира посмотрел на меня с лукавой улыбкой и сказал:

– А знаешь, не так-то сложно это сделать, гораздо проще, чем ты думаешь. Ведь существует «Закон Токио».

– Закон Токио?..

– А ты разве не знаешь? По «Закону Токио», если японка на велосипеде случайно наедет на парня, она обязана выйти за него замуж.

Это был мой шанс! Я понял, что должен немедленно лететь в Японию!

На следующий день утром я, как обычно, завтракал с родителями на кухне. Папа, как всегда, читал газету, а

мама, как всегда, заботилась, чтобы всем было вкусно. Я решил поделиться с родителями своими планами. Папа работал адвокатом и мог дать мне дельный совет по поводу «Закона Токио».

– Я хочу жениться на японке, – сказал я. – Через пару недель лечу в Токио за невестой.

Родители привыкли относиться к моим словам серьёзно, и новость произвела на них большое впечатление. Папа перестал есть и отложил газету. Мама смотрела на меня с удивлением и даже с каким-то ужасом.

Некоторое время они не могли вымолвить ни слова. Наконец, мама спросила:

– Почему именно на японке? Тебе что, израильтянок не хватает?

– Мне нравятся японки, и я хочу, чтобы у меня была жена - японка... А японские дети такие милые!

Мама повернулась к папе:

– Что ты молчишь? Ты что, не видишь, что у твоего сына сносит крышу? Скажи что-нибудь!

Папа усмехнулся:

– А почему ты думаешь, что красивая японская девушка захочет выйти за тебя замуж?

– Я женюсь на ней по «Закону Токио», – ответил я.

– По закону Токио? О каком законе ты говоришь?

– А ты разве не знаешь? – Папа был специалистом по международному праву, и я удивился, что он не знает такого важного закона.

Я вкратце передал им наш разговор с Акирой.

Мои родители переглянулись и...начали дико хохотать!

Я не понимал причины такого веселья, а они смеялись до слёз, просто давились от смеха.

Когда через несколько минут папа немного успокоился и был в состоянии говорить, он сказал сквозь слёзы:

– Да, ты прав, такой закон существует. Поезжай, пожалуйста, в Японию и женись там на японской велосипедистке по «Закону Токио»...

Ура! Я знал, что папа меня поймёт!

Теперь, получив родительское благословение, я не сомневался в успехе и, не теряя времени, начал готовиться к поездке в Японию.

И вот, через пару недель я уже гулял по улицам Токио, а мимо меня проносились на велосипедах десятки, сотни японских красавиц!

Но попасть им под колёса оказалось не так-то просто: японки были отличными велосипедистками, они виртуозно управляли своими велосипедами, и никто из них не собирался на меня наезжать (а, может быть, я им просто не нравился?)

Но скоро я забыл, зачем приехал: очарование волшебного города захватило меня! Мне хотелось сфотографировать все улицы Токио, все дома, всех японцев, идущих навстречу...

Я ходил, как лунатик, с открытым ртом, глядя на всё вокруг влюблёнными глазами и непрерывно фотографируя, когда вдруг...я почувствовал удар в бедро и услышал испуганный крик и звук падения велосипеда!

Быстро оглянувшись, я увидел девушку с велосипедом, лежащую на тротуаре.

Я сразу понял, что случилось как раз то, ради чего я и приехал в Токио.

Я бросился к девушке и помог ей подняться. К счастью она «отделалась лёгким испугом» и поцарапанной коленкой.

– Ой, простите меня. Вы не ушиблись?

– Это я во всём виновата. *Мосиваке аримасен.*

Девушка мне очень понравилась. Причёска с чёлкой и хвостиком «пони» делали её милой и трогательной.

Мы столкнулись как раз напротив кафе Starbucks, и я пригласил её выпить чашечку кофе. Она согласилась, может быть, из чувства вины, чтобы загладить неловкость.

Конечно же, я влюбился в неё без памяти с первого взгляда: несомненно, именно за ней я и приехал в Японию.

Мы познакомились. Девушку звали Юми.

Сидя за столиком в Starbucks, мы пили кофе со льдом и украдкой разглядывали друг друга.

Я почувствовал, что настало время для объяснений.

– Юми-сан, если я вам не нравлюсь, вы не обязаны выходить за меня замуж.

Девушка очень удивилась.

– Выходить за вас замуж? О чём вы говорите?

– Я имею в виду «Закон Токио». Вы мне очень нравитесь, и я буду счастлив, если вы согласитесь стать моей женой. Но, если я вам не нравлюсь...

– Вы делаете мне предложение? Что такое «Закон Токио»?

Я передал ей слова Акиры.

Её брови поползли вверх, а глаза округлились от удивления, но уже в следующее мгновение она весело рассмеялась.

Я почувствовал себя странно: почему она смеётся?

Насмеявшись вволю, девушка сказала:

– Вы тоже мне очень понравились, и я согласна выйти за вас замуж. Если хотите, сегодня вечером я представлю вас моим родителям.

Вот это да! У меня даже дыхание перехватило от неожиданного счастья!

Мы назначили встречу на семь вечера напротив Хачико (памятник верной собаке по кличке Хачико находится рядом с одним из выходов станции Сибуя). Когда в семь я добрался до Хачико, там была огромная толпа: казалось, собралась вся молодёжь Токио! Я с трудом отыскал среди них мою Юми.

Она была в роскошном вечернем платье, на высоких каблуках и с «взрослой» причёской. Настоящая красавица!

Увы, я не догадался переодеться и неловко оглядывал свои джинсы и кроссовки.

Она заметила моё смущение и ободряюще улыбнулась:

– Не волнуйся, всё в порядке. Только давай пойдём быстрее, а то мы опаздываем.

Мы шли минут двадцать, пока не добрались до какого-то ресторана в японском стиле.

Войдя внутрь, мы сразу направились к столику, за которым сидели две пожилые пары и молодой японец.

Все были одеты празднично: женщины были в кимоно, мужчины – в чёрных костюмах с галстуками. Стол был уставлен незнакомыми мне блюдами невиданной красоты и украшен цветами.

В своей одежде путешественника я чувствовал себя немного не в своей тарелке.

Когда мы подошли к столику, Юми взяла меня за руку, улыбнулась и, поклонившись, поздоровалась с сидящими за столом. В ту же минуту одна из пожилых

пар и молодой человек встали из-за стола и молча направились к выходу. Другая пара вскочила и побежала за ними с поклонами и извинениями.

Юми, как ни в чём не бывало, села за стол и начала что-то накладывать себе в тарелку.

Она посмотрела на меня с улыбкой:

– Смотри, сколько вкусной еды! Скорее садись и начинай есть. Я ужасно проголодалась.

Но не успел я сесть, как вернулась пара пожилых людей, – наверное, родителей Юми. Они выглядели очень расстроенными.

Пожилый мужчина, наверное, отец Юми, сказал:

– Юми, когда ты перестанешь нас позорить перед людьми? Как тебе не стыдно! Ты это проделываешь уже не в первый раз. Чем тебе не понравился жених? Между прочим, он очень богат и учится на врача.

Тут он заметил меня и спросил:

– А это ещё кто?

– Это и есть мой жених, – ответила Юми.

– Твой жених? Этот *гайдзин* – твой жених? Это что, шутка?

Поклонившись, я вежливо представился и сказал:

– Мы должны пожениться с Юми по «Закону Токио».

– По какому закону? – отец Юми явно никогда раньше не слышал о «Законе Токио». Я с готовностью всё ему объяснил, но, может быть, мой японский был не достаточно понятен...

Он пришёл в ярость.

– Никогда не слышал подобной чуши! – закричал он.

В этот момент в ресторан вошёл отец неудавшегося жениха, а с ним – несколько здоровенных парней угрожающего вида. Они направились в нашу сторону,

и их намерения не вызывали сомнений.

Отец жениха сказал отцу Юми:

– Ты что, думаешь, что можно вот так запросто оскорблять людей, и это сойдёт тебе с рук? Сейчас я научу тебе вежливости.

Увидев меня, он сказал:

– А ты проваливай, спасай свою шкуру. Наши разборки тебя не касаются.

– Ещё как касаются, – сказал я. – Я - жених Юми, и почти член её семьи.

– Ах ты её жених? Ну что ж, тогда ты получишь свою порцию...

– Не надо так спешить, – сказал я. – Я из Израиля, и служил в израильских командос. Может быть, ты слышал о нас? Израильские командос пленных не берут. Лучше бы вам, ребята, со мной не связываться, уносите-ка ноги подобру-поздорову. Если вы на нас нападёте, я за себя не ручаюсь... Никто не уйдёт живым.

Мои слова произвели на них огромное впечатление.

Бормоча угрозы, они направились к выходу.

– Мы ещё встретимся! – сказал отец жениха, выходя из ресторана.

– Ты что, действительно служил в израильских командос? – спросил меня отец Юми.

– Да нет, конечно, я даже и в армии не был, – ответил я.

– Ты выходишь замуж за этого парня, – сказал он Юми, кивнув в мою сторону.

Мои родители, конечно, были счастливы, когда я привёз им красавицу Юми.

Свадьба была великолепной!

И сейчас мама бывает ужасно рада, когда мы просим её посидеть с нашей маленькой сладкой Фумико-чан...

А что же Акира?

Увидев эффективность своего «Закона», он тут же поехал в Токио, и до сих пор бросается там под колёса хорошеньких велосипедисток...

В одной из передач японского телевидения диктор сказал:

– Последнее время на улицах Токио можно наблюдать странное явление: молодые иностранцы бросаются под колёса японских велосипедисток. Когда мы спросили молодого американца, зачем он это делает, парень ответил: «Я приехал в Японию жениться на красивой японке. А самый простой и надёжный способ сделать это – жениться по «Закону Токио»...

Из Японии с любовью

– Да не волнуйтесь вы так, – сказала девушка в аптеке.
– Ребёночек родился? Это иногда бывает. Сейчас подберём для него всё необходимое.

Меня била нервная дрожь. Всё было не совсем так, как думала эта девушка.

Дело в том, что сегодня утром я обнаружил у себя под дверью орущего японского младенца.

Как он туда попал?

Я не сразу вспомнил Токико, девушку, жившую по соседству и переехавшую куда-то полгода назад. Токико была прелестной миниатюрной японкой, вела довольно рассеянный образ жизни и однажды проснулась в моей постели.

Был ли я отцом ребёнка? Не знаю. Может быть, и нет. Но это уже не имело значения: японская малышка, красивая и белая, как снег, оказалась у меня на руках.

Я сразу назвал её Юки - «снег» по-японски. (Вообще-то, в России после демобилизации из армии я пошёл на факультет японского языка и в «той» российской жизни работал переводчиком с японского).

У меня даже в мыслях не было бежать в полицию и отдавать кому-то эту милую девчушку. Я сразу же признал её своим ребёнком.

Но что же с ней делать? Не раздумывая, я позвонил в соседнюю квартиру. Там жила Елена Сергеевна – женщина средних лет, русская интеллигентка, неизвестно какими путями попавшая в Израиль. Она была худенькая, почти прозрачная, но с твёрдым волевым взглядом и властным голосом.

Елена Сергеевна не растерялась и не удивилась. Она спокойно взяла ребёнка на руки и послала меня в аптеку «купить всё необходимое».

– Не забудьте купить детское питание для

новорожденного, бутылочку с соской и подгузники, – просто и обыденно сказала она. – Деньги-то у вас есть?

Моя подружка, услышав, что я неожиданно обзавёлся японской дочкой, закричала:

– Связался с какой-то японской... – и сразу же исчезла из моей жизни навсегда.

А я, чудом пробившись сквозь пласты и торосы израильской бюрократии, официально удочерил Юки. Елена Сергеевна, будучи человеком незанятым, помогала мне растить девочку. Я много работал, а когда возвращался домой, всё время проводил с ребёнком. Елена Сергеевна постепенно стала членом моей семьи. А другой семьи у меня к тому времени, увы, уже не было. Так мы и жили.

– Ребёнку нужна мать. Жениться вам надо, Саша, – сказала как-то Елена Сергеевна. – Девочке-то уже три годика исполнилось.

Разумеется, она была права. Я понимал это и искал подходящую женщину. Но женщины, узнавая про Юки, немедленно испарялись: никому не хотелось растить японскую девчушку в Израиле.

Наконец, я пришёл к выводу, что мать Юки должна быть японкой.

Подходящих японок в Иерусалиме не было. Были какие-то японские студентки в университете, помешанные на сексе и мечтающие о богатом американском женихе, были японки - чьи-то жёны... Всё это не годилось. Подходящую японку надо было искать в Японии.

Я нашёл в интернете японские сайты и чаты знакомств, и начал поиски.

Разумеется, про девочку я никому не рассказывал. Описывал, в основном, какой я лихой парень. Долго не удавалось найти ничего стоящего, пока однажды не появилась Эмико...

Ичирую Такеда не работал в министерстве сельского хозяйства, как думали его соседи. В течение десяти последних лет он возглавлял оперативный отдел японской разведки.

Да и Хироко Моримото не служила в рекламной фирме, как думала её мама. Она была отлично подготовленным агентом японской разведки, выполнявшим самые ответственные и опасные поручения.

Для одного из таких поручений её и вызвали сегодня в Главный офис.

Войдя в кабинет полковника, девушка поклонилась:

– *Ситсурей итасимас.*

– *О-о, хисасибури,* – отозвался полковник. – *Генки кай?*

Только сейчас он оторвался от каких-то бумаг на столе и поднял взгляд на девушку.

Каждый раз, глядя на её хрупкую изящную фигурку, он вспоминал свою жену Юми, давно погибшую во время того ужасного землетрясения в Кобе.

– Хироко-чан, – он всегда обращался к ней ласково, по-домашнему, – сегодня ночью ты вылетаешь в Израиль.

Девушка не могла скрыть волнения. Такеда знал, что несколько лет назад у неё был бурный и несчастный роман с израильтянином, жившим в Японии.

Всё закончилось, увы, банально: израильтянин

неожиданно вернулся в Израиль, оставив Хироко страдать. До сих пор сердечная рана кровоточила, и иногда девушка плакала по ночам.

– Через неделю в Израиль приезжает группа китайских физиков. Среди них будет вот этот человек, – полковник протянул Хироко фотографию. – Он - не физик и даже не китаец. Это северо-корейский шпион и убийца. Он везёт палестинцам договор об атомной бомбе. Но это нас не касается. У нас с ним свои счёты. Он доставил нам большие неприятности в Сеуле в прошлом году.

Хироко знала, о чём идёт речь: год назад в Сеуле погибло несколько японских агентов.

– В Китае, а тем более в Корее достать его мы не можем. Придётся сделать это в Израиле. Ты уничтожишь его и вернёшься. Операция займёт неделю.

Полковник вдруг улыбнулся:

– Поедешь под необычным прикрытием, – он нажал кнопку селектора, –Танака-кун, войдите!

Почти сразу в кабинет вошёл очень молодой офицер. Произнося обычные приветствия, он почему-то покраснел, взглянув на Хироко.

– Докладывайте, лейтенант! – приказал Такеда.

– Полгода назад, – откашлявшись, начал Танака, – в одном из японских чатов знакомств в интернете появился израильтянин, в совершенстве владеющий японским языком. Он очень активно пытался познакомиться с какой-нибудь молодой японкой. По приказу командира я вступил с ним в переписку под именем Эмико.

Он быстро посмотрел на Хироко и снова залился краской.

– Вот здесь наша переписка и фотография этого субъекта, – офицер с поклоном протянул полковнику папку с бумагами.

– Вы можете идти, лейтенант.

Когда за Танакой закрылась дверь, полковник Такеда вынул из папки фотографию и, улыбаясь, протянул её девушке:

– Вот этот парень. Ты едешь к нему, Эмико-чан, и вылетаешь сегодня ночью. Он встретит тебя в тель-авивском аэропорту. Он не знает, как ты выглядишь, и никогда не слышал твоего голоса. Судя по его последним письмам, он заочно без памяти в тебя влюблён и очень тебя ждёт.

Хироко, не отрываясь, смотрела на фотографию.

– Разумеется, после завершения операции его нужно будет уничтожить.

Полковник кивнул – инструктаж был закончен.

Поклонившись, Хироко вышла из кабинета.

Алекс попал в поле зрения японской разведки, когда в одном из японских чатов похвастался, что служил в Чечне снайпером.

Сначала его хотели завербовать. Но события развивались стремительно, времени не оставалось, и решено было просто использовать его в предстоящей операции «слепым агентом».

Сегодня на утренней пятиминутке в одном из отделов израильской контрразведки присутствовал никому не знакомый посетитель, парень с азиатской внешностью.

– Это - наш друг из Мосада, Игаль, – представил его Нисим.

Все улыбнулись: у «друзей из Мосада» имён не было.

– Он нам сейчас расскажет что-то интересное.

Пожалуйста, Игаль, начинайте.

Игаль заговорил на иврите с лёгким акцентом:

– Завтра в Израиль по приглашению хайфского

Техниона приезжает группа китайских физиков.

Среди них будет некий Ван-Ли. Нам стало известно

от наших друзей, что Ван-Ли совсем не физик и даже

не китаец. Это - агент северо-корейской разведки Пак

Чен. Он везёт палестинцам договор о продаже северо-

корейского оружия. Вероятно, речь идёт о ракетах

среднего радиуса действия или об атомной бомбе.

Палестинцы готовы заплатить за атомную бомбу

любые деньги, и деньги у них есть. Ну а в Северной

Корее голод, и деньги им нужны позарез...

После недолгого молчания Нисим сказал:

– Организуем за этим Пак-Ченом тщательное

наблюдение. Устранить его мы не можем, ведь он –

«китайский физик», а у нас и без того хватает проблем

с Китаем. А вот с его палестинскими «визави» мы

вполне можем разобраться. Сейчас решим, кто этим

займётся, и перейдём к следующим вопросам.

Нисим повернулся к Игалю.

– Вы хотите что-то добавить?

– Да, если можно. От наших друзей мы получили

информацию, что за Пак-Ченом почему-то охотится

японская разведка. Японцы уже дважды пытались его

ликвидировать, но оба раза неудачно. Не исключено,

что они попытаются сделать это в Израиле.

– Ну, это уж маловероятно. В любом случае, мы не станем его защищать, а тем более, не будем печалиться, если... с ним что-нибудь случится.

Когда за Игалем закрылась дверь, Нисим занялся распределением ролей в предстоящей операции.

Самолёт приземлился в аэропорту Бен-Гурион. Широко без проблем прошла паспортный контроль и направилась к выходу. Задание казалось ей несложным. Вот только парень на фотографии ей понравился, и убивать его не хотелось.

Саша долго обдумывал, как лучше встретить Эмико и как познакомить её с девочкой.

Он поторопился, пригласив женщину, даже не взглянув на её фотографию.

Разумеется, его беспокоил вопрос, как она выглядит. Эмико, правда, написала ему, что она «хосой» (худенькая) и «кавай» (милая), но что за этим кроется? Почти все японки «хосой» и «кавай»... А вдруг она некрасивая? А вдруг она ему просто не понравится?

– Не волнуйтесь, Саша, – успокаивала Елена Сергеевна.

– В крайнем случае, девушка погостит у нас немного и вернётся в Японию.

Было решено взять Юки в аэропорт встречать Эмико. «Всё решится сразу», – думал Саша, и Елена Сергеевна была с ним согласна.

Но как объяснить девочке, кто приезжает? Была ещё одна проблема: Юки практически не видела японских женщин и никогда с ними не общалась. Как она отреагирует на Эмико?

Елена Сергевна, как всегда, действовала быстро и решительно:

– Приезжает очень хорошая тётя, – сказала она Юки.
– Ты с папой поедешь её встречать. Если тётя тебе понравится, она будет твоей мамой.

Придя в себя после сказанного Еленой Сергеевной, Саша, как обычно, перевёл её слова девочке на японский. Он старался, чтобы Юки знала японский так же хорошо, как и русский, и всё объяснял девочке на двух языках.

Хироко была единственной японкой среди прилетевших, и Саша сразу же понял, что это - она. Сердце его радостно забилось от внезапного счастья: девушка оказалась необыкновенно красивой.

Юки сидела у него на руках, выглядывая из-за огромного букета цветов. Увидев Хироко, она сразу же поняла, что это и есть «хорошая тётя», спрыгнула с папиных рук...

Хироко тоже мгновенно узнала Сашу. Увидев прелестную японскую девочку у него на руках, она застыла на месте в полном недоумении. Опытный тренированный агент, умеющий принимать мгновенные решения в невероятно сложных ситуациях, на этот раз она просто растерялась и не знала, что делать.

В следующий момент Юки уже бежала к ней с криком «окаасан! окаасан!» (мама! мама!).

Тогда не знающая, что делать Хироко-агент тут же превратилась в отлично знающую, что делать Хироко-женщину. Она подхватила на руки очаровательную девчушку и нежно прижала её к себе.

– *Кавай оннаноко...* – шептала Хироко. – Милая девочка...

Что-то, незнакомое ей раньше, мешало говорить и комом стояло в горле.

Слёзы потекли по её щекам. Хироко плакала.

Мы сидели вчетвером в маленьком итальянском кафе в Нахалат Шива.

Юки лакомилась мороженым, сидя на коленях у Эмико. Её лицо светилось счастьем. Эмико ласково похлопывала девочку, и что-то шептала ей на ухо.

Мы с Еленой Сергеевной как замороженные смотрели на них, не в силах отвести глаз. Со дня приезда Эмико прошло всего четыре дня, но мы наслаждались семейной идиллией, как будто уже долгие годы жили вместе...

– Мама должна оставить тебя на часок, любимая, – сказала Эмико.

– На часок? – переспросила девочка. – А куда ты пойдёшь?

– Мне надо встретиться с подружкой. Я только встречусь с ней и сразу вернусь. Ты и соскучиться не успеешь.

Елена Сергеевна посмотрела в окно:

– Смотрите, Саша, сколько китайских рабочих набежало. Интересно, что им здесь нужно?

Я проследил за её взглядом: на улице около входа в кафе стояло несколько китайцев в рабочей одежде. В последнее время в Израиле стало действительно много китайских рабочих. Я перевёл слова Елены Сергеевны Эмико.

Эмико тоже посмотрела в окно и... вздрогнула. Она мгновенно изменилась, вся как-то подобралась. Взгляд её стал жёстким, лицо превратилось в каменную маску. Она неторопливо передала девочку Елене Сергеевне. Юки поняла – что-то случилось, и вопросительно смотрела на маму.

– Скажи Елене Сергеевне, чтобы она немедленно увела Юки домой. – Эмико говорила ровным спокойным голосом.

– Что случилось? – спросил я.

– Это не китайцы. – Сказала Эмико. – Это - северо-корейские агенты. И они пришли за мной.

– О чём ты говоришь? Что происходит?!

– Здесь очень опасно. Пусть Елена Сергеевна быстро уведёт девочку.

Елена Сергеевна, напряжённо вслушивалась в японскую речь, вопросительно глядя то на меня, то на Эмико. Она поняла: случилось что-то серьёзное.

– Елена Сергеевна, Эмико сказала, что эти, за окном - корейские агенты. Она говорит, что они пришли за ней и оставаться здесь опасно. Пожалуйста, возьмите Юки и идите домой... Я что-то ничего не понимаю...

– А что тут понимать? – взорвалась Елена Сергеевна.

– Твоя Эмико - японская шпионка, а эти корейцы пришли её убивать. Она тебя просто использовала для прикрытия! И нас всех подставила.

Елена Сергеевна зло посмотрела на японку:

– Девочку бы хоть пожалела.

– Что она говорит? – быстро спросила Эмико.

Я перевёл.

– *Со-о да не*, – сказала Эмико, – она всё говорит правильно.

– ???

Я не находил слов. Эмико - шпионка???

Елена Сергеевна подхватила на руки притихшую Юки:

– Будьте осторожны, Саша, и не верьте этой... А о девочке я позабочусь, не волнуйтесь. Я уж сумею её защитить.

Не глядя на японку, она вышла из кафе.

Когда они с Юки проходили мимо китайских рабочих (или корейских шпионов?), один из них незаметно последовал за женщиной с ребёнком...

– Эмико, объясни мне, что происходит?

– Я не Эмико, Саша. Я – агент японской разведки. Меня зовут Хироко.

Она смотрела мне в глаза, и я понимал, что всё, что она говорит, – правда.

– Когда я получила задание, я не знала, что полюблю тебя. Не знала, что есть Юки...

Она взяла меня за руки:

– *Хонто-о ни кими о ай сите иру ва...* – я действительно очень люблю тебя. Пожалуйста, поверь мне! Если мы выйдем отсюда живыми... я докажу тебе...

Хироко замолчала. Она с трудом сдерживала слёзы.

Я посмотрел на корейцев за окном. Все они, не отрываясь, смотрели на нас.

– Что ты должна сделать в Израиле? Зачем тебя прислали? Почему эти корейцы охотятся за тобой?

– Меня послали ликвидировать одного корейского агента, находящегося сейчас в Израиле. Он убил

несколько наших людей, и я должна отомстить.

– А что он делает в Израиле?

– Он привёз палестинцам договор о корейской атомной бомбе.

Атомная бомба у палестинцев! Хироко права: его нужно немедленно уничтожить.

– Я помогу тебе, – сказал я. – *До-о ситара ии но?* Что нужно делать?

Хироко улыбнулась и сжала мои руки.

– Я не смогу отсюда выбраться, – она кивнула в сторону окна. – А ты беги быстрее к Сионским Воротам. Там ждёт один из наших. Скажешь ему, что тебя послала Хироко. Он объяснит, что нужно сделать.

– Как я его узнаю?

– Он японец.

– А как ты?

– За меня не беспокойся. Корейцам до меня не добраться.

– *Ай сите иру ё* – я очень люблю тебя, – сказал я. – Держись, Хироко, миленькая, – *гамбатте кудасай!*

Я встал и быстро прошёл через кухню к заднему выходу.

Елена Сергеевна неторопливо шла по направлению к дому, держа Юки за ручку и что-то ей рассказывая. Девочка внимательно слушала, иногда задавая вопросы.

За ними на небольшом расстоянии медленно шёл «китайский рабочий».

Агент Чон Хи получил простое задание:

ликвидировать женщину и девочку, а затем, ускользнув от возможной слежки, встретиться в условленном месте с остальными членами группы. В правой руке Чон сжимал рукоятку спрятанного в рукаве кинжала.

Увидев впереди безлюдный переулок, Чон ускорил шаг, быстро догоняя свои жертвы. Наконец, за пару метров до цели, он приготовился к удару...

Вдруг женщина резко обернулась, и, быстро шагнув к Чону, нанесла ему молниеносный удар пальцами правой руки по горлу. Чон рухнул на месте, не успев ни вскрикнуть, ни взмахнуть руками... Это был излюбленный приём старшего инструктора спецшколы КГБ капитана Елены Сергеевны Беловой.

Она быстро обернулась к Юки, загоразивая собой падающего Чона, и улыбаясь, громко сказала:
– Пойдём быстрее, милая. У меня есть для тебя дома что-то вкусенькое.

У Ворот Циона никого не было. Только небольшая белая «тойота», стоящая на обочине. Я подошёл ближе: шофёр, молодой японец как-то странно откинулся на переднем сидении. Я открыл дверь машины. Парень был бледен, глаза его были закрыты, одежда испачкана кровью.

– *Иките имаска?* Ты живой? – спросил я.

Он открыл глаза, какое-то время смотрел на меня и вдруг улыбнулся:

– Алекс... – прошептал он.

Откуда он знает моё имя? Но на вопросы и раздумья времени не оставалось.

– Меня прислала Хироко, – быстро сказал я по-японски. – Она не сможет прийти. Всё, что надо сделать, сделаю я.

Парень долго смотрел на меня, потом прикрыл глаза и сказал:

– Часовня напротив Храма Гроба Господня... Второй этаж... Ровно в одиннадцать он выйдет из церкви...

Я посмотрел на часы. Было без десяти одиннадцать. Надо было спешить.

– А знаешь, – вдруг прошептал парень, открыв глаза и с какой-то усмешкой глядя на меня. – Ведь это я с тобой переписывался... *Боку ва Эмико да* – я - Эмико... Он уронил голову набок и окончательно потерял сознание.

Всё перемешалось у меня в голове, но разобраться во всём этом сейчас уже не было времени.

Я бежал изо всех сил, чтобы успеть к одиннадцати.

Вот, наконец, и Храм, а напротив – старая, начинающая уже разваливаться часовня.

Я взлетел на второй этаж на одном дыхании: там, в бойнице лежала снайперская винтовка с оптическим прицелом.

Часы начали бить одиннадцать!

Я схватил винтовку, передёрнул затвор и навёл её на выход из церкви.

Руки немного дрожали – после такого-то бега, – но выбора не было, а промахнуться я не имел права. Сейчас главное – дыхание, ровное, глубокое дыхание...

Вдруг высокая дверь церкви открылась и из неё вышли пять совершенно одинаковых китайцев. Они были с одинаковыми лицами, одинаковыми короткими

стрижками, все одеты в одинаковые серые костюмы и белые рубашки с галстуками...

Кто же из них корейский шпион?

Времени на раздумье не было. Если палестинцы получат атомную бомбу...

Нет, это надо предотвратить любой ценой!

Перестрелять всех этих китайцев - корейцев к такой-то матери!!

Я вскинул винтовку.

Но вдруг к одному из китайцев подбежали два араба. Начались улыбки, рукопожатия, взаимные похлопывания по плечу...

– Молодцы японцы! – Нисим был очень доволен. – Добрались-таки до этого Пака.

– А это не японцы, – отозвался лейтенант Габи.

– ???

– На винтовке – отпечатки пальцев нашего парня. Вот, посмотрите.

Габи протянул Нисиму какие-то бумаги. Отпечатки пальцев Алекса, как и всех, проходящих военную службу в Израиле, имелись в картотеке израильской контрразведки.

– Прикажете его арестовать? – спросил Габи.

– А за что же его арестовывать? За то, что он спас Израиль от атомной бомбы?

– Но он же агент японской разведки!

Нисим улыбнулся:

– За что вы так не любите Японию, лейтенант? Давайте сходим сегодня вечером в «Сакуру». Вы ели

когда-нибудь суши? А с этим парнем мне бы хотелось познакомиться поближе.

– Мне бы хотелось познакомиться поближе с твоим мужем, Хироко-чан, – сказал полковник Такеда, хитро прищурившись. – Кстати, чем он намерен заниматься в Японии?

– Он собирается изучать японскую филологию в Токийском университете.

– Японскую филологию? *Со-о ка...* А как поживает ваша девочка? Кажется, её зовут Юки?

– У Юки всё в порядке, господин полковник. Она ждёт братика.

Такеда пристально посмотрел на Хироко, и в глазах его зажглись огоньки.

Как только за Хироко закрылась дверь, он быстро куда-то позвонил по телефону:

– Хироко временно выходит из игры. В Париж полетит Ямада.

Это был приказ. Через полчаса Ямада уже получал инструкции у него в кабинете.

Когда Ичиру Такеда вернулся домой, Елена Сергеевна уже успела приготовить *суки-яки*, любимое блюдо полковника.

Она, разумеется, не стала настоящей японской женой *канай*, но она давала своему мужу то, что может дать только русская женщина.

И каждую ночь самурай Ичиру Такеда, посмеиваясь в усы, снова и снова шёл на штурм Порт-Артура...

Мои стихи не все понимают

Однажды проснувшись влюблённым в девушку с обложки журнала, я начал изучать японский язык и неожиданно для себя написал на японском книжку лирических стихов.

Итак, книжка написана, но что же с ней делать?

Немного поразмыслив, я обратился в «Отдел по культурным связям с Японией» израильского МИДа.

Светлоглазый и белозубый Шай Кельберт, израильский мидовец, «ответственный по связям», брезгливо повертев мою книжку в руках, сказал мне с участливой улыбкой:

– Надеюсь, вы согласитесь, что ваши стихи не относятся к израильской культуре.

– А к какой же культуре они относятся? – не понял я.

– Ну, к русской, наверное, ведь вы же приехали из России... Или к японской, ведь они написаны на японском...

Мне было как-то неловко спрашивать его, знает ли он японский и читал ли мои стихи.

– *Нихонго га декимаска?* – Вы знаете японский? – спросил я его по-японски.

– *Бэ-цура месуемет*, – ответил он на иврите (то есть, «в определённой степени»). Это попросту означало, что японского он не знает и стихов моих не читал...

Ну, а японский атташе по культурным связям, улыбочивая Юми-сан проникновенно заверила меня, что мои стихи её потрясли и она читает их каждый вечер перед сном («*неру мае ни*»).

– *Суго-ой дес не!* – сказала она, округлив глаза (вот

здорово!). – Но вы же понимаете, что ваши стихи - не японские, и к японской культуре отношения не имеют. Вы же израильтянин, приехали из России... Обратитесь, пожалуйста, к Шай-сану, в отдел по культурным связям израильского МИДа...

Итак, круг замкнулся. Мне стало ясно, что мои стихи не относятся, по-видимому, ни к какой культуре вообще. Хорошо ещё, что кто-то их читает каждый вечер перед сном (ну уж не Юми-сан, разумеется).

Что же делать? Необходимо всё как следует обдумать. Для этих целей в Иерусалиме существуют несколько уютных кафе.

Я зашёл в мой любимый «Макс» и заказал, как всегда, *«эспрессо кафуль им халав хам бе-цад»* – двойной эспрессо с кувшинчиком горячего молока.

– Ты что приуныл? – спросил меня Ицик, мой постоянный сосед по столику, завсегдатай «Макса», какой-то подполковник в отставке.

Я поведал ему о своих злоключениях.

– Шай Кельберт? – повторил Ицик и вдруг засмеялся.

– Вы его знаете? – спросил я.

– Не обижайся на Шая. – Ицик продолжал улыбаться.

– Он ничего не понимает ни в Японии, ни в японских стихах, но зато занимается делами куда более важными, и поверь, у него это неплохо получается.

– ???

– Забудь об этом. Лучше давай сюда свои стихи. Есть у меня один приятель... Может быть, я смогу тебе помочь...

Ицик говорил правду: Шай Кельберт действительно совершенно не разбирался в японской поэзии. Должность «ответственного по связям» была всего лишь прикрытием, а на самом деле он был кадровым офицером Мосада, и его непосредственной обязанностью была координация работы израильской разведки в Париже.

А в последнее время ему было совсем не до японских стихов: в парижском отделе Мосада началась непонятная и страшная эпидемия провалов. Погибли или куда-то исчезли несколько лучших израильских агентов, и Шай должен был срочно выяснить, что происходит и быстро наладить нормальную работу отдела.

Ицик Каям вовсе не был «каким-то подполковником в отставке». Он был старшим офицером Мосада и непосредственным начальником Шая.

Сидя в своём кабинете, он уже в который раз обсуждал с Шаем сложившуюся в Париже ситуацию:

– Анализируя эти провалы, я пришёл к выводу, что у нас завёлся «крот», а среди наших ребят в Париже появился двойной агент. Провалы начались в январе, примерно в это время у нас в Париже начали работать два новых агента. Для начала было бы неплохо их проверить. В любом случае, этот клубок надо начинать раскручивать оттуда. Так мы и до крота доберёмся.

– Как вы предлагаете это сделать?

– Есть у меня одна идея... Помнишь, к тебе на днях приходил странный парень с японскими стихами?..

Через пару дней мне неожиданно позвонил Шай Кельберт:

– У нас появилась возможность помочь вам с изданием ваших стихов, – он говорил своим обычным сахарным голосом. – Но вам придётся на недельку слетать в Париж. Сможете?

– Слетать в Париж?! – От неожиданности у меня закружилась голова. – Вот здорово! Конечно, смогу! Я сейчас абсолютно свободен. Вот только с деньгами туговато...

Честно говоря, я уже полгода был безработным, а на перевод стихов на иврит и английский, и на распечатку рукописей ушли все мои сбережения.

– Не волнуйтесь, поездку мы вам оплатим, ведь своими стихами вы поднимете престиж Израиля. Навестите в Париже двух наших... издателей. Они вам помогут с публикацией стихов. С вами поедет наша сотрудница... Нет, не японка. Я жду вас через час в моём кабинете. Пропуск на ваше имя уже выписан.

«Наша сотрудница» уже сидела в кабинете Кельберта, когда я вошёл. Она оказалась невысокой блондинкой с бесцветными глазами и тонкой полоской рта. Японские стихи такой девушке не считаешь... Мечты о романтической поездке в Париж с прекрасной незнакомкой быстро улетучились. Эта девушка вызывала у меня чувство непонятной тревоги.

– Меня зовут Ора, – сказала она, протягивая руку.

Когда поэт вышел, Кельберт подозвал Ору и прошептал ей на ухо:

– Этот парень - человек Ицика. Он очень опасен для нас.

Ора тихо ответила:

– Не волнуйтесь, босс, ему не увидать Парижа.

Заместитель начальника внешней разведки России, полковник Иван Чехов получил от своего агента в Израиле странную, малопонятную информацию. В сообщении говорилось, что израильский супер-агент везёт в Париж какую-то книгу японских стихов. Никто точно не знал, что это за книга, но было ясно, что израильтяне считают её крайне важной и абсолютно секретной. Скорее всего, эта книга являлась ключом к шифру, а, может быть, в ней был очередной план завоевания евреями мира (что-то вроде новых «Протоколов сионских мудрецов»).

Было ясно, что эту книгу нужно добыть любым путём. А для добывания чего-либо «любимым путём» у полковника всегда имелась под рукой неразлучная парочка: его лучший агент красавица Даша Лимонова и дядя Коля, уже немолодой, богатырского сложения мужчина, очень эффективный при всякого рода разборках.

В заключении инструктажа Чехов сказал:

– В последнее время израильская разведка оказала нам несколько существенных услуг. Поэтому при добывании книги израильтянина не убивать. Наоборот, помогите ему чем-нибудь, если сможете.

Войдя в квартиру, я не сразу увидел её. Она стояла у окна и сначала показалась мне силуэтом, но глаза привыкли к освещению в комнате, и я рассмотрел худенькую японскую девушку в красивом праздничном кимоно и с традиционной японской причёской.

Почему-то, я совершенно не удивился и не испугался, хотя, конечно, ничего подобного не ожидал увидеть. Она встретила меня приветливой улыбкой и лёгким поклоном:

– *Конничи-ва* .

– *Конничи-ва* , – машинально ответил я. – Кто ты?

– Я - Хитоми, – ответила японка. – Меня прислал к тебе *одзиисан*.

– Дедушка? – переспросил я.

– Да, *одзиисан*. Мой дедушка - Мацуо Басё.

Её ответ, признаться, немного озадачил меня. Великий японский поэт Мацуо Басё жил лет триста назад... Действительно, дедушка.

Но тут я увидел, что у девушки не было ног, и она как бы висела в воздухе! Можно сказать, ситуация прояснилась: у японских приведений *ю-урей* (посланцев из прошлого), как известно, нет ног, а это значит, что «дедушка» Басё таки мог её прислать. «Мог»? Что за бред?

Между тем, Хитоми продолжала:

– Дедушка прислал меня спасти тебя. Тебе угрожает опасность. Ты не должен ехать в Париж.

Это было уже слишком!

– Я не могу отказаться от этой поездки! Она всё изменит в моей жизни...

– О, да! Эта поездка действительно всё изменит в твоей жизни: ты из неё не вернёшься.

Она говорила так убеждённо, что я растерялся.

– Но почему, всё-таки, Басё-сэнсэй хочет меня спасти?

– Дедушке твои стихи понравились, – ответила японка.

Ора села в самолёт перед самым взлётом, чтобы не встречаться с японским поэтом. Поэт вызывал у неё сильное чувство неприязни, и она с большим удовольствием готовилась выполнить задание Кельберта.

Самолёт набрал высоту, и по громкой связи объявили, что можно отстегнуть ремни, и что стюардессы начинают разносить прохладительные напитки.

К Оре подошла красивая стюардесса-японка и с вежливой улыбкой предложила ей апельсиновый сок.

«Откуда на израильском самолёте стюардесса-японка?» - подумала Ора, но ужасно хотелось пить и, особенно не раздумывая, она выпила стакан холодного, вкусного сока.

В ту же минуту глаза её закрылись, голова упала на грудь и Ора погрузилась в глубокий сон...

Когда я сел в автобус из аэропорта в Париж, на сидении рядом со мной сразу же появилась Хитоми.

Не теряя времени, она сказала:

– В отеле ты встретишь японку. Её послали тебя убить. Будь осторожен.

– Почему вдруг какая-то японка должна меня убивать?

– спросил я, но Хитоми уже исчезла.

Как только я поднялся в свой номер в отеле, зазвонил телефон.

– Вас ожидает в лобби какая-то дама. Пожалуйста, спуститесь.

Красивая японка, одетая в белую блузку и красную мини-юбку, сидела в кресле, скрестив ноги.

Увидев меня, девушка улыбнулась и встала мне навстречу. Я не мог отвести взгляда от её ног, даже и не пытался.

– *Конничи-ва.* – сказала девушка с лёгким поклоном. – Меня зовут Каё.

– *Конничи-ва.*

Она протянула мне большой белый конверт.

– Этот конверт просил передать вам Шай Кельберт. В нём вы найдёте адреса наших издателей в Париже и рекомендательные письма к ним.

Выполнив поручение, девушка как будто собиралась уходить.

– Каё-сан, можно пригласить вас в кафе?

– Я немного устала... Давайте поднимемся к вам в номер.

Вот это да! Я не поверил своим ушам.

Когда мы поднимались в лифте, она скромно потупила глаза, как и полагается порядочной японке.

Войдя в номер, я нежно привлёк девушку к себе, и мы поцеловались.

Но вдруг я почувствовал, что мы здесь не одни. В моей кровати лежала какая-то женщина! Это была Хитоми!!

Каё покраснела и выбежала из номера.

– Подожди, это не то, что ты думаешь! – я пытался её остановить, но, разумеется, тщетно.

На этот раз бесцеремонность Хитоми перешла все границы.

– Как ты смеешь вмешиваться в мою жизнь! Эта девушка влюбилась в меня, она сама предложила подняться ко мне в номер. А ты всё испортила!

– Не будь дураком! – неожиданно резко сказала Хитоми. – Эта девушка - профессиональная убийца. У неё в сумочке лежит авторучка-шприц с цианидом. Её послали тебя убить, понимаешь?

– Ты просто ревнуешь, – сказал я. Разумеется, я ей не поверил.

Хитоми продолжала говорить, не обращая внимания на мои слова.

– Завтра ты встретишь русскую девушку. Она твой друг, можешь ей доверять.

– Только смотри не влюбись в неё, эта русская - красавица, – добавила Хитоми, немного покраснев, и тут же растаяла в воздухе.

В моей жизни появилось слишком много красавиц.

Но самой красивой из всех была сама Хитоми...

Может быть, я уже в неё влюбился?

Когда едешь в Париж, полезно помнить, что «завтрак в европейском стиле» – это всего лишь кофе с круассаном.

Было утро, я сидел в ресторанчике отеля, пил «эспрессо» местного разлива и намазывал на круассан масло с повидлом. Вдруг в ресторан вошла высокая худенькая блондинка с чёлкой и направилась к моему столику. Она стремительно шла на длинных ногах походкой манекенщицы на подиуме.

Это наверняка была та русская, о которой говорила Хитоми.

Девушка смотрела на меня и приветливо улыбалась.

– Привет! Меня зовут Даша, я только что из Москвы. Надеюсь, не помешаю? – И, не дожидаясь

приглашения, она села напротив меня, как ни в чём не бывало. Впрочем, таким девушкам не отказывают.

– Всю ночь провела в самолёте, ужасно хочется крепкого кофе, но в парижских отелях кофе – помой. Девушка весело улыбалась: похоже, плохой кофе не испортил ей настроения.

– Я – туристка, приехала посмотреть Париж. А ты что здесь делаешь? Если это, конечно, не секрет. – Даша усмехнулась.

– Да нет, это не секрет. Я написал книгу японских стихов и приехал в Париж её издать.

– Ты знаешь японский? Вот здорово! Как же ты будешь её здесь издавать?

– У меня есть адреса двух издателей, может быть, они помогут. Как раз сейчас собираюсь их навестить.

– А я сегодня свободна. Давай пойдём вместе. Никогда не видела живого издателя. – Она почему-то сделала ударение на слове «живого».

Конечно, я обрадовался её предложению – с такой не пропадёшь.

– Тогда пошли, – весело сказала девушка. – А ты покажешь мне свою книгу?

– Да я тебе её подарю!

В отличном настроении мы вышли из отеля.

Ближайший к нам издатель жил в районе площади Сан-Мишель. Мы быстро разыскали красивый каменный дом восемнадцатого века и поднялись на второй этаж.

Нам открыл высокий брюнет с неприятным лицом.

Услышав о книге японских стихов, он пришёл в неопишемую ярость:

– Ты что, за идиота меня держишь? Думаешь, я не понимаю, зачем ты пожаловал? Я тебе покажу японские стихи! Я сейчас тебя и твою русскую шлюху... – он сунул руку в карман, но тут же был сбит ударом Дашиной ноги. Вот, оказывается, для чего длинноногие девушки носят мини-юбки!

– Пожалуйста, не бей его, – сказал я Даше. – Он просто не любит японские стихи. Нельзя же из-за этого избивать человека!

Даша улыбнулась и ничего не ответила. Она наклонилась над поверженным издателем, достала у него из кармана пистолет и жёстко сказала:

– Не связывайся с русскими, говнюк. Костей не соберёшь.

«Зачем ей японские стихи?» – подумал я.

Когда мы вышли на улицу, Даша выглядела немного озабоченной:

– Почему-то мне кажется, что этот парень не захочет издавать твою книгу. Но, может быть, нам больше повезёт со вторым издателем.

Вдруг её сотовый телефон зазвонил. Обменявшись с кем-то несколькими фразами, Даша повернулась ко мне:

– У второго издателя нас ждёт много гостей. Пришлось вызвать дядю Колю.

Я не понял Дашиных слов, но у дома второго издателя нас ждал здоровенный детина неопределённого возраста с красным небритым лицом и чёрным свёртком подмышкой.

– Ой, дядя Коля, как я рада тебя видеть! – Даша чмокнула его в щёку, мы вошли в подъезд и начали быстро подниматься по ступенькам.

Дверь нам открыла Ора, а в гостиной нас поджидали Шай Кельберт, Каё и ещё какой-то тип в чёрных очках.

– Твоё путешествие закончится здесь, парень. – сказал Шай Кельберт со своей обычной сладенькой улыбочкой. – Мне очень жаль, но твои «великие» стихи так никогда и не будут опубликованы.

Он вынул пистолет.

– А Дегтярёв считает по-другому. – вдруг сказал дядя Коля.

– Какой ещё Дегтярёв? – не понял Кельберт.

– А вот он, познакомься. – В руках у дяди Коли вдруг появился допотопного вида пулемёт, и комната потонула в дыме и ужасном грохоте...

Когда мы расставались с Дашей, я подарил ей рукопись своей книжки с дарственной надписью. По-моему, она была очень довольна.

Даша - красивая девушка, но не в моём вкусе.

Я снова сидел в кафе «Макс» один за столиком, и предавался грустным размышлениям.

Мои стихи так и остались неопубликованными.

Никому они, наверное, не нужны.

Хитоми, выполнив свою миссию, исчезла навсегда, как и полагается порядочным японским приведениям. Наверное, вернулась к своему дедушке.

А я остался в одиночестве, как и полагается
порядочным поэтам...

Вдруг стеклянная дверь кафе открылась, и вошла
Хитоми! Да, она именно вошла: у неё были ноги! Лицо
её светилось радостью.

Задыхаясь от неожиданного счастья, я бросился к ней
навстречу.

– Дедушка отпустил меня к тебе. Он уверен, что с
тобой я буду счастлива.

– О, какое наслаждение – быть женщиной! – Она
немного наклонилась, разгладила юбку и, разглядывая
свои ноги, лукаво спросила:

– Правда, у меня ноги красивей, чем у Каё-сан?

Вместо ответа я нежно поцеловал её. Чувство
переполняло моё сердце.

– А мы поедem на могилу дедушки? – спросила она.
Пришлось поцеловать её ещё раз.

Через пару дней мне неожиданно позвонил Ицик, мой
бывший сосед по столику в кафе «Макс»:

– У нас появилась возможность помочь тебе с
изданием стихов, – сказал он вкрадчивым голосом. –

Ты сможешь на недельку слетать в Москву?

– К сожалению, не получится. Завтра я вылетаю в
О-отсу.

– О-отсу? Где это? Зачем ты туда летишь?

– О-отсу - это маленький городок в Японии, на берегу
озера Бива. Там похоронен Басё, японский поэт. Мне
нужно срочно помолиться на его могиле.

– ??? – Ицик явно не знал, как продолжить разговор.

На могиле Басё среди живых цветов и курящихся
ароматических палочек *сэнко* лежит книжка стихов
неизвестного израильского поэта.

На раскрытой ветром странице можно прочесть:

Ненаписанное стихотворение –
как нерождённый ребёнок,
когда-нибудь в этот мир
вернётся красивым цветком.

Японка на мосту

В Мосад меня не приняли – так им и надо! Ещё пожалеют, да будет поздно: я не привык ходить кругами и не умею стоять с протянутой рукой.

Видите ли, я - прирождённый разведчик, гениальный шпион, непревзойдённый тайный агент. Я даже вам своего имени назвать не могу – до такой степени я засекречен! Так что будем общаться инкогнито – я ведь тоже не знаю, как вас зовут.

Итак, я - шпион, в Мосад меня не приняли, на другую разведку я работать не буду – никогда не был предателем. Что же делать? Остаётся только работать самостоятельно, на свой страх и риск, создать некое «частное израильское шпионское агентство» (ЧИША) в своём лице, и начать проводить операции против врагов Израиля - арабских террористов.

Немного поразмыслив, я пришёл к выводу, что центр арабского террора находится в Париже. Значит надо ехать в Париж.

Есть у меня ещё одна особенность, точнее, страстное увлечение: я очень люблю Японию и всё японское, и даже немного выучил японский язык. Не знаю, откуда это во мне и уже не помню, когда это началось...

Каждое утро на стол начальника одного из отделов Мосада полковника N. ложилась сводка донесений о событиях за последние сутки. Доставивший её сегодня капитан немного задержался у стола полковника и, странно улыбаясь, протянул ему какую-то бумагу:

– Вот, почитайте. Это сообщение поступило полчаса

назад электронной почтой.

Полковник прочёл: «Вылетаю в Париж сегодня ночью. Вероятно, потребуются ваша поддержка и прикрытие. ЧИША».

– Что это за ерунда? Кто это написал?

Капитан заглянул в папку:

– Этот парень обратился к нам по объявлению в газете о наборе кадров около полугода назад (кстати, сообщение пришло на адрес, опубликованный тогда в газете). На собеседовании выяснилось, что он нам не подходит, так как недавно ездил в Москву «к больной матери» (проверить это, разумеется, невозможно). Кроме того, он показался нам не совсем... здоровым. – Капитан покрутил пальцем у виска.

– Почему сложилось такое впечатление?

– Он был буквально помешан на Японии: учил японский, писал по-японски стихи, просился работать в Японию.

– Хмм... Не все, кто учит японский язык, ненормальные. Выясните, что он собирается делать в Париже, где он там остановится и что означает его дурацкая кличка.

Через час полковнику доложили, что Чиша заказал билет в Париж и номер в гостинице Mattle через турагентство D., и действительно вылетает сегодня ночью чартерным рейсом французской авиакомпания. Цель его поездки и смысл его странного псевдонима выяснить не удалось.

– Пусть кто-нибудь из наших там за ним присмотрит.

В своих решениях полковник нередко руководствовался интуицией.

– Извините, но он действительно немного не в себе... Может быть, он всё-таки обойдётся без нашей поддержки? У нас там не так уж много агентов, чтобы ещё и «прикрывать» любителей японской культуры...

– Докладывайте мне ежедневно о его деятельности в Париже. – Разговор был окончен.

Выяснилось, что отель Mattle располагается неподалёку от синагог и кашерных магазинов в районе улицы Монмартр, что там частенько останавливаются израильтяне, и что в настоящее время там случайно находится агент Мосада, с которым тут же была установлена связь.

Когда я спустился к завтраку в ресторане отеля, на часах было восемь, и все столики были уже заняты. За столиком в дальнем углу сидела симпатичная девушка с короткой стрижкой, по виду - типичная израильтянка.

Увидев меня, она улыбнулась и помахала мне рукой. Я подошёл к её столику.

– Шалом! – сказала она. – Как приятно за границей встретить своего!

– Неужели я так похож на израильтянина?

– Гораздо больше, чем тебе бы хотелось. Между прочим, меня зовут Лора.

Мы вместе пили утренний кофе. Девушка была ко мне очень расположена и расточала улыбки, слишком нежные для первой встречи.

– Я впервые в Париже и совершенно не ориентируюсь, – сказала она. – Давай держаться вместе.

Я вежливо отказался: мне необходимо было

осмотреться и обдумать свои дальнейшие действия. Договорились встретиться вечером. Но у меня почему-то было предчувствие, что встреча не состоится.

Целый день я бродил по Парижу. У меня не было плана действий, не было никаких конкретных идей, не было вообще никаких идей. Была просто внутренняя уверенность, что я нахожусь в правильном месте и занят правильным делом.

Охоту на террористов я решил начать завтра, а сегодня – осмотреться, привыкнуть к Парижу, просто отдохнуть и перезагрузиться, как говорят программисты.

К вечеру я оказался на одном из бесчисленных мостов Парижа. Уже начинало темнеть. В сгущающихся сумерках я увидел на мосту какую-то возню и быстро приблизился. Четверо низкорослых мужчин, по виду азиатов, напали на девушку. Она отчаянно отбивалась, но силы были неравные, и им удалось её схватить. Не медля ни секунды и не успев даже подумать и оценить ситуацию, я с громким криком бросился ей на помощь.

Мужчины тут же разбежались, а девушка упала.

Когда я над ней склонился, девушка уже пришла в себя и открыла глаза.

Она оказалась японкой!! Горячая волна захлестнула мне сердце: я тут же влюбился в эту девушку – у меня просто не было другого выхода.

Казалось, я ждал этого момента всю предыдущую жизнь.

– *Ковагаранайде!* Не бойся! *Ватаси ва кими но юдзин да.*

Я - твой друг!

Девушка была неописуемо поражена моим японским. Казалось, она вот-вот вновь потеряет сознание, на этот раз от удивления.

– *Симпай синайде*. Не волнуйся. *Таскете аге ё!* Я помогу тебе!

– *Аната ва даре?* Кто ты? – улыбнувшись, спросила девушка.

Она мне улыбнулась!

Маленький скверик позади Нотр-Дам де Пари облюбовали для встреч группы японских туристов. И сегодня все скамейки в сквере были заняты весёлыми, возбуждёнными японцами, обвешанными новейшими фотоаппаратами и оживлённо обсуждающими свежие парижские впечатления.

На одной из скамеек сидел престарелый японский турист с обязательной камерой «Никон» на груди и, разглядывая живописный Сан-Луи, о чём-то негромко разговаривал с хорошенькой юной японкой, наверное, его дочерью или внучкой. Однако разговор у них был необычный и не касался семейных тем.

– Если бы не израильтянин, корейцы тебя бы убили, Юмико-чан, – сказал пожилой японец. – Он ведь спас тебе жизнь. Надо бы его как-то за это отблагодарить. Подкинь-ка ему информацию о нашем арабском приятеле.

– Хай, – поклонилась японка.

Она, разумеется, поняла, что речь идёт о Джабаре - кровавом и неуловимом убийце, борце за свободу палестинского народа.

Наконец-то мне пригодился мой японский! Да ещё как пригодился! Юмико сказала мне, что она журналистка и проводит в Париже тайное журналистское расследование. Но я и не подозревал, что она тоже интересуется арабскими террористами, пока не увидел на журнальном столике в её номере несколько листов бумаги, заполненных японскими иероглифами.

– Я вернусь через десять минут, – сказала Юмико и вышла. А я от нечего делать взял со столика и пробежал глазами один из этих листовок...

– !!!

Теперь я знал всё, что мне было нужно: главного террориста звали Джабар, и его логово располагалось на Монмартре. Какая удача! Теперь оставалось лишь найти негодяя и уничтожить его. Хорошо бы конечно, известить об этом Мосад, разумеется, когда всё уже будет кончено.

Юмико вернулась, но я и не подумал говорить с ней о террористах – нам было просто не до них...

Сколько времени я уже хожу вокруг утопающего в зелени двухэтажного особняка на Монмартре, сколько кругов вокруг него я уже сделал, сколько часов просидел на скамейках вокруг него, «читая газету»...

Я знал об этом особняке уже почти всё. Знал, что рано утром в один и тот же час к особняку подъезжает мерседес с тонированными стёклами, и из дома выходят сначала двое громил в новых дорогах костюмах и белых рубашках с галстуками, а потом появляется здоровенный жирный детина, небрежно одетый и небритый – Джабар собственной персоной, непобедимый и неуловимый говнюк, которого мне

предстоит уничтожить...

Уничтожить. Но как это сделать? Чем больше я думал над этим, тем больше понимал, насколько трудна моя задача. Да и выполнима ли она?

У меня нет оружия, уже кончаются деньги... На что я рассчитываю? О чём я вообще думал, берясь за это дело?

Был и ещё один момент, который начинал меня беспокоить: я заметил за собой слезку. Та самая Лора из отеля, которая так упорно и навязчиво предлагала мне свою дружбу, постоянно меня преследовала, то есть, как говорится у шпионов, висела у меня на хвосте. Она появлялась то тут, то там, почти не прячась, почти открыто следя за мной, и оторваться от неё было не так-то просто... Поняла ли она мою цель? Знала ли, какого зверя я выслеживаю? Надеюсь, что нет.

Было очевидно, что Лора - шпионка, но на кого она работала: на арабов или на Мосад? А, может быть, на французскую контрразведку? В любом случае, от неё исходила опасность, и я постоянно ломал голову, как обмануть её и запутать. Надеюсь, что мне это в конце концов удалось. Надеюсь, потому что иначе...

В Мосаде тоже не находили ответы на многие вопросы.

– Вы, кажется, говорили, что он сумасшедший? А как же тогда он вышел на Джабара? – полковник говорил очень тихим голосом.

Капитан счёл за лучшее промолчать.

Действительно, было абсолютно необъяснимо, каким образом этот странный любитель японской культуры быстро разыскал опасного и хорошо законспирированного террориста. Но факт оставался фактом: загадочный Чиша каким-то образом нашёл Джабара.

Мосад сам узнал о существовании Джабара совсем

недавно и пока не придумал, что с ним делать. Разумеется, ликвидировать террориста в Париже было слишком опасно и чревато международным скандалом. Не менее опасно было попытаться внедрить в банду Джабара своего агента...

Я бродил по улочкам Монмартра, всё больше и больше понимая, что осуществить задуманное мне не удастся. Нет, я не боялся смерти, я даже готов был погибнуть, как ещё пару сотен лет назад погибали самураи, когда видели тщетность своих стараний и невозможность справиться с поставленной задачей.

Я был готов броситься на Джабара с ножом, топором, куском арматуры или кирпичом, и погибнуть под пулями его бандитов. Будь, что будет, но я не отступлюсь...

Вдруг пронзительный визг тормозов прервал мои героические мысли. Прямо передо мной остановился тот самый мерседес с тонированными стёклами, из него выскочили трое бандитов и бросились врассыпную, даже не закрыв двери машины. Я был так ошеломлён, что не успел подумать о возможной причине происходящего. Не теряя ни секунды, я нырнул в салон мерседеса, схватил с заднего сидения какой-то жёлтый портфель, достал из бардачка пистолет и перехваченную резинкой пачку долларов, выскочил из машины и пустился бежать изо всех сил в ближайший переулок.

Не успел я завернуть за угол, как сзади раздался сильнейший взрыв: судя по звуку мощного взрыва, мерседеса с тонированными стёклами больше не существовало...

Погони за мной не было, тем не менее, я долго блуждал по парижским улочкам, пытаюсь обнаружить слежку.

А как бы я поступил, если бы знал, что мерседес должен взорваться? Не знаю.

Я вернулся в номер и прежде всего заглянул в жёлтый портфель. В нём оказались бумаги и какие-то диаграммы на арабском языке. Арабского я не знал, всё это надо было срочно передать в Мосад (то-есть, просто отнести в израильское посольство в Париже), но сначала, разумеется, нужно было покончить с Джабаром!

Я тщательно спрятал портфель и доллары, и проверил пистолет: это был австрийский «глок», он был заряжен и выглядел вполне надёжно.

Пришло время действовать.

Чувствуя себя очень уверенно, я вышел из номера.

Убедившись, что в номере никого нет, Лора бесшумно проскользнула внутрь.

Мгновенно отыскав «тщательно спрятанный» жёлтый портфель, она пробежала глазами документы и ахнула – в отличие от «частного шпиона» Лора в совершенстве владела арабским, и содержимое портфеля её потрясло...

Прочитав сообщение от Лоры, капитан был потрясён ещё больше, он просто не поверил своим глазам и уже через минуту срывающимся от волнения голосом докладывал полковнику:

– Нашему Чише где-то удалось раздобыть подробную

информацию о структуре организации Джабара во Франции и Бельгии!

А ещё через минуту в европейском отделе Мосада была объявлена общая тревога. Отдавались срочные приказы – надо было успеть навестить людей Джабара, пока они не разбежались и не попрятались, ведь наверняка о пропажи папки стало уже известно.

Все очень спешили, однако полковник всё же нашёл пару секунд, чтобы выразительно посмотреть на капитана...

И вот я опять рядом с особняком Джабара. Надо бы где-нибудь присесть и не спеша обдумать предстоящую операцию. Я сажусь на ближайшую скамейку и пытаюсь что-то придумать, но ничего путного в голову не приходит. Если я, например, просто ворвусь в особняк, то сумею, наверное, разве что пристрелить сторожа у входа, а по лестнице мне уже не подняться: они расстреляют меня сверху из калашниковых.

Мои грустные размышления прервали неожиданно откуда-то появившиеся три гориллы Джабара: они близко подошли ко мне, направив на меня спрятанные в карманах пистолеты. Я оглянулся – позади скамейки стоял, ухмыляясь, ещё один.

– Пойдём, хабиби, – сказал самый толстый из них на иврите с сильным арабским акцентом, – босс хочет с тобой поговорить.

На этот раз Лора не пользовалась кодами и секретными телефонными номерами, дело казалось ей настолько срочным, что она просто набрала номер капитана:

- Чиша захвачен, прошу разрешения действовать.
- Действовать не разрешаю, – сказал капитан и положил трубку.

Я сидел посреди комнаты со связанными за спиной руками, а напротив меня Джабар развалился в кресле. С его лица не сходила злобная усмешка. На диване у стены сидели двое его подручных, похожие друг на друга, как два родных брата, на коленях у них лежали калашниковы.

Джабар говорил неторопливо:

– Разумеется, тебя давно уже могли пристрелить мои люди, но израильских агентов я люблю убивать сам – у меня есть для этого случая...

БАХ! БАХ! БАХ! Всё произошло мгновенно: оконное стекло взорвалось, и в комнату вихрем ворвалась Юмико, пистолеты в её руках не переставали стрелять, бандиты падали на пол один за другим, и у каждого во лбу появлялась маленькая аккуратная дырочка. Ещё двое с пистолетами в руках появились на лестнице, ведущей снизу из прихожей, и оба скатились назад, получив каждый по пуле в лоб.

Юмико прыгнула ко мне и одним движением освободила мне руки.

– *Хаяку! Тоби оримасё-о!* – быстро сказала она и потянула меня к окну. – Быстрее! Прыгаем!

Мне ещё ни разу не приходилось прыгать с такой высоты: второй этаж, высокие потолки, – но всё обошлось благополучно. Через минуту мы уже бежали вниз, к площади Пигаль, а ещё через три минуты уже входили в первый попавшийся публичный дом.

– Кому это вы не разрешаете действовать? – спросил полковник, входя в кабинет.

Он услышал разговор капитана с Лорой.

– Нашего Чишу захватил Джабар, а я не дал Лоре разрешение на операцию по его освобождению.

– ???

– Нельзя рисковать нашими лучшими агентами ради какого-то авантюриста.

Полковник очень близко подошёл к капитану.

– Вы разве ещё не поняли, – тихо, но внятно сказал он, – что это и есть наш лучший агент? И мы освободим его любой ценой.

Через пять минут машина скорой помощи, припаркованная на Елисейских Полях, неожиданно рванула с места, и, включив сирену, понеслась в сторону Монмартра, не обращая внимания на светофоры. Ещё несколько машин в разных концах Парижа внезапно изменили направление и скорость, и устремились туда же.

Лучшие агенты Мосада в Париже получили приказ, очень неприятный для Джабара, только вот Джабару было уже всё равно...

Первой туда ворвалась Лора, и уже через три минуты операция по освобождению Чиши была отменена. С первого взгляда поняв, что произошло, израильтянка быстро покинула дом, наполненный трупами, и мгновенно растворилась в толпе прохожих на улице.

Получив её сообщение, полковник и капитан ошеломлённо уставились друг на друга. То, что произошло в особняке на Монмартре, было выше

их понимания и не укладывалось в голове... Но случившееся было реальностью: чокнутый любитель японской культуры, к которому в Мосаде отнеслись с подозрением и насмешкой, собственноручно уничтожил банду профессиональных убийц и добыл важнейшую информацию для израильской разведки.

В публичном доме Юмико чувствовала себя как ни в чём не бывало, спокойно и уверенно, и сразу заказала стриптиз (а я никак не мог прийти в себя после происшедшего, да и в подобном заведении оказался впервые).

К нам выбежала молоденькая Жанет. Она очень мило и кокетливо разделась и начала пританцовывать, покачивая бёдрами. Может быть, в другой ситуации это показалось бы мне интересным. Но мы пришли сюда совсем не за этим: снаружи завывали полицейские сирены, раздавался рокот вертолётов, повисших над Монмартром. Израильский паспорт у меня в кармане однозначно намекал на мою возможную причастность к случившемуся, и эта девушка просто на время гарантировала нам безопасность. Когда же и она стала как-то реагировать на всё громче доносившиеся извне тревожные звуки, Юмико недвусмысленно кивнула ей в сторону моих брюк. Девушка неожиданно покраснела:

– Это не входит в круг моих обязанностей, – сказала она. – Мне за это не платят.

– Ну что же, тогда я это сделаю сама, – сказала японка.
– Бесплатно.

Она встала передо мной на колени, откинула волосы с лица и... я почти потерял сознание от всего

происходящего и происшедшего, а в глазах Жанет появился профессиональный интерес...

Когда я, наконец, вышел на подгибающихся ногах из этого гостеприимного учреждения, ни у кого из встреченных на улице полицейских не возникло относительно нас подозрения, а остановленный нами таксист понимающе усмехнулся.

В такси мы разговаривали по-японски.

– Куда мы едем? – спросила Юмико.

– В мою гостиницу, – ответил я.

– Нет, – сказала она.

– Да, – сказал я.

– Это слишком опасно. Там тебя ждут.

– Может быть. Но я спрятал в комнате очень важные документы, которые я должен передать своим. Кроме того, там все мои деньги.

– Глупый, там уже ничего нет. Всё уже взяли – или свои, или враги. Туда нельзя возвращаться. Там тебя точно ждут.

– Я должен.

– Я не смогу тебя там прикрыть и не смогу спасти, если понадобится.

– Я должен вернуться.

– *Бака! Бака! Дуррак!* – она неожиданно заплакала.

Я вдруг понял, насколько эта девушка мне дорога.

Я обнял её:

– Юмико, я очень люблю тебя, *ай сите иру ё!* Милая девочка, *кавай оннаноко*, пожалуйста, не плачь, *наканайде кудасай*. Это в последний раз. Я вернусь, и

мы уже никогда больше не расстанемся, я всегда буду с тобой, *кими то ишио ни итсумаде мо имас!*

Я не удивился, увидев в своём номере посторонних людей, и не удивился направленным на меня пистолетам. Лора тоже была там. Жёлтый портфель лежал на столе.

– Мы тебя ждали, – сказал худощавый седоволосый израильтянин, вероятно, их командир.

Все, как по команде, спрятали оружие. Я быстро подошёл к шкафу и проверил тайник: доллары были на месте!

Седой протянул мне пакет:

– Здесь билет на самолёт, деньги и документы. Твой самолёт вылетает через три часа. Лора тебя проводит.

– Я не лечу в Израиль, – сказал я, – у меня совершенно другие планы.

Седой пытался быть терпеливым:

– В Израиле тебе готовят хорошую встречу, кроме того, тебя ждёт правительственная награда и крупный денежный подарок. После небольшого отдыха начнёшь учиться в нашей школе.

Я покачал головой:

– Поймите, у меня изменились планы. У меня... появилась подруга.

Вспомнив о Юмико, я посмотрел на часы и понял, что у меня осталось ровно три минуты – столько же оставалось жить всем этим ребятам в моём номере, если я немедленно отсюда не выберусь. Я схватил заранее собранный чемодан и направился к двери.

– Извините, но я должен немедленно выйти, иначе...

– Мы не можем тебя так отпустить, – сказал седой, и какой-то парень преградил мне дорогу.

Вдруг Лора, вероятно о чём-то догадавшись по выражению моего лица, закричала:

– Не задерживай его! Дай ему выйти!

Я понял, что она была в особняке и видела работу Юмико: ей явно не хотелось получать пулю в лоб! И она была права – я просто не успел бы остановить японку, уж слишком быстро та работает...

Парень освободил мне дорогу.

Огромный лайнер был заполнен японскими школьниками, возвращающимися с экскурсии по Парижу.

Юмико прижималась к моему плечу, а я чувствовал себя на вершине блаженства: рядом со мной была женщина моей мечты, хрупкая, нежная Юмико-чан, моя возлюбленная.

Самолёт взял курс на Токио.

Давай об этом никому не скажем

Если ты вернулся девять месяцев назад из Токио, не удивляйся, получив однажды поздравление с рождением ребёнка.

Я, например, не удивился.

Поздравление пришло по электронной почте, и я не сразу понял, от кого.

Девять месяцев назад я жил на съёмной квартире в Асакусе – старом живописном районе Токио.

Японка по имени Митсуе сдавала комнаты в своей квартире иностранцам. Мне досталась самая маленькая и тёмная комнатка, даже без окна.

Ночью я включал вентилятор и приоткрывал дверь, чтобы не задохнуться.

Моими соседями, а вернее, соседками по квартире были пять молодых женщин из разных стран с довольно обширной географией. Где, кроме Токио, могли бы собраться под одной крышей австралийка, филиппинка, француженка, англичанка и немка?

Девушки были примерно одного роста и с одинаковой фигурой, и я никогда не знал наверняка, которая из них пробирается в мою комнатку ночью в крошечной тьме и забирается ко мне под одеяло...

На следующее утро, когда мы все вместе завтракали на кухне, проказницы обменивались многозначительными взглядами и посмеивались надо мной, а я чувствовал себя довольно глупо.

Митсуе, хозяйка квартиры, была невысокой худенькой японкой неопределённого возраста. Время от времени

я ловил на себе её пристальные взгляды, и не могу поручиться, что сумел бы отличить её ночью от других девушек...

Она преподавала чайную церемонию в одноэтажном деревянном домике неподалёку от храма Сенсодзи. Почти каждый вечер я провожал Митсуге на её уроки. Обычно там нас уже ожидали несколько девушек.

Я смотрел, как они по очереди выполняют ритуал чайной церемонии, заботясь лишь о точности движений. В их исполнении чайная церемония была больше похожа на комплекс спортивных упражнений, которые необходимо выполнять в определённой последовательности.

Однажды я обратил внимание на женщину, которая отличалась от остальных учениц.

Её медленные плавные движения, казалось, были наполнены каким-то тайным смыслом, и весь её облик выражал крайнюю сосредоточенность. Чайная церемония в её исполнении была похожа на молитву.

Я был поражён глубиной и искренностью её чувства, и не мог отвести от неё взгляда.

– Кто эта женщина? – спросил я Митсуге.

– Это моя подруга. Её зовут Кумико-сан.

Митсуге был неприятен мой интерес к этой женщине: после моего вопроса она за весь вечер не сказала мне больше ни слова и даже не посмотрела в мою сторону...

Весь следующий день образ Кумико не выходил у меня из головы, но я не решался спрашивать о ней хозяйку...

Пару дней спустя Митсуге сказала мне:

– Кумико-сан и её муж пригласили нас сегодня на ужин.

Я был разочарован, что Кумико замужем, но конечно, был рад её ещё раз увидеть.

Семья Кумико жила рядом с храмовым комплексом Сенсодзи, на берегу реки Сумида-гава. По дороге мы купили красивый букет цветов и коробку японских конфет.

– Почему они нас пригласили? – спросил я, но Митсусе не ответила.

– У них счастливая семья, – сказала она, – вот только детей нет. Я думаю, проблема у мужа.

Кумико с мужем встретили нас вежливо, но довольно сдержанно, без обычного японского радушия. Кумико вообще избегала смотреть в мою сторону и, казалось, не замечала меня, а улыбка её мужа выглядела натянутой и неестественной.

Ужин был очень вкусный, но за столом чувствовалось напряжение.

Зачем, всё-таки, они нас пригласили?

Неожиданно Митсусе и муж Кумико, переглянувшись, встали из-за стола.

– Извините, нам нужно отлучиться на некоторое время, – сказала Митсусе.

Я встал, чтобы с ними раскланяться.

Кумико сидела, молча глядя в свою тарелку.

Когда за ними закрылась дверь, Кумико встала и подошла ко мне.

Не глядя мне в глаза, она взяла меня за руку и повела за собой в соседнюю комнату, оказавшуюся спальней европейского типа с большой двуспальной кроватью посредине.

Вдруг я увидел её лицо совсем близко. Она неожиданно прижалась ко мне всем телом и, слившись со мной в поцелуе, толкнула меня на кровать. Мы вместе упали.

Она начала меня беспорядочно раздевать, её руки шарили по моему телу... В этот момент я окончательно потерял контроль над собой...

Вслед за последней минутой, она с силой оттолкнула меня и крикнула:

– Убирайся! – В её глазах была ненависть.

Закутавшись в домашнее кимоно, она бросила мне мою одежду и, повторяя снова и снова «Убирайся!», начала выталкивать меня из квартиры. Я пытался быстро одеться, но заканчивать туалет мне пришлось уже за дверью. Вслед за мной полетели мои ботинки, и дверь захлопнулась

Когда я вернулся домой, Митсусе ждала меня на лестнице.

– Верни ключ от квартиры, – сказала она, протянув руку.

В тот же вечер я переехал в отель.

Мой отель находился недалеко от дома Кумико.

Меня тянуло туда, как магнитом: куда бы я ни шёл, я всё время оказывался под её окнами. Но постучать,

конечно, не решался. Несколько раз я звонил Митсуге, но она, услышав мой голос, бросала трубку.

Как-то под вечер, сидя в своём номере, я снова и снова обдумывал ситуацию, пытаюсь понять, что же всё-таки произошло.

Конечно, меня использовали как племенного производителя, но какое это имеет значение? Это был самый яркий и прекрасный секс в моей жизни.

Я вёл себя как безумный. Ещё бы! Любимая, желанная Кумико, чужая жена, ведёт меня за руку в свою спальню и падает со мной на кровать... Тут есть, от чего сойти с ума!

А что же Кумико? Вспоминая её неумелые поцелуи и объятия, я подумал, что это, вероятно, был первый секс в её жизни. А что она чувствовала при этом?..

Может быть, она действовала автоматически, не испытывая эмоций, а, может быть, всё это было ей отвратительно. Японка способна пройти через всё, что угодно, если это необходимо.

Чёрт, какой же ребёнок получится от такой случки?..

Но нет! Все эти рассуждения были неправильными.

Я действительно очень любил Кумико, и то, что произошло между нами, было проявлением чистого возвышенного чувства, во всяком случае, с моей стороны!

Вдруг я услышал, как в дверь тихонько постучали.

Это была Кумико!

Не говоря ни слова, я нежно обнял и поцеловал её ...

Эта ночь пролетела как одно мгновенье!

А утром...утром она исчезла.

На столе я нашёл записку: «*Саёнара* - прощай! Если любишь меня, пожалуйста, не пытайся больше со мной встретиться».

Я не посмел не выполнить её просьбы, и до своего отъезда из Японии больше не видел Кумико, но конечно, ни на минуту не мог её забыть.

Вернувшись в Израиль, я много раз пытался связаться с Митсусе, но она не отвечала на мои телефонные звонки и мэйлы.

И вот, девять месяцев спустя...

Конечно, поздравление прислала Митсусе.

Я позвонил ей.

– Поздравляю! – сказала она. – У тебя родилась красивая здоровая девочка.

– Как себя чувствует Кумико-сан?

– Она здорова и счастлива, ведь её мечта сбылась.

– А как её муж? Наверное, он тоже счастлив?.. – Я должен был задать этот вопрос.

– У неё нет мужа. Она развелась и сейчас живёт у своей матери в деревне.

– Она развелась? Но почему она развелась?.. Почему она ничего мне не сообщила?

– Как только Кумико почувствовала, что беременна, она поняла, что очень любит тебя, и не может больше жить с нелюбимым человеком.

– Но почему же она ничего мне не сообщила? – повторил я вопрос.

– Потому что она - японка, – был ответ.

Я записал адрес матери Кумико.

Пришло время действовать: теперь у меня была семья, и нужно было привезти её домой.

Прежде всего, я пошёл к своему боссу и попросил у него разрешение на отпуск и... прибавку к зарплате.

– У меня родилась дочь, – объяснил я.

– Какая дочь? Ты ведь живёшь один.

– Дело в том, что девять месяцев назад я ездил в Японию... – сказал я, немного краснея. – И сейчас мне нужно привезти оттуда жену и дочь...

Босс был так поражён этим известием, что тут же выполнил все мои просьбы.

От железнодорожной станции Чиба до деревни Кумико автобусы не ходили, так что пришлось взять такси.

Когда я подошёл к её домику, из-за двери доносился плач младенца.

Я позвонил, и мне почти сразу открыла пожилая женщина, наверное, мать Кумико.

Мы молча смотрели друг на друга, не произнося ни слова.

– Окаасан, кто это? – раздался из глубины дома голос Кумико. Женщина не ответила, мы продолжали молча смотреть друг на друга.

Наконец подошла и сама Кумико, держа на руках младенца.

Теперь мы смотрели друг на друга втроём, не произнося ни слова. Даже младенец перестал плакать и молча меня разглядывал.

– Как ты назвала нашу дочь? – спросил я.

– Хитоми, – сказала Кумико и заплакала...

Наша маленькая семья живёт в Иерусалиме.
Кумико преподаёт чайную церемонию в Японском культурном центре, и мы с Хитоми часто ходим полюбоваться на её искусство.

Мы очень счастливы.

Может быть, наши отношения и начались не совсем обычно, но давайте об этом никому не скажем!

Как издать книгу в Японии (правдивая история)

Каждый автор, пишущий по-японски, страстно желает увидеть своё произведение, опубликованным в Японии, и я не являюсь исключением.

Но как это сделать, живя в Израиле?

Письма и интернетные послания с текстами произведений неизвестного иностранного автора японские издатели, не читая, отправляют в настоящие или виртуальные корзины для мусора.

Ну а если попытаться договориться с издателями о встрече (в Японии, конечно), то, услышав, что я живу в Израиле, они сразу же оказываются очень занятыми, и времени для встречи со мной у них не находится.

Наконец, я понял, что единственная возможность «пробиться» – поехать в Японию и, неожиданно появившись перед издателем, попытаться убедить его в уместности публикации моих произведений.

Приняв решение, я без лишних раздумий взял двухнедельный отпуск и вылетел в Токио.

По списку, составленному с помощью Интернета, я последовательно обходил наиболее перспективные, с моей точки зрения, издательства и литературные агентства Токио. И сразу же столкнулся с характерными для этого города географическими проблемами: названий улиц не было, а нумерация кварталов и домов нередко была лишена какой-либо последовательности и логики. Например, квартал 10 мог следовать сразу за кварталом 5, а дом 8 – за домом 12.

Но разве такие мелочи могут остановить жаждущего публикации автора? Я быстро научился находить нужный адрес, пользуясь картой и расспрашивая прохожих и полицейских.

В издательствах меня встречали приветливо: угощали зелёным чаем с японскими пирожными, расспрашивали об Израиле. Конечно, израильтянин, пишущий на японском, повсюду вызывал удивление и даже восторг (восторг вызывало уже то, что я сумел до них добраться).

Иногда, работники издательства были очень заняты и могли уделить мне всего несколько минут, но в любом случае, их отношение ко мне было в высшей степени дружелюбным.

(Неприятным исключением оказалось престижное литературное агентство «Т-М»: там меня встретила девушка с золотым ожерельем в виде арабской вязи на шее. Услышав, что я из Израиля, она просто не захотела со мной разговаривать).

Разумеется, никто не давал мне никаких обещаний и все говорили о сложностях книжного бизнеса в Японии. Кроме того, в моём случае была и вполне объективная проблема: продавать книги неизвестного автора всегда трудно, и никому не хотелось рисковать своими деньгами.

За день до отъезда, я решил навестить последнее в моём списке издательство «Ватанабе», находящееся в районе Янака.

Приезжая в Токио, я всегда останавливаюсь в гостинице рядом с железнодорожной станцией Уэно, ну а Янака – на станции Ниппори, через одну остановку от Уэно по токийской кольцевой Яманоте-сэн.

Янака, старый одноэтажный район Токио, а внутри него – большое старинное кладбище. Кладбище размещается именно внутри города, да и переход от города к кладбищу как-то не заметен: вот идёшь по узким улочкам среди старых деревянных домов, сделал ещё несколько шагов – и оказываешься среди могил.

Я ещё раз посмотрел адрес издательства Ватанабе: седьмой квартал, тридцатый дом, на карте, впрочем, почему-то не обозначенный, и бодро начал поиски.

Седьмой квартал нашёл быстро. С трудом, расспрашивая прохожих, нашёл дом 20. Ну а тридцатый – никак не получалось найти, и никто не знал, где он.

Наконец, кто-то сказал: «пройдите вот здесь между домами».

Я прошёл между домами, и... неожиданно оказался на кладбище, и прямо передо мной – могила Ватанабе! (ряд 7, могила 30). На могиле написано – Ватанабе Киёши 渡辺清.

Я застыл от неожиданности, по спине пробежали мурашки.

Вдруг ко мне подошёл старый японец в ветхом кимоно.

– Что ты здесь делаешь? – спросил он.

Я обрадовался: может быть, старик мне поможет? Наверняка, он здесь всё хорошо знает.

– Я искал издательство Ватанабе в Янаке по адресу: квартал 7, дом 30, а вот, нашёл могилу Ватанабе номер 30, в седьмом ряду. Не знаю, что и думать...

– Здесь нет ошибки, – сказал старик. – Ватанабе-сэнсей долгие годы был издателем, издавал книги.

Я посмотрел на даты на могиле – издатель умер ещё в прошлом веке.

– Но ведь он давно уже... не издаёт книги, – сказал я.

– А что тебе от него нужно? – спросил старик.

Я достал из сумки рукопись:

– Вот, хочу издать книгу.

– Тогда ты пришёл по правильному адресу. Положи сюда свои тетрадки, зажги на могиле ароматические палочки – и не сомневайся: твоя книга будет издана.

Неужели, он действительно это сказал? Мне не слышалось?

– Я еврей, а евреи не зажигают палочки на могилах, – сказал я.

– Но Ватанабе-сэнсей-то не был евреем, так что, на его могиле ты и зажги. – Сказав это, старик повернулся и, не оглядываясь, пошёл прочь между могилами.

«Что за бред!?» - подумал я, но всё же пошёл покупать *сэнко*- ароматические палочки.

А что оставалось делать?

В Янаке есть несколько небольших старых буддистских храмов *о-тэра*, обслуживающих кладбище. В прихрамовой лавке я купил ароматические палочки и зажгёг их на могиле Ватанабе-сэнсея, положив рядом с могилой свою рукопись. Сделав это, с чувством выполненного долга пошёл к станции Ниппори.

Что и говорить, встреча с издателем в Янаке была не совсем обычной!

Через несколько дней после моего возвращения в Израиль я получил мэйл от литературного агентства N. из Токио: они сообщали, что моя книга принята к публикации в издательстве Ватанабе и будет издана уже в этом году.

В издательстве Ватанабе???

Но был прислан и договор с вполне земным содержанием, который я тут же подписал и отослал обратно. Из условий договора было ясно, что на издании этой книги я не разбогатею, но какое это имело значение?

Моя мечта сбылась: моя книга наконец-то будет издана в Японии!!

Где Тошико?

Я жил в иерусалимском районе Гиват Царфатит рядом с университетом, посещал курсы японского языка и старался не пропускать лекции по японской культуре. Планируя своё первое путешествие в Японию, я начал переписываться с девушками в японских сайтах знакомств: ведь куда приятней путешествовать по Японии с красивой японской девушкой, не правда ли? Но, к сожалению, японки отнюдь не спешили со мной знакомиться. Наверное, моя внешность не производила на них впечатления: не очень я похож на героя-любовника.

Наконец, мне удалось найти одну девушку, которая согласилась встретиться со мной в Токио. Впрочем, её фотография в сайте была немного расплывчатой, и трудно было понять, как она выглядит на самом деле. Девушку звали Тошико. Мы поговорили с ней по телефону, и условились созвониться, когда я прилечу в Токио. В конце телефонного разговора она сказала не совсем понятную фразу: «Не беспокойся, я сама тебя найду. Наша встреча будет необычной и неожиданной.»

В самолёте моей соседкой оказалась красивая, элегантно одетая японка, настоящая леди. Отвечая на её приветливые улыбки, я думал: как же мне повезло, отличное начало путешествия!

Конечно же, я решил с ней познакомиться.

– Как вас зовут, прекрасная незнакомка?

– Я - Тошико, – ответила девушка.

– Так это ты? Как здорово вот так с тобой встретиться!

– Я, конечно, удивился и очень обрадовался: её красота и изящество превзошли все мои ожидания (на нечёткой фотографии этого нельзя было увидеть). Тошико улыбнулась моему восторгу, но ничего не ответила.

В продолжении полёта я изо всех сил ухаживал за девушкой и старался ей угодить. Мы разговаривали на самые разные темы, обсуждали план предстоящего путешествия, и за долгие часы полёта успели стать добрыми старыми друзьями, как мне казалось. Разумеется, мы вместе поехали в Уэно, где я снял для нас номер в отеле...

Когда я проснулся на следующее утро, Тошико одевалась.

Я любовался её красотой и чувствовал себя абсолютно счастливым.

– С добрым утром, милая! Мы встретились таким чудесным образом...

Не поворачивая головы и продолжая одеваться, девушка сказала:

– Ты ошибаешься. Я не та Тошико, которую ты ищешь. И ты совсем не тот, кого ищу я. Не обижайся, но, честно говоря, для меня ты немного староват и толстоват, а твоя одежда... Мне будет стыдно, если знакомые увидят нас вместе. Да и этот обшарпанный отельчик в Уэно... Я привыкла к роскошным клубам Роппонги, к шикарным американским джентльменам в больших автомобилях... – Тошико закончила одеваться и повернулась ко мне.

– Как ты мог подумать, что такая женщина как я может мечтать о таком мужчине как ты? Надеюсь, та Тошико,

которую ты ищешь, подходит тебе больше...»

Она откинула волосы со лба, подхватила свой чемоданчик и, не оглядываясь, вышла из номера.

После такой катастрофы я долго не мог прийти в себя, но надо было как-то продолжать путешествие.

Выпив утреннюю чашку кофе в Starbucks, я решил позвонить моей Тошико и начать всё сначала.

– С добрым утром, Тошико! Я прилетел в Токио вчера вечером. Хотелось бы поскорее с тобой встретиться.

– С приездом! Давай встретимся сегодня утром в десять, напротив выхода Хачико на станции Сибуя, рядом с полицейской будкой.

В десять я был рядом с полицейской будкой на станции Сибуя. Вокруг стояло много красивых девушек, и они все кого-то ждали. Одна из них была немного похожа на мою Тошико на фотографии в сайте. Настоящая милашка!

– Привет, Тошико! Наконец-то мы встретились!

Она приветливо улыбнулась:

– Я тоже рада тебя видеть.

– Давай посидим где-нибудь в кафе, нам надо о многом поговорить.

– Конечно.

Мы нашли уютный итальянский ресторанчик, я заказал девушке пиццу с креветками, а себе взял «Маргариту».

Тошико держалась легко и непринуждённо, и мы быстро подружились.

На десерт мы оба взяли шоколадное мороженное со взбитыми сливками.

– Тошико, я остановился в отеле рядом со станцией

Уэно. Давай сейчас поедem ко мне – я привез тебе отличный подарок из Израиля.

Девушка недоумённо на меня посмотрела.

– Извини, но я не могу пойти с мужчиной в отель. Я замужем.

– Ты... что? – я не поверил своим ушам. – Но ты же писала... и мы говорили по телефону...

– Я никогда с тобой не переписывалась и никогда не разговаривала с тобой по телефону. Ты меня с кем-то путаешь.

– Но ведь ты - Тошико?..

– В Японии много женщин с именем Тошико.

Мило улыбнувшись, девушка встала, помахала мне рукой на прощание и, не оглядываясь, вышла из ресторана.

Я понял, что опять ошибся.

Но где же моя Тошико?

Я тут же позвонил ей.

– Тошико, извини, я всё перепутал. Давай договоримся о встрече ещё раз.

Она засмеялась.

– Не беспокойся, всё в порядке. Давай встретимся сегодня в девять вечера на выходе из парка Уэно рядом со станцией Кейсей-Уэно.

– Конечно, я обязательно приду.

В девять вечера я был на выходе из парка Уэно рядом со станцией Кейсей-Уэно. Уже стемнело. В свете фонарей я увидел молодую женщину, сидящую на скамейке на самом выходе из парка. Было трудно понять, похожа ли она на фотографию Тошико в сайте, но никакой другой женщины поблизости не было. Я присел на скамейку рядом с ней.

– Добрый вечер, Тошико! Я рад, что мы всё-таки встретились. Давай посидим в каком-нибудь кафе и поговорим.

– Конечно, дорогой, – с улыбкой ответила девушка. – Я беру пять тысяч иен за два часа (около пятидесяти долларов).

– О чём ты говоришь? – не понял я. – Тебе нужны деньги?

– А ты что думал? Я здесь работаю.

О-о-о! Я вскочил как ужаленный.

Девушка тоже встала.

– Я согласна на четыре тысячи, – сказала она.

Но я уже убежал прочь со всех ног...

Через несколько минут я уже звонил моей Тошико по телефону.

– Завтра в десять утра напротив справочной *Мидори-но-мадогучи* на станции Уэно, – сказала она.

На следующее утро в десять я стоял напротив справочной *Мидори-но-мадогучи* на станции Уэно.

Вокруг стояло много женщин, и все они кого-то ждали. Одна из них была немного похожа на фотографию Тошико в сайте.

Я обратился к ней с приветливой улыбкой:

– Простите, вы случайно не Тошико?

– Нет, меня зовут Хитоми, – ответила девушка.

Вдруг сзади меня раздался тонкий женский голосок:

– Я - Тошико.

Обернувшись, я увидел прямо перед собой маленькую старушку лет восьмидесяти в традиционном японском кимоно.

Не раздумывая ни секунды, я бросился бежать...

– Тошико-сан, давай договоримся о встрече в последний раз. Если на этот раз мы не встретимся, ну что же, значит не судьба.

– Хорошо. Сегодня в восемь вечера в пабе «Голубой попугай» в Роппонги. Сможешь найти?

Разумеется, в восемь вечера я был в «Голубом попугае».

В сумерках паба играла громкая музыка. В разноцветных бликах прожекторов танцевали странно одетые молодые люди.

Какой-то парень в коротком полупрозрачном женском платье подошёл ко мне, покачивая бёдрами. Его глаза были подведены чёрной тушью, а губы ярко крашены.

– Ты кого-то ищешь, милый? – спросил он, улыбаясь.

– Я ищу девушку по имени Тошико, – ответил я.

– Это я - Тошико, – сказал парень.

Я выскочил из паба, как ошпаренный, и ещё долго не мог оправиться от шока...

Увы, я больше не пробовал встретиться с Тошико.

Она, наверное, весёлая девчонка, но такие развлечения не для меня...

Я полностью отдался моему путешествию по Японии, открывая для себя волшебный мир этой удивительной страны и наслаждаясь её утончённой красотой.

Иногда меня охватывала грусть: ведь я так и не нашёл свою девушку...

На обратном пути в самолёте рядом со мной сидела симпатичная молодая японка.

– Ты, случайно, не из Израиля? – спросила она.

– Да, я - израильтянин.

– Ой, как здорово! – сказала девушка. – Я лечу в Израиль в первый раз, и у меня много вопросов... Можно тебя спросить?

Она кокетничала так мило и трогательно, что я не мог сдержать улыбки.

– Конечно! А что ты собираешься делать в Израиле?

– Меня пригласили в Иерусалимский университет читать лекции по японской культуре.

– Вот это совпадение! А я как раз хожу на лекции по японской культуре в Иерусалимском университете. С радостью расскажу тебе об Израиле, задавай любые вопросы.

– Большое спасибо! Я заказала номер в небольшом отеле в Гиват Царфатит. Ты знаешь где это?

– Конечно, я как раз там живу. Я провожу тебя до отеля, а потом покажу университет, это совсем рядом!

– Надо же, как мне повезло!

Девушка смотрела на меня с интересом и симпатией, а я... я, конечно же, сразу влюбился в неё без памяти!

Вдруг я вспомнил, что мы ещё не успели познакомиться.

– Как тебя зовут? – спросил я.

– Меня зовут Тошико, – ответила девушка.

Девушка из Нагасаки

Последнюю ночь Сачико плохо спала: она часто просыпалась, видела странные сны и не всегда различала сон и явь. Окончательно проснувшись под утро, девушка поняла, что заболела. Она чувствовала сильную слабость во всём теле, вероятно, из-за высокой температуры. Не было сил подняться с постели, трудно было даже пошевелить рукой.

Наверное, она заболела гриппом: в Израиле в это время был как раз самый разгар эпидемии.

Сачико приехала из Нагасаки шесть лет назад изучать иудаизм в Иерусалимском университете, а закончив учёбу, решила остаться жить в Израиле. Она зарабатывала переводами и уроками японского языка, немного денег присылали родители. Жизнь в Израиле казалась ей интересной и наполненной смыслом.

Живя одна в чужой стране, девушка старалась тщательно заботиться о своём здоровье: питалась натуральной растительной пищей, каждое утро делала пробежку в парке рядом с домом.

Но от гриппа разве убежишь?

Обычно любую болезнь Сачико лечила зелёным чаем, который мама присылала ей из Нагасаки. Но на этот раз из-за сильного жара у девушки не было сил встать с постели и вскипятить воду в чайнике. Во рту у неё пересохло. Мысли путались, было трудно на чём-то сосредоточиться...

Вдруг Сачико вспомнила, что как раз сегодня должен прийти Алекс. Надо было как-то предупредить его, что она заболела.

Но как это сделать? Алекс запретил ей звонить по телефону из-за ревнивой жены, а добраться до компьютера и послать сообщение у девушки не было сил.

Как её угораздило связаться с женатым мужчиной?!

Сачико нравились израильские парни, да и они были не прочь поухаживать за красивой японкой, но серьёзных отношений не получалось.

Ей казалось, что с Алексом всё будет по-другому: он выглядел искренним и надёжным.

Сачико познакомилась с ним на вечере японской культуры в Иерусалиме. Высокий интеллигентный парень, врач по специальности, он сразу очаровал девушку, а потом была та замечательная поездка в Эйлат...

В какой-то момент неожиданно выяснилось, что Алекс женат. Его жена тоже работала врачом и, хотя детей у них не было, похоже, они счастливо жили вместе и разводиться не собирались.

Но, даже узнав, что Алекс женат, Сачико так и не смогла с ним расстаться: как известно, любовь зла...

Отпирая дверь своим ключом, Алекс удивился, что девушка не встречает его, как обычно.

Войдя в комнату, он увидел Сачико, лежащую на кровати в забытии и быстро подошёл к ней.

У девушки была высокая температура и слабый пульс.

Алекс знал, что из-за эпидемии иерусалимские больницы переполнены, и Сачико придётся там долго ждать, пока ей окажут помощь. Однако, её состояние было серьёзным и требовало немедленного лечения. Алекс решил отвезти её к себе домой. Как

у многих врачей, у него дома был небольшой запас медикаментов, и даже капельницы для внутривенных вливаний.

Перенеся в машину хрупкое тело девушки, Алекс отвёз её к себе.

Дома он положил Сачико в салоне на софу и поставил ей капельницу: из-за высокой температуры девушка была обезвожена и нуждалась в большом количестве жидкости.

Алекс знал, что как раз в это время его жена Элка должна вернуться с ночного дежурства.

Конечно, ей всё это очень не понравится, но что было делать?

Алекс посмотрел на Сачико и ещё раз пощупал её пульс. Да, он сделал правильно, привезя её домой: другого выхода у него не было, девушка могла умереть.

Входная дверь в квартиру открылась, и Элка вошла в прихожую. Было слышно, как она переобувается.

– Как дела, дорогой? – Элка уже входила в комнату. Ответить Алекс не успел.

– Что это?! – спросила Элка, указывая на Сачико.

– Это моя знакомая, гостья из Японии... Она неожиданно серьёзно заболела, и я привёз её к нам... Ты же знаешь: больницы переполнены, там ей придётся долго ждать, пока кто-нибудь обратит на неё внимание...

– Гостья из Японии? Ты что, меня за дуру считаешь?

– Элка, она серьёзно больна. Если ей сейчас не помочь, она может умереть.

Элка подошла к Сачико, взяла её руку и пощупала пульс.

Лицо Элки стало серьёзным.

– Надо послушать лёгкие, – сказала она. – У неё может быть пневмония. Давай, помоги мне.

Алекс посадил Сачико и поднял ей рубашку. В руках у Элки появился стетоскоп. Она быстро и профессионально послушала лёгкие девушки.

– Да, вот здесь, справа в нижней доле, дыхание не прослушивается. Нужно срочно начинать антибиотики. У нас есть что-нибудь подходящее?

– В холодильнике несколько ампул цефтриаксона. Я добавлю в капельницу.

Алекс быстро пошёл на кухню и вернулся с ампулой антибиотика.

Сачико всё ещё была без сознания. Элка пристально её разглядывала.

– Она очень красивая... А ты - подонок! – Элка повернулась к Алексу. – Как ты мог?!

Алекс ничего не ответил.

Вдруг Сачико открыла глаза. Она пришла в себя и испуганно осмотрелась.

Элка приветливо ей улыбнулась:

– Не волнуйся, дорогая, мы врачи. Мы тебя лечим, и скоро тебе станет лучше.

Она повернулась к Алексу:

– Принеси ей горячего чая с мёдом и лимоном.

Алекс вышел на кухню.

Сачико умоляюще посмотрела на Элку и прошептала:

– Пожалуйста, простите меня... – Её глаза наполнились слезами.

– Ну что ты, милая, ты ни в чём не виновата, – Элка улыбнулась. – Мы же с тобой знаем, что мужчины иногда

ведут себя как животные...

Она взяла руку девушки и нежно её погладила. Сачико слабо улыбнулась в ответ.

Алекс принёс из кухни чаю.

Элка помогла девушке сесть и дала ей чашку.

Сидя, сторбившись, на софе и держа чашку обеими руками, худенькая Сачико была похожа на больного ребёнка. Элка и Алекс, не отрываясь, смотрели на неё как замороженные.

Температура спала, одежда Сачико промокла от пота. Элка принесла ей свою пижаму и, взглядом попросив Алекса выйти, помогла девушке переодеться.

Эту ночь Элка и Алекс, сменяя друг друга, ухаживали за больной, измеряли ей температуру, приносили горячий чай.

В какой-то момент, войдя в комнату, Элка увидела, что Алекс держит девушку за руку и смотрит на неё влюблёнными глазами. Девушка дремала...

Наутро Сачико стало лучше. Она захотела вернуться домой, но Элка даже слышать об этом не хотела.

– Не торопись, милая, тебе надо отлежаться. Болезнь ещё в самом разгаре. Мы не отпустим тебя, пока ты не выздоровеешь окончательно. Не волнуйся, ты нас совершенно не стесняешь.

Прошло ещё несколько дней, Сачико быстро поправлялась, но Элка всё ещё не разрешала ей вернуться домой.

Как-то незаметно японка осталась жить в их семье. Между ними установились вполне гармоничные отношения.

Вот только Алексу пришлось перебраться спать в салон на софу...

Японка под дождём (иерусалимская сказка)

Я учился тогда в Еврейском университете в Иерусалиме и был беззаботным легкомысленным парнем, каким были, наверное, и вы в этом возрасте.

Однажды, какая-то незнакомая девушка с азиатской внешностью заговорила со мной в лобби университета:
– Моя подруга просила передать вам это письмо. Она протянула мне конверт и тут же растворилась в толпе студентов.

Письмо было написано по-английски:

«Я очень люблю тебя, но, если ты отвергнешь мою любовь, я не смогу больше жить!»

Я вздрогнул, читая эти строки. Как будто горячая волна обожгла мне сердце.

В то время я был одинок, и как любой нормальный парень, мечтал влюбиться в какую-нибудь красивую необыкновенную девушку. В университете «красивые необыкновенные девушки» были повсюду, и иногда мне казалось, что я мог бы влюбиться во всех этих девушек сразу и в каждую по отдельности. Но это письмо всё изменило. За всю мою жизнь ещё никто не признавался мне в любви так искренне и страстно.

Кто же она? Я начал пристально рассматривать студенток-азиаток, но, разумеется, таким образом не смог догадаться, кто она. Я только надеялся, что она не окажется какой-нибудь... некрасивой...

Несколько дней спустя я случайно встретил в университете девушку, передавшую мне письмо.

– Ты не знаешь случайно, кто это? – показал я на неё своему приятелю.

– Какая-то японка, – ответил он. – Я как-то видел её на вечеринке японских студентов.

Я решил проследить за ней, чтобы найти её подругу, так сильно в меня влюблённую. Было уже часа четыре после полудня. Лекции и семинары заканчивались, студенты выходили из помещений университета и небольшими группами направлялись к автобусной остановке и к месту парковки машин. Мой «почтальон» тоже вышла из кампуса, но не последовала за остальными. Она миновала университетские ворота и направилась в сторону полуразрушенной арабской деревушки, расположенной неподалёку. Я пошёл за ней, но успел лишь заметить, как она скрылась среди развалин домов. Побежав следом, я уже нигде не мог её найти. Девушка бесследно исчезла.

Покидая после долгих поисков это заброшенное место, я встретил на тропинке старого араба.

– Здесь кто-нибудь живёт? – спросил я у него.

– Да нет, – ответил старик, – кроме нескольких лисиц здесь уже давно никто не живёт.

Как-то, возвращаясь домой поздно вечером, я увидел у своего подъезда худенькую девичью фигурку.

«Это она», – подумал я, подойдя поближе и разглядев её.

Несмотря на холодный осенний дождь, девушка была без зонтика и даже без плаща. Её длинные мокрые волосы беспорядочно разметались на ветру, слёзы текли по лицу вместе с каплями дождя, а плечи

вздрагивали от холода или от рыданий.

Не знаю, как вы, а я не каждый вечер нахожу у себя под дверью плачущих замёрзших японок.

– Заходите, пожалуйста, – сказал я, открывая дверь квартиры и пропуская её внутрь.

Я сразу же закутал её в одеяло, включил обогреватель и пошёл варить кофе.

Несколько раз я пытался заговорить с девушкой, обращался к ней с разными вопросами, но она не произнесла ни слова, и даже ни разу на меня не взглянула...

Когда я проснулся утром, девушка исчезла. Остался лишь лёгкий запах каких-то осенних цветов...

Девушка, пришедшая из сна,
в сон вернулась.

В этот день, как обычно, я пошёл в университет. Мой «почтальон» уже ждала меня в лобби. Она молча протянула мне новое письмо и, как и в прошлый раз, мгновенно исчезла. Я быстро вскрыл конверт и прочёл:

«Мой возлюбленный, я узнала, что ты провёл ночь с моей старшей сестрой. Я очень рассердилась на неё и была вне себя от ревности. Но она объяснила, что очень беспокоилась за меня и боялась, что ты можешь меня обидеть. Она только хотела убедиться, что ты порядочный человек, и что мне ничего не угрожает. Прости нас, пожалуйста! Мы всего лишь две сестры, молодые и глупые, которые очень любят друг друга.»

Подожди ещё немного. Время нашей встречи приближается».

В тот день я уже не мог учиться, да и думать не мог ни о чём, кроме событий последней ночи и этого странного письма.

В обед кто-то позвонил мне по телефону:

– Hello! Меня зовут Тануки. – Мужчина говорил по-английски с лёгким акцентом. – Мне надо поговорить с вами о чём-то очень важном для вас. Давайте встретимся сегодня вечером в «Сакуре».

«Сакура» - известный японский ресторан в центре Иерусалима.

Разумеется, я тут же согласился. Я не сомневался, что предстоящая встреча как-то связана с моими «японскими» приключениями. Мы договорились на семь.

Мистер Тануки оказался японским джентльменом с узким, хитрым лицом и бегающими глазками. Он показался мне неприятной личностью, может быть, даже опасной.

Когда мы сели за столик и сделали заказ, он сказал:

– Я пришёл для того, чтобы дать вам отличный совет: немедленно забудьте эту девушку и больше с ней не встречайтесь!

– Кого вы имеете в виду? – спросил я.

Я действительно не понимал его. Говорил ли он о полюбившей меня девушке или о её старшей сестре? А может быть, он говорил о «почтальоне»?

Мой невинный вопрос вывел его из себя. Он перестал улыбаться и заговорил резко и зло:

– Вы всё отлично понимаете! Вы каждый день переписываетесь с ней, а вчера ночью она была у вас

дома. Но вы не понимаете, насколько это опасно. Это не девушка, да и вообще не человек. Она лисица - оборотень. Если вы влюбитесь в неё, вы пропали!

Я сразу вспомнил слова того старика: «Кроме нескольких лисиц здесь уже давно никто не живёт». Вот это да! Неожиданно я оказался героем какой-то японской сказки. Может быть, мистер Тануки и говорил правду, но он смотрел на меня с такой злобой, что я чувствовал: он не может желать мне добра.

– Зачем вы мне это говорите? – спросил я.

– Я хочу вас спасти, – ответил он.

– Зачем вы хотите спасти меня, мистер Тануки? Я никогда вас раньше не видел и ещё сегодня утром даже не знал о вашем существовании. Почему вы хотите, чтобы я оставил эту девушку?

Мистер Тануки пришёл в ярость, и было видно, что он с трудом сдерживает себя.

– Так вы мне не верите? Ну что же, скоро вы сами это увидите, да будет поздно!

Он резко встал и, не оборачиваясь, быстро вышел из ресторана.

Я приходил в себя после этой безобразной сцены, когда вдруг увидел мою ночную посетительницу - старшую сестру моей «возлюбленной по переписке». Девушка выглядела очень элегантно в длинном вечернем платье и показалась мне удивительно красивой. Приветливо улыбаясь, она помахала мне рукой и направилась к моему столику. Я поднялся ей навстречу, поражённый её красотой и изяществом. Продолжая улыбаться, она подошла ко мне и, ни на кого не обращая внимания, нежно меня поцеловала.

– Я люблю тебя! – просто сказала она.

– Но твоя сестра... – начал было я.

Девушка улыбнулась:

– Любимый, моя сестра - это и есть я. Мы обе любим тебя, и ты можешь любить нас одновременно!

Я почувствовал, что чувство к этой девушке переполняет моё сердце. Мне вдруг захотелось сжать её в объятьях, закружить в быстром танце и целовать, целовать без конца...

Она почувствовала, что я испытываю, и прошептала:

– Милый, мы здесь не одни...

Я огляделся и понемногу начал приходить в себя.

Оказывается, мы были в японском ресторане!

Посетители «Сакуры» перестали есть и разговаривать, и смотрели на нас во все глаза.

В этот момент официант принёс наш заказ. Я посмотрел на вкусно пахнущие, дымящиеся японские блюда, и вдруг вспомнил, что не ел со вчерашнего дня.

– Ты голодна? – спросил я девушку.

Она кивнула. Мы сели за столик и дружно набросились на отлично приготовленные *мисо*, *сашими* и *сукияки*, запивая всё это горячим *сакэ* из изящного кувшинчика, украшенного изображением сакуры.

– Почему ты вчера ночью со мной не разговаривала и даже на меня не смотрела?

– Я очень стеснялась... Ведь это была наша первая встреча... Но я не могла больше жить без тебя. Я была готова пойти на что угодно, только бы быть с тобой!

Говоря это, она заплакала и закрыла лицо салфеткой.

Я нежно поцеловал её:

– Пожалуйста, не плачь! Я с тобой... Я тоже очень люблю тебя и тоже не могу без тебя жить.

Девушка понемногу успокоилась.

Подали десерт. Мы пили японский чай с какими-то необычными японскими пирожными.

– Я знаю, что ты встречался с Тануки, – сказала девушка. – О чём вы с ним говорили?

В её голосе чувствовалась настороженность.

– Он советовал мне немедленно с тобой расстаться, – ответил я. – Он очень неприятный человек, этот Тануки.

– А он и не человек, – сказала она. – Он енот - оборотень, злобное и коварное создание. «Тануки» – это «енот» по-японски.

Вот это да! Меня окружают одни оборотни! Ну и попался же я!

Но я не верил, что эта необыкновенно красивая девушка, которую я полюбил, – оборотень. На самом деле, мне было даже всё равно, девушка она или лисица. Кем бы она ни была, я не перестану её любить.

Но как она узнала, что я встречался здесь с Тануки?

– Откуда ты знаешь, что я с ним встречался? – спросил я.

– Я должна была прийти вместе с ним, но опоздала. Скажи, он не говорил обо мне что-нибудь... необычное?

В её вопросе снова зазвучала тревога.

Я решил не передавать ей слова Тануки о лисах.

– Нет, он ничего не успел мне сказать. Да я бы всё равно ему не поверил. Мы поссорились. А что он должен был о тебе рассказать?

Девушка вздохнула с облегчением.

– Он когда-то сделал мне предложение, а я отказала ему. С тех пор он всюду преследует меня...

По дороге домой мы беззаботно болтали о разных пустяках, часто смеялись и, наверное, вели себя довольно глупо, как и все влюблённые в таких случаях.

На следующее утро девушка проснулась в моей постели. Она выглядела счастливой. Я любовался её движениями, полными грации, её улыбкой, полной нежности...

Сон уже прошёл,
а ты осталась со мной.
Девушка, пришедшая из сна,
забыла в сон вернуться.

В этот день мы не пошли в университет: у нас были дела поважнее. Моя жизнь вдруг наполнилась любовью и непрерывным счастьем...

Но через несколько дней моя возлюбленная неожиданно исчезла. Я попытался было найти нашего «почтальона», но и она пропала. Я искал их повсюду в университете, спрашивал о них у японских студентов, но всё было тщетно: обе девушки бесследно исчезли, и никто не знал, где они.

В конце концов, я решил сходить в ту полуразрушенную арабскую деревню рядом с университетом. Я долго бродил там, пока неожиданно не увидел двух лис, привязанных к старому масличному дереву. Они неподвижно лежали под

деревом и выглядели крайне измождёнными. Возможно, они оставались здесь без еды и питья уже долгое время. Мне показалось, что они смотрят на меня глазами, полными слёз. Я быстро отвязал их и побежал в университет: купил там в ларьке какие-то сэндвичи и несколько бутылок воды, но когда вернулся, их уже не нашёл. Лисы исчезли.

С тех пор прошло уже много времени, но я больше уже никогда не встречал ни моей возлюбленной, ни девушки, которая приносила мне письма. Я повсюду искал их, подолгу бродил среди развалин домов в той заброшенной арабской деревушке, но никого там больше не видел, кроме ящериц. Я обращался в дирекцию университета, в японское посольство, но всё было тщетно: я так и не нашёл мою любимую.

Я понял, что она исчезла навсегда, и в конце концов прекратил поиски.

Некоторое время спустя я случайно прочёл в газете, что молодые натуралисты поймали в окрестностях Иерусалимского университета енота.

Это было удивительное событие, потому что еноты почти не встречаются в Израиле. Ребята подарили енота Иерусалимскому зоопарку.

Как-нибудь я навещу тебя, мистер Тануки! У меня есть к тебе несколько вопросов...

Мы найдём тебя, мистер Хакер!

Я оказался в тюрьме Маасиягу по собственной глупости.

В то время я подрабатывал в компьютерных фирмах free lance, изучал японский язык и страстно увлекался компьютерным хакерством. Я был, наверное, самым крутым хакером в Израиле. Чтобы доказать это себе и всему миру, я взломал сайты Министерства обороны Японии и... оказался в Маасиягу: японское правительство требовало моей экстрадиции.

Почему-то мне не хотелось попадать в японскую тюрьму. Я слышал о жёстком обращении японцев с иностранными заключёнными и понимал, что знание японского не очень-то мне там поможет...

Однажды утром меня неожиданно вызвал к себе начальник тюрьмы. Самого начальника в офисе не было, а за его столом сидели два каких-то парня в штатском.

Парни приветливо улыбались.

- Присаживайтесь, пожалуйста, – сказал один из них.
- Мы из контрразведки. Мы попали в затруднительное положение и хотим обратиться к вам за помощью.
- О чём, собственно, идёт речь? – спросил я.

Парни переглянулись и первый начал:

- Мы получили информацию, что японская террористическая организация «Красные бригады» готовит биологическую атаку на Израиль.
- А вы - единственный хакер в Израиле, владеющий японским языком, – добавил второй...

– Вы найдёте и взломаете их электронную почту, – сказал первый.

– А мы освободим вас из тюрьмы, – заключил второй.

– Не выдадим вас японцам.

Вот это да!! Разумеется, я с радостью согласился.

– Но у меня к вам одна просьба, – сказал я.

Парни насторожились.

– Я буду работать на своём компьютере.

– Ну разумеется! – заверил первый.

– Не волнуйтесь! – поддержал его второй.

– Просто на своём компьютере я приготовил для этих игр кое-какие примочки, – объяснил я.

Они понимающе закивали.

Я без труда нашёл и взломал сайты террористов, добыл необходимую информацию и снова оказался на свободе.

Когда меня посадили в тюрьму, все мои друзья сразу куда-то исчезли. Оказавшись на свободе, я позвонил бывшей своей подружке, японской студентке, но она даже и разговаривать со мной не стала.

– У нас в Японии в тюрьму сажают преступников, – сказала девушка и положила трубку.

В тюрьме я очень остро и болезненно переживал своё одиночество. Но на свободе я ничего такого не чувствовал: на свободе у меня был компьютер, а у рыскающих по интернету хакеров на грустные размышления просто не остаётся времени.

Выйдя на свободу, я снова вернулся к своему единственному верному другу, проводя в интернете дни и ночи.

Неожиданный звонок в дверь прервал мою медитацию перед компьютером. Я пошёл открывать дверь, пытаясь угадать, кто бы это мог быть.

Не угадал.

На пороге стояла молодая красивая японка с дорожной сумкой на плече и с огромным чемоданом у ног.

Увидев меня, девушка приветливо улыбнулась и поклонилась:

– *Конничи ва!* Я - Сачико.

Ничего не понимая и ошеломлённо глядя на девушку, я всё же пробормотал:

– *Ёку ирасаймасита!* – Добро пожаловать! Проходите, пожалуйста!

Я занёс её чемодан в квартиру, а она по дороге поцеловала меня в щёку, встав для этого на цыпочки. Вот это да! Откуда она взялась?

Как будто услышав мой вопрос, девушка улыбнулась:

– Мы переписывались в интернете пару месяцев назад, и ты пригласил меня в Иерусалим погостить. Вот я и приехала.

Наверное, так оно и было. Я переписывался с десятками девушек из всех городов Японии и каждой писал: «приезжай погостить в Иерусалим!». Это было проявление галантности, а совсем не приглашение. Разумеется, им и в голову не могло прийти приехать в гости к незнакомому парню, а эта взяла, да и приехала. Так мне и надо!

Впрочем, девушка оказалась очень милой, и я несколько не жалел, что всё так получилось. Конечно, мы сразу же влюбились друг в друга.

Оказалось, что Сачико уже бывала в Израиле, и

немного говорит и читает на иврите. У нас было много общего, и нам скоро стало ясно, что мы просто созданы друг для друга.

Девушка прилетела всего на два месяца, которые, увы, промелькнули незаметно. До её отъезда оставалось всего несколько дней, когда мы поняли, что уже никогда не сможем расстаться. Мне не хотелось оставлять Израиль, но Сачико ни за что не смогла бы привыкнуть к здешней жизни, и мы начали готовиться к отъезду. Сачико легко убедила меня, что в Японии мне уже ничего не угрожает.

– У Министерства обороны Японии есть дела поважнее, чем гоняться за глупыми хакерами! – авторитетно заявила она.

Билет для меня был куплен, вещи собраны, и вот уже следующей ночью мы должны были лететь в Японию – страну нашего будущего счастья...

...а накануне вечером я, как обычно, сидел за компьютером, а Сачико листала израильские газеты. Вдруг зазвонил телефон. Я снял трубку.

– *Моси-моси!* – Сказал нежный девичий голосок и кокетливо продолжал: – *Ичи-ман-кью-сен-хапьяку-рокудзю-хачи.*

Услышав эти невинные японские числа, я похолодел от ужаса, ведь это был код сайта террористов, который я взломал! Они нашли меня, и несомненно хотят мне отомстить.

Девушка на другом конце провода весело засмеялась: – *Конничи-ва, Мистер Хакер!* Я жду тебя завтра в пять в лобби тель-авивского отеля «Дан-Панорама».

Опаздывать не советую - это тебе не поможет, – и весело смеясь, она повесила трубку.

Не в силах побороть оцепенения, я продолжал прижимать трубку к уху, хотя в ней давно уже слышались только короткие гудки. Вероятно, я выглядел очень испуганным, потому что Сачико, встревоженно глядя на меня, спросила:

– Что случилось?

Я медленно положил трубку и сказал:

– Террористы нашли меня.

Она знала, о чём идёт речь: я, конечно же, рассказал ей о моём аресте и об условии моего освобождения.

– Завтра в пять я должен быть в «Дан-Панорама».

Звонила какая-то девчонка, говорила по-японски... Наверное, её прислали убить меня. Прятаться от них бесполезно: если они нашли меня здесь, найдут и в другом месте...

Мы долго молча смотрели друг на друга, понимая, насколько это серьёзно.

Вдруг Сачико улыбнулась, взяла со стола газету, открыла её на нужной странице и торжествующе протянула мне. Я ничего не понимал: она показывала мне страницу с объявлениями о массажных кабинетах и публичных домах в Тель-Авиве.

– Что это значит? – спросил я. – Зачем ты показываешь мне эту пошлятину?

– А вот послушай! – сказала Сачико и быстро набрала один из напечатанных там номеров телефона. Подождав, пока ей ответят, она заговорила на английском, сильно кокетничая и ломаясь:

– Hello! Я только что прилетела из Японии и хотела бы у вас немного подработать.

– Да, я - японка.
– Мне 18.
– Давайте встретимся завтра и всё обсудим.
– Я остановилась в отеле «Дан-Панорама». Жду вас в лобби отеля завтра в пять.
– Вы легко меня узнаете, я - японка, – повторила она.
– Да, разумеется. Завтра в номере я покажу вам свою работу, – и Сачико кокетливо засмеялась.
Когда она положила трубку, мы бросились друг другу в объятия. Надо же такое придумать!
Я без конца целовал её, шепча: *Суго-ой!!* – Здорово, молодец! *Ай сите иру ё!* – Я люблю тебя!

Каё Шинода была очень красивой японской девушкой, а кроме того, она была самым эффективным киллером японской террористической организации «Красные бригады». За бездушность и необычайную жестокость товарищи по оружию прозвали её *коори но кокуро* – «Ледяное сердце», и даже Босс побаивался милой хрупкой Каё-чан - холодной и беспощадной убийцы. Именно её и прислали в Израиль разобраться с «Мистером Хакером».

Ровно в пять она сидела в удобном кожаном кресле в лобби шикарного тель-авивского отеля «Дан-Панорама», листая какой-то женский журнал и время от времени поглядывая на входную стеклянную дверь. В пять пятнадцать в лобби отеля вошли двое смуглых, черноволосых парней, безвкусно и пёстро одетых, увешанных многочисленными золотыми побрякушками. Они курили и громко разговаривали, и явно выглядели инородным телом в роскошном лобби дорогого отеля, однако охранники даже и не подумали задержать их, хотя тут же связались по «моторолле» со своим начальством.

Это были известные сутенёры, весьма авторитетные в криминальном мире Тель-Авива. Оглядевшись, они направились к японке. Девушка заметила их и, отложив газету, неторопливо встала им навстречу.

– Да ты просто милашка! – сказал первый, складывая губы трубочкой и гнусно ей подмигивая. Он попытался ущепнуть её за щёку, но она ловко увернулась.

– Ты нам подходишь! – сказал второй с отвратительной мерзкой ухмылкой.

Сутенёры были очень довольны: такая красotka быстро заработает для них кучу денег, но самое главное, они предвкушали массу удовольствия у неё в номере в самом ближайшем будущем.

– Мы хотим проверить твоё умение и профессионализм, – сказал первый, снова отвратительно ей подмигивая. – Покажи нам, детка, на что ты способна.

– Мы должны окончательно убедиться, что ты нам подходишь, – добавил второй, гадко улыбаясь и причмокивая. – Давай, мотэк, поскорей поднимемся в номер...

Девушка неожиданно улыбнулась:

– Да, конечно! Давайте поднимемся в номер, я покажу вам, на что я способна.

И, радуясь каждый чему-то своему, они двинулись по направлению к лифту.

Через полчаса Каё со своего *кейтай-денва* коротко позвонила в Японию:

– Закончила и возвращаюсь, – только и сказала она. До рейса на Токио у Каё оставалось ещё достаточно

времени, чтобы посидеть в модном баре и полюбоваться тель-авивской набережной...

На следующий день в израильских газетах можно было прочесть:

«Вчера в номере тель-авивского отеля «Дан-Панорама» были жестоко убиты два известных владельца массажных кабинетов в Тель-Авиве. Возможно, это означает начало новой войны между гангстерскими группировками в городе».

Во время полёта Сачико безмятежно улыбалась, а я немного беспокоился: было непонятно, как я устроюсь в Японии, где буду работать...

– Как ты думаешь, я смогу найти работу в Японии? – спросил я Сачико.

– Не беспокойся об этом. Ты будешь работать в той же фирме, что и я, – беспечно улыбаясь, ответила девушка.

– А где ты работаешь?

– О, это - тайна! – лукаво засмеялась Сачико. – Но тебе я могу её открыть. Я работаю в Министерстве обороны Японии.

Каё Шинода летела тем же самолётом. Конечно, она сразу же обратила внимание на необычную пару: симпатичного израильянина и стройную улыбчивую японку с красивым кукольным лицом. Молодые люди смотрели друг на друга с нескрываемой нежностью и часто чему-то весело смеялись.

Слушая их смех и видя их счастье, Каё вдруг почувствовала себя очень усталой.

Для тех, кто учит японский (Конничи-ва, О'Генри-сан!)

В Израиле трудно найти японцев и почти невозможно отыскать говорящих по-японски израильтян. Поэтому у меня не оставалось другого выхода: чтобы поскорее выучить японский язык, мне пришлось начать переписываться с красивыми японками в интернете.

Девушки с энтузиазмом отвечали на мои послания, но когда узнавали, что я живу в Израиле, а не в Америке, тут же куда-то исчезали. В какой-то момент мне это надоело, и я начал писать, что меня зовут Джеральд, и что я живу на Гавайях. Теперь прекрасные японки не только никуда не исчезали, но и страстно желали тут же ко мне приехать (наверное, чтобы сразу же выйти за меня замуж).

Разумеется, мой японский был примитивным, и я делал много ошибок. Но «Джеральду с Гавайских островов» прощалось всё. Девушки терпеливо исправляли мои ошибки и учили меня красивому и правильному японскому языку. Они были очень снисходительны ко мне, ведь я принадлежал к «высшей расе богов» – американцам, и жил в раю – на Гавайских островах.

Тогда я по-настоящему возненавидел американцев, моих непобедимых соперников. Ведь Израиль никогда не станет для японок такой же вожделенной страной, как Америка, а иврит или русский язык никогда не станут для них такими же желанными, как английский. Я писал японским красавицам пространные письма, посылал им свои фотографии, но наши отношения,

разумеется, не могли развиваться без телефонных разговоров и встреч, на которых они так настаивали. Моё полное фиаско было предрешено: никакая японка не согласилась бы променять Америку на Израиль и заполучить меня вместо настоящего американского ковбоя.

Однажды мне пришло очень грустное письмо от милой застенчивой девушки. Она писала, что смертельно больна без какой-либо надежды на выздоровление. Перед смертью ей хотелось бы встретиться со мной и побывать на Гавайях, но у неё не было на это денег, ведь она была простой бедной девушкой из Камакуры (небольшого городка, расположенного к югу от Токио).

Я подолгу разглядывал присланные ею фотографии и по многу раз перечитывал её искренние и безыскусные письма. Меня пленило в этой девушке сочетание хрупкого изящества и духовной тонкости. Я постоянно думал о ней, часто видел её во сне и, наконец, понял, что влюбился.

Возможно, ей недолго оставалось жить, но это не могло помешать нашему счастью. Жизнь коротка, любовь в ней - нечастый гость. Я подумал, что, может быть, и в моей жизни такой шанс больше не повторится.

В конце концов, я решил заказать отель на Гавайях и послать девушке деньги на билет.

Честно говоря, у меня не было денег на эту авантюру, но я без колебания продал свою старенькую «Субару».

Была одна действительно серьёзная проблема: при всём моём желании я не смог бы превратиться в американца!

Но я так и не решился написать ей правду...

Юмико Сато была совсем маленькой, когда её мама умерла. Она воспитывалась бабушкой в деревушке неподалёку от Камакуры. Юмико росла милой и доброй девочкой. Рано перенесённая трагедия сделала её чуткой к чужой боли. Отец Юмико был постоянно занят, почти всё время проводил в деловых поездках и редко виделся с дочерью. Он был бизнесменом, тяжело работал и, в конце концов, сказочно разбогател.

Когда Юмико исполнилось 18, она переехала в Токио, где отец жил со своей новой женой. Юмико мечтала поступить в университет, но её образования для этого не хватало, и она продолжила обучение у частных учителей.

Юмико была красивой и богатой. Многие парни стремились завоевать её нежное и романтическое сердце. После нескольких болезненных разочарований она стала осторожной и недоверчивой, предпочитая парней, которые не знали о её богатстве. Обычно, переписываясь в интернете, Юмико писала, что она – всего лишь простая и бедная девушка из Камакуры.

Однажды Юмико получила необычное послание от парня, который называл себя «Джеральдом с Гавайских островов». Со временем этот корреспондент заинтересовал девушку своими глубокими и искренними письмами, и очень понравился ей на присланной им фотографии. Юмико знала, что обычно для переписки в интернете придумывают вымышленные имена и нередко фантазируют, рассказывая о себе. Она обратилась в частное сыскное агентство и довольно быстро выяснила, что парня зовут не Джеральд, что живёт он не на Гавайях, а в Израиле и что он совсем небогат.

Но Юмико уже успела привыкнуть к его умным письмам с блестящим юмором, к его красивому мужественному лицу на фотографии (которая оказалась настоящей), и чувствовала, что уже не может от него отказаться. Она поняла, что влюбилась!

Но что он за человек? Юмико решила это проверить.

Я прилетел на Гавайи за несколько дней до приезда девушки, взял напрокат машину и снял бунгало на берегу океана. Жизнь на Гавайях оказалась довольно дорогой, и моих денег хватало всего лишь на пару недель.

Я постарался тщательно изучить окрестности, ведь я - «туземец» и должен хорошо ориентироваться на острове.

На Гавайях меня не покидало ощущение настоящего рая, как я его себе представлял. Величественный вид океана, пальмы, белый мелкий песок, весёлые загорелые туристы в разноцветных купальных костюмах, необыкновенные по краскам закаты и рассветы, всевозможные круглосуточно работающие бары, кафе и рестораны на любой вкус и кошелёк – всё это создавало ощущение непрерывного безоблачного счастья.

В день её приезда я купил букет красивых, нежных цветов и поехал в аэропорт. Я был очень взволнован и боялся возможных недоразумений. Вдруг я её не узнаю в толпе прилетевших японцев? Ведь с каждым самолётом прилетают толпы японских девушек, а я видел её только на фотографии. Возможно, в жизни она не такая красивая, как на снимке, и совсем мне не понравится. А может быть, это вообще не её фотография?

Но все мои опасения оказались напрасны: мы сразу узнали друг друга, и Юмико оказалась настоящей красавицей. Она радостно улыбалась мне, и моё сердце таяло от счастья. Мы поцеловались, и я подарил ей цветы. Её лицо светилось любовью.

Мы говорили на японском. Разумеется, Юмико сразу же поняла, что никакой я не американец, но не подала виду.

Мы ехали в машине с откидным верхом, девушка выглядела абсолютно счастливой, а я... я чувствовал себя в раю!

– Спасибо тебе за всё. Я так рада! – сказала она с благодарной улыбкой и погладила мою руку.

Да, это был настоящий рай! Мы непрерывно наслаждались нашей любовью, забыв обо всём. Каждую ночь мы засыпали, переплетаясь в объятьях, и каждое утро я будил её нежными поцелуями.

Целыми днями мы качались на тёплых волнах океана, на закате – подолгу гуляли вдоль самой кромки волн, ночами – слушали музыку, танцевали или пили коктейли в барах и кафе на побережье. Мы радовались нашей любви как дети, глупо поверив, что ничто и никогда не помешает нашему счастью.

Но день расставанья всё-таки настал. Мы вместе плакали в наше последнее утро. Мне было невыразимо грустно. Я понимал, что больше мы не увидимся никогда. Мне хотелось поехать с любимой и до конца быть с ней рядом, помогая бороться с болезнью, но это было невозможно: у меня кончились деньги.

Когда я вернулся домой в Израиль, то обнаружил, что все мои вещи украдены: меня ждала пустая квартира. Разумеется, пропал и компьютер.

Но беда не приходит одна: в почтовом ящике я нашёл официальное письмо с работы, в котором сообщалось, что я уволен (за то, что ушёл в отпуск, не получив предварительного разрешения), и записку от хозяина квартиры с предупреждением, что если я не внесу квартплату за следующий месяц, я должен немедленно оставить квартиру.

Итак, у меня не было ни работы, ни квартиры, ни машины, ни каких-либо вещей, ни денег. У меня не оставалось ничего, кроме воспоминаний о моём счастье на Гаваях, казавшихся теперь фантастической сказкой.

Я обратился в полицию, чтобы заявить о краже моих вещей. Но полицейский, проверив мои документы, сказал:

– Вы арестованы. Вы подозреваетесь в ограблении банка три дня назад. Вы можете хранить молчание. Всё, что вы скажете, может быть использовано против вас.

– Но три дня назад я был на Гаваях! – закричал я.

Полицейский инспектор был невозмутим:

– Вы арестованы по подозрению в ограблении банка. Вы имеете право на один телефонный звонок: советуем вам связаться с вашим адвокатом.

Но у меня не было ни адвоката, ни кого-то ещё, кто мог бы мне помочь.

Положение казалось безвыходным.

Меня посадили в камеру предварительного

заклучения в полицейском участке на Русском Подворье в центре Иерусалима. Ежедневно меня допрашивали по многу часов. Снова и снова следователи повторяли мне:

– У нас есть неопровержимые доказательства, что вы ограбили банк на прошлой неделе...

– На прошлой неделе я был на Гаваях, – снова и снова отвечал я. – Проверьте мой билет на самолёт. Проверьте мой паспорт: в нём стоит печать пограничного паспортного контроля в аэропорту.

– С вашим паспортом на Гаваях был кто-то другой. А вы в это время участвовали в ограблении банка...

И вопросы начинались снова.

Постепенно мне становились ясны их намеренья, и было очевидно, что без хорошего адвоката я отправлюсь в тюрьму на долгие годы.

Только воспоминания о моей возлюбленной и о нашем двухнедельном счастье в раю помогли мне не сойти с ума. Я вспоминал её слёзы перед нашим расставанием.

«Бедняжка, – думал я. – Даже попав в тюрьму, я всё-таки продолжаю жить и когда-нибудь выйду на свободу, а она... она должна скоро умереть...»

Слушание моего дела было назначено через три недели после ареста. Я был готов ко всему, и никакой надежды на избавление от этого кошмара у меня не было.

И вот, наконец, настал день суда. Я сидел на скамье подсудимых, а по обе стороны от меня – два полицейских конвоира.

Вдруг какой-то респектабельный джентльмен в

судебной мантии ободряюще улыбнулся мне и приветливо помахал рукой.

– Кто это? – спросил я у одного из конвоиров.

– Как кто? – не понял тот. – Ведь это же твой адвокат, знаменитый Бени Рихтер - самый известный и самый дорогой адвокат в Израиле. Не у многих хватит денег оплатить его услуги.

– Мой адвокат? Но я не нанимал никакого адвоката...

– Встать, суд идёт! – громко выкрикнул какой-то человек в форме.

Все встали, и суд начался.

Бени Рихтер был действительно замечательный адвокат и действительно защищал меня. Довольно быстро он убедил судью и всех сидящих в зале, что я абсолютно невиновен. Меня освободили прямо из зала суда.

Я снова был на свободе! Это не я ограбил банк! Я не должен сидеть в тюрьме долгие годы! Ура!!!

Но выйдя из здания суда, я вдруг вспомнил, что идти-то мне некуда. У меня не было дома. У меня вообще ничего не было. Я совершенно не представлял себе, что же мне делать дальше.

Неожиданно, прямо передо мной остановился блестящий чёрный лимузин. Из него выскочил с иголки одетый японец. Кланяясь и приветливо улыбаясь, он открыл заднюю дверь автомобиля:

– Садитесь, пожалуйста!

Не задумываясь о происходящем, я без колебаний сел в машину... и попал прямо в объятия моей возлюбленной!!

Улыбаясь, она сказала:

– Прости мою ложь, любимый, но я - не больная бедная девушка из Камакура...

– Ты тоже прости меня... – начал было я, но она закрыла мой рот горячим поцелуем.

– Я всё знаю, – сказала она, счастливо улыбаясь.

Японка с зонтиком (Неожиданная любовь в Париже)

Пробило полночь. Под холодным осенним дождём я ждал уже целый час перед дворцом Mazarin, а связного всё не было. Вдруг из-за угла появилась молодая худенькая японка в жёлтом плаще и с красным зонтиком в руках. Она быстро подошла ко мне и спросила по-английски:

– Вы прибыли из Голландии? – это был пароль.

Она была моим связным! Японка - сотрудница Мосада? Вот это да! Где они её нашли?

Девушка задыхалась от быстрой ходьбы и была чем-то сильно встревожена.

– Я - Ёко, – сказала она. – За мной кто-то гонится. Нам нужно спешить!

Но было уже поздно: из-за угла прямо на нас выбежали трое арабов с пистолетами в руках. Не раздумывая, я прыгнул вперёд, сбив первого из них ударом ноги, а мой кулак уже летел в лицо второму. Что-то сверкнуло в руках Ёко, – и третий упал без моей помощи. Всё произошло мгновенно.

Мы долго бежали по парижским улицам, не замечая дождя. Вдруг девушка сказала: «Сюда!», и мы свернули в какой-то подъезд.

Её квартирка на первом этаже оказалась маленькой, но очень уютной. Выпив залпом по полстакана виски, мы перевели дух и молча смотрели друг на друга. Напряжение сегодняшнего вечера было слишком сильным, и нам обоим требовалась разрядка...

В холодном утреннем тумане были видны лишь очертания каких-то зданий. Мы неторопливо прогуливаемся вдоль Сены с Жюлем Робером. Жюль Робер - руководитель нашей организации в Париже. Он - неприятный человек, но разведчик совсем не обязан быть милашкой.

– Вот адрес предателя и его фотографии, – сказал Жюль. – Когда закончишь, свяжись со мной, у меня будет к тебе ещё одна просьба.

Фальшивые накладные брови и усы полностью изменили моё лицо. Иногда приходится прибегать к таким детским карнавальным уловкам.

“Rue Vaugirar 6/8”. Я поднимаюсь на лифте на второй этаж и стучу в дверь с номером «8». Несколько секунд меня кто-то рассматривает в глазок, и дверь открывается. Симпатичная молодая женщина смотрит на меня с приветливой улыбкой.

– Бонжур, мадам. Могу ли я видеть месье Жана?

– Он ещё не вернулся. Я жду его только через час. Вы хотите что-то ему передать?

– Нет, спасибо. Я зайду позже, – я тоже ей улыбаюсь.

Очень милая женщина. Хорошо, что не придётся её убивать.

Я спускаюсь на лифте и, открывая дверь, почти с ним сталкиваюсь. Да, это он, сомнений быть не может.

Мы киваем друг другу, и, посторонясь, я уступаю ему дорогу. Заходя в лифт, он получает три пули. Последнюю – в голову.

Я постоянно думаю о той девушке - моей связной, и чувствую, что мне необходимо с ней ещё раз

увидеться. Наверное, я влюбился. Кажется, на этот раз я действительно нашёл то, что мне нужно.

По дороге к ней я купил букет из алых и жёлтых тюльпанов (жёлтый плащ и красный зонтик!).

Вероятно, она ждала меня, потому что сразу же открыла дверь. Я обнял её и поцеловал, но вдруг почувствовал в её теле какое-то напряжение. Что-то мешало ей расслабиться в моих объятиях и отдаться чувству. Я продолжал её целовать, одновременно стараясь понять, что же с ней происходит. Она несомненно тоже полюбила меня, но тогда почему?..

Могло быть только одно объяснение: девушка получила относительно меня какой-то приказ. Наверное, ей приказали меня убить! Такие вещи разведчик чувствует мгновенно. Я привык доверять своей интуиции и, может быть, поэтому до сих пор ещё жив.

Я прошептал ей на ухо:

– Извини, дорогая, мне нужно... – и, мягко освободившись из её объятий, я шагнул в сторону ванной комнаты.

Вдруг я инстинктивно почувствовал опасность. Что-то угрожало мне в этот момент. Может быть, в её руке уже был пистолет? Я неожиданно прыгнул вправо – в открытую дверь кухни и... услышал сзади тихий хлопок бесшумного выстрела. Одним прыжком я подскочил к окну и, не задумываясь, выпрыгнул наружу. Перед тем, как завернуть за угол, я дважды услышал жужжание пули у себя над ухом.

Несколько раз я пытался связаться с моим шефом в Тель-Авиве, но мой пароль всегда оказывался

«неправильным» и доступ в наш сайт был заблокирован. Я пытался звонить по «аварийным» телефонным номерам, но они не отвечали.

Моё положение становилось критическим. Кто-то меня «отключил».

Есть ли у вас ваши собственные секретные агенты? Если нет, вы - беспомощны и никогда ничего не добьётесь.

J.G., разумеется, не был моим «секретным агентом». Он был моим другом. Когда-то, много лет назад мы вместе пришли в Мосад, долго вместе работали и не раз выручали друг друга. J.G. постоянно жил в Париже. Когда я бывал в Париже, мы всегда встречались в маленьком кафе напротив Moulin Rouge на Place Pigal. Мой друг не привык опаздывать, и когда я вошёл в кафе, он был уже там. Я коротко рассказал ему о своих проблемах. J.G. смотрел на меня грустно и озабоченно. – Тебе грозит опасность. – Сказал он. – Не знаю почему, но Мосад объявил на тебя настоящую охоту. Мне очень жаль, но я тоже получил приказ тебя ликвидировать...

Это означало, что я должен снова навестить мою опасную возлюбленную.

Ёко, конечно же, любила меня, но, получив приказ, была готова убить, не задумываясь. Ничто и никогда не может помешать японке выполнить приказ.

У подъезда её дома я увидел двух подозрительных арабов. Они неподвижно стояли, загоразивая вход, и озирались по сторонам, держа руки в карманах. Только этого ещё не хватало! Я завернул за угол, быстро

поднялся по пожарной лестнице и заглянул в окно её квартиры.

То, что я увидел, было ужасно. Связанная Ёко сидела на стуле посреди комнаты спиной ко мне, а перед ней стояли трое арабов с пистолетами в руках. Вдруг один из них что-то сказал и остальные засмеялись. Он подошёл к Ёко, злобно улыбаясь, и неожиданно наотмашь ударил девушку по лицу.

Не раздумывая, я выхватил пистолет, ударом ноги разбил оконное стекло и прыгнул в комнату. Негодяи были убиты почти мгновенно.

Ёко удивлённо смотрела на меня. Я подошёл к ней и быстро освободил её руки.

– Зачем ты это сделал? – спросила она. Вместо ответа я нежно поцеловал её. Вдруг она прильнула ко мне всем телом и страстно ответила на мой поцелуй. Это был самый долгий и самый счастливый поцелуй в моей жизни. Мы никак не могли разомкнуть наши объятия и оторваться друг от друга.

Вдруг у одного из убитых террористов зазвонил сотовый телефон. Мы мгновенно пробудились от нашего волшебного наваждения. Оставаться здесь было опасно. Вокруг были трупы убийц, ещё двое живых были внизу и могли появиться в любую секунду. Надо было немедленно бежать. Мы быстро выбрались на крышу по пожарной лестнице...

Нам удалось незаметно пробраться в мою комнату в отеле. Одежда Ёко была в крови, на её руках и лице были синяки и порезы. Я тщательно обработал и перевязал раны девушки, дал ей кое-что из моей одежды переодеться и сварил для нас крепкий кофе с ромом.

Когда Ёко задремала на диване, я незаметно выбрался из отеля и, гуляя по парижским бульварам, неторопливо и обстоятельно обдумал своё положение. Ситуация была мне ясна. Жюль Робер - предатель. Он послал меня убить невинного Жана и доложил в Тель-Авив, что предатель - я.

Со всем этим пора было кончать. Я позвонил J.G.

– В три, – сказал он и повесил трубку.

Ровно в три часа я вошёл в наше маленькое кафе на Montmartre.

Я увидел там J.G., Ёко и... моего шефа из Тель-Авива. Они сидели за столиком, пили кофе и тихо разговаривали.

– Ты отлично справился с заданием, – сказал шеф.

– Не волнуйся, мы всё знаем. Жюль Робер оказался предателем, и мы его уже взяли. Ты помог нам разоблачить его. Молодец! Ёко-чан объяснит тебе твоё следующее задание.

– Но по приказу Робера я убил невинного Жана... – начал я.

– Жан не был «невинным». Он тоже был предателем и работал вместе с Робером. Робер устранил его как опасного свидетеля, который слишком много знал. Ты всё сделал правильно и... спасибо тебе за Ёко.

Шеф встал из-за стола, попрощался со мной кивком головы и вышел вместе с J.G.

Ёко смотрела на меня влюблёнными глазами. Я чувствовал, что тоже очень люблю её.

В парижских кафе, как вы, наверное, знаете, разрешено целоваться.

Прощай, ниндзя!

Меня разбудил среди ночи телефонный звонок. Я подумал, что это Элка, - моя подружка, с которой я жил. Она работала врачом и этой ночью дежурила в больнице. Но это была не Элка.

– Звонят из полиции.

Мужчина говорил по-русски.

– Извините, что беспокоим вас среди ночи, но у нас к вам срочная просьба.

– А вы случайно не ошиблись номером?

– Думаю, нет. Вы ведь Марек С., специалист по японскому языку?

– Да, это я.

От удивления я окончательно проснулся.

– Но зачем вам понадобился специалист по японскому в два часа ночи?

– Нам нужно срочно допросить японку. Дело в том, что час назад в центре города произошла перестрелка. Все убитые - японцы. Нам нужно срочно допросить раненую японку, единственную, оставшуюся в живых. Английского и иврита она не знает, дикарка какая-то. Пожалуйста, приезжайте скорее! Вас ждёт у подъезда наша патрульная машина.

– А где вы находитесь?

– Мы в больнице Хадасса Эйн-Кэрэм. Девушка ранена, ей сейчас накладывают швы. Вы приедете?

– Да, разумеется. Как вы меня разыскали?

– Очень просто: по списку сотрудников кафедры японского языка на сайте Иерусалимского университета.

– Я там уже не работаю...

«Ночная перестрелка», «раненая японка»... Внезапно я стал героем какого-то захватывающего триллера.

Говоривший со мной по телефону полицейский оказался высоким плечистым парнем с открытым лицом и приятной улыбкой.

– Павлик, – представился он, пожимая мне руку. – Спасибо, что приехали. Мы просто не представляем себе, что там произошло. Пять трупов, куча оружия и никакой информации. Зачем эти японцы приехали в Израиль? Чтобы здесь друг друга перестрелять?

Мы прошли в палату.

Девушка неподвижно лежала с закрытыми глазами, укрытая простыней до подбородка. Она, конечно, была красоткой, как и полагается в приличном триллере, только уж очень бледная. Рядом с её кроватью стояла девушка - полицейский.

– Она в порядке, – сказал Павлик. – С ней можно разговаривать. Почти не пострадала в перестрелке: так, несколько царапин.

– Как её зовут? – спросил я у Павлика.

Он достал из кармана какой-то документ:

– Её имя – Тошико Хаяши.

Услышав своё имя, девушка открыла глаза и испугано на нас посмотрела.

Я приветливо улыбнулся ей и тихо сказал:

– *Хадзимемасите.*

Глаза девушки расширились от удивления.

– *Тошико-сан, одороканайде кудасай! Ватаси-тач ва*

юдзин да, – поторопился добавить я. – Не бойтесь, госпожа Тошико, мы – ваши друзья.

Девушка удивлённо смотрела на меня. В глазах её всё ещё был испуг:

– *Аната ва даре?* – Кто ты? – Спросила она.

Я снова заговорил по-японски:

– Я - переводчик с японского, а это - полиция. Мы хотим вам помочь. Расскажите, пожалуйста, что там произошло? – *До-о симаситака?*

Кто вы? Зачем вы приехали в Израиль?

Она всё ещё смотрела на меня с недоверием, но понемногу мне удалось её успокоить и разговорить.

Тошико была дочерью одного из главарей токийской якудзы. Внезапно в Токио вспыхнула жестокая война между гангстерскими группировками.

В такой войне никого не щадят, и почти все родственники девушки были убиты. Отец послал свою дочь, единственную оставшуюся в живых, в Израиль в сопровождении нескольких телохранителей в надежде, что здесь её не станут искать. Но посланные убийцы нашли её и здесь...

– Она - дочь *оябуна*, – сказал я Павлику.

– Уе... кого? Чья она дочь? – Павлик запнулся и покраснел.

Я не смог сдержать улыбки:

– *Оябун*, – так называют в Японии главара мафиозной группировки.

Я вкратце пересказал Павлику историю Тошико.

Неожиданно переговорное устройство Павлика затарахтело:

– Сержант, тут приехали из посольства Японии. Они хотят видеть нашу японку. Проводить их к вам?

– Да, конечно, – Павлик вздохнул с облегчением. Он не совсем понимал, как ему вести это дело и что делать с японкой, так что, помощь подоспела вовремя.

– За тобой приехали японцы из посольства, – перевёл я девушке, – они идут сюда.

Глаза её расширились от ужаса. Она откинула простыню и быстро встала с кровати. Оказалось, что девушка лежала под простынёй совершенно одетой (я сразу вспомнил, что из-за частых землетрясений в Японии, чтобы не быть застигнутыми врасплох, многие японки нередко ложатся спать в одежде). Её белая кофточка и джинсы были испачканы кровью, правое предплечье перебинтовано. Девушка была хрупкой и изящной, как и полагается порядочной японке.

Она схватила меня за руку:

– *Хасиро-о! Каре-ра ва коросия!* – Бежим, это - убийцы!

– Что случилось? – спросил Павлик.

– Она говорит, что это пришли гангстеры её убивать...

– Успокойте её. Скажите, что ей ничто не угрожает, – произнося эту фразу, Павлик на всякий случай достал из кобуры пистолет и снял предохранитель. Девушка - полицейский сделала то же самое.

Увидев оружие, японка испугалась ещё больше.

Она, как маленькая девочка, спряталась за меня, ухватившись за мой рукав. Разумеется, все мои попытки её успокоить были тщетны. Шаги в коридоре приближались...

Но это действительно оказались японцы из

посольства: консул и его помощник. Они выглядели бледными и невыспавшимися, и уж никак не походили на гангстеров. Увидев направленные на них пистолеты, они ужасно испугались и хотели бежать, но Павлик тут же заулыбался и спрятал оружие. Его “don't worry!” вместе с моими «*синпай синайде кудасай!*» постепенно их успокоили. Уже через пару минут они пришли в себя, и заулыбавшись, как ни в чём не бывало, заговорили с Павликом на английском.

Девушка, осторожно выглядывая из-за меня, обменялась с ними несколькими фразами по-японски и тоже понемногу успокоилась.

Нас продержали в полиции до утра: тщательно допросили Тошико и запротоколировали свидетельские показания, несколько раз звонили в Министерство иностранных дел, проверяя какие-то сведения, долго беседовали с консулом, а потом Тошико позвонила своему отцу в Японию.

Девушка наотрез отказалась возвращаться в свою гостиницу или ехать с консулом в посольство: она была очень напугана. В конце концов, я предложил ей пожить у меня, пока её отец не пришлёт за ней новых телохранителей. Тошико с радостью согласилась: она почему-то прониклась ко мне доверием.

Я повёз её домой, размышляя по дороге, как объяснить всё это Элке, и как Элка ко всему этому отнесётся.

Было уже полдевятого утра. Элка уже пришла с работы и, как обычно, легла спать после ночного дежурства. Я решил её разбудить, чтобы объяснить ситуацию и познакомить с японкой.

Когда мы с Тошико вошли в спальню, Элка сразу проснулась и села на кровати, прикрывая грудь простынёй (в отличие от японок, она любила спать голышом).

Элка, конечно, была очень удивлена. Она во все глаза рассматривала Тошико, а потом перевела взгляд на меня:

– Кого ты привёл? – резко спросила она. – Что всё это значит?

– Это не то, что ты думаешь, – примирительно сказал я, и представил девушек друг другу: – Элка, это – Тошико-сан. *Тошико-сан, соно ката ва Элка дэсу.*

В комнате наступила тишина. Проходила минута за минутой, а девушки, не отрываясь, молча смотрели друг на друга. В этой ситуации было что-то такое, что я вдруг почувствовал себя лишним.

Наконец, я заговорил:

– Элка, Тошико-сан ранена. За ней охотятся профессиональные убийцы. Я предложил ей пожить у нас несколько дней, пока её отец не пришлёт за ней кого-нибудь из Японии. Ей некуда деться: в Израиле у неё никого нет, в отель ей возвращаться опасно, в своё посольство она идти боится...

– А о нас ты подумал? – спросила Элка. – Если убийцы придут сюда, ты думаешь, они нас пощадят?

– Что ты предлагаешь? Выбросить её на улицу?

Элка протянула руку за халатом, висящим на спинке стула, её грудь на секунду открылась.

– Нечего паяться, – сказала она, покраснев и запахивая халатик.

Мы с Тошико переглянулись.

Элка встала и пошла в сторону ванной, а я последовал за ней:

– Элка, послушай, у меня сегодня утром важная встреча по поводу работы. Пожалуйста, помоги мне с этой японкой. Её нужно выкупать, переодеть и уложить спать.

– Ладно, иди. Как-нибудь разберёмся, – Элка снова обменялась с японкой взглядами, и на этот раз они улыбнулись друг другу.

Мне действительно нужно было спешить. Я поцеловал Элку, помахал Тошико и быстро вышел.

– *Итте кимас!* – сказал я, выходя. («Я пошёл!» – так обычно говорят японцы, выходя из дома).

– *Итте расшай!* – неожиданно прозвучало мне вслед («Иди и возвращайся!» – принятый у японцев ответ на предыдущую фразу).

Когда я вернулся, Элка и Тошико спали вдвоём в моей постели. Посмотрев, как они лежат, я понял, что девушки подружились.

Тут я вдруг вспомнил, что тоже не спал последнюю ночь и, размышляя о том, что где-то в мире, наверное, существуют большие, просторные кровати, решил прилечь на кушетке в салоне.

Меня разбудил вкусный запах, доносящийся с кухни и шипение масла на сковородке. На часах было половина пятого. Элка, наверное, уже ушла на работу. Я встал, быстро оделся и пошёл на запах.

На кухне хозяйничала Тошико. Не представляю, когда она успела столько наготовить! Кухонный стол был заставлен японскими блюдами: здесь были и пиалы с горками белого риса, и *темпура* – овощи, зажаренные в тесте, и особым способом приготовленная рыба в каком-то тёмном соусе. Всё было свежее и горячее!

И в дополнение к этому, конечно, Тошико - улыбающаяся, тщательно причёсанная, трогательная в огромном для неё элкином халате.

– *Охайо-о!* – сказала она с лёгким японским поклоном.

– *Ишио-о ни табемасё-о?* – Доброе утро! Давай покушаем вместе.

Мне захотелось её поцеловать, но вдруг резко зазвонил телефон.

Это был Павлик:

– Марек, мне надо срочно с вами поговорить.

Я в машине, прямо под вашими окнами. Это действительно очень важно. Спускайтесь как можно скорее!

В его голосе чувствовалось напряжение. Что там случилось? Ещё одна раненая японка?

– Да, конечно. Сейчас буду.

Я улыбнулся Тошико:

– *Чотто матте!* Подожди минутку! – и через несколько секунд уже спускался по лестнице.

Машина Павлика стояла немного в стороне от нашего подъезда. Когда я подошёл, Павлик приоткрыл дверцу изнутри. Я сел в машину.

– *Конничи ва!* – он победоносно улыбнулся, произнеся японская приветствие.

– Уже выучили японский? – улыбнулся я в ответ, пожимая ему руку. – Что там у вас опять случилось?

Павлик перестал улыбаться:

– Понимаете, мы расследовали эту перестрелку, и у нас получается какая-то ерунда, – задумчиво проговорил он. – По данным криминалистической экспертизы выходит, что именно эта наша японка всех их перестреляла.

Я несколько секунд переваривал услышанное.

– Тошико убила пятерых гангстеров?

В это действительно трудно было поверить: как могла эта худенькая испуганная девочка перестрелять пятерых профессиональных киллеров?

– Среди убитых мы обнаружили девушку, переодетую в мужчину. Похоже, что она-то и была дочерью этого уе... как там его?

– *Оябуна.*

– Ну да, дочь оябуна, в сопровождении четырёх телохранителей. А наша Тошико - это как раз киллер, которого прислали с ней расправиться.

Я ещё раз представил себе Тошико. Нет, я не мог в это поверить. Всё это казалось невероятным, если только...

– Вы верите в ниндзя? – спросил Павлик.

Но ответить я не успел: прямо к моему подъезду подкатил чёрный джип Isuzu с затемнёнными стёклами. Из него выскочили два здоровенных японца и быстро вбежали в мой подъезд!

Мы с Павликом, не сговариваясь, выскочили из машины и со всех ног бросились вслед за ними. Павлик на ходу выхватил пистолет и передёрнул затвор.

Когда мы вбежали в подъезд, на лестничной клетке уже гремели выстрелы.

– Оставайся здесь, – сказал Павлик, и, держа пистолет обеими руками, как в кино, стал бесшумно подниматься по лестнице.

Я, разумеется, не отставал от него ни на шаг.

Стрельба неожиданно прекратилась. В наступившей тишине было слышно, как соседи звонят в полицию.

Мы поднялись на второй этаж. Дверь моей квартиры была приоткрыта.

Павлик прыгнул внутрь, распахнув дверь ударом ноги.

Я влетел следом.

Нашему взору предстало зрелище, надолго отбившее у меня любовь к японской кухне!

Убитые гангстеры лежали на полу в луже крови. А Тошико... Тошико в квартире не было.

Окно на кухне было распахнуто. Мы с Павликом быстро подошли к нему и выглянули наружу.

Как раз в этот момент мотор у Isuzu взревел, и он рванул с места, быстро набирая скорость.

Вдалеке послышалось завывание полицейских сирен.

До Элкиного прихода я успел вымыть полы и всё убрать. Разумеется, я не рассказал ей про бойню у нас на кухне.

Узнав, что наша японка исчезла, Элка очень расстроилась.

– Элка, не грусти! – пытался я её успокоить. – Она ещё вернётся, вот увидишь.

– Ты ведь и сам в это не веришь, – сказала Элка и заплакала...

Как-то ночью, через несколько дней после случившегося, нас с Элкой разбудило распахнувшееся окно. Это не был порыв ветра – в комнате появился (возник из воздуха?) худенький силуэт нашей ниндзя.

– Я пришла попрощаться, – тихо сказала девушка по-японски.

Мы нежно поцеловались, и она тут же исчезла – как бы растаяла в воздухе...

Японская жена для израильского доктора (правдивая история)

Я обожал японок и восхищался их красотой и изяществом, но они убегали от меня ещё до того, как я успевал им в этом признаться.

Я хотел жениться только на японке, но они, казалось, были готовы выйти замуж за кого угодно, но только не за меня...

Я страдал от одиночества, но был не готов пойти на компромисс в этом важном для меня вопросе, и поэтому оставался один...

В то время я работал врачом в поликлинике в маленьком городке в центре Израиля. Врачи нашей поликлиники кроме обычного лечения больных, иногда выезжали на неотложные случаи.

Однажды во время приёма больных мне позвонила секретарша:

– Срочно спускайтесь вниз и выходите на улицу,
– сейчас вас заберёт *амбуланс*. Возьмите с собой *тик ахия* (сумку с оборудованием для реанимации).

Я схватил *тик ахия* и быстро спустился вниз. В ту же секунду с сиреной подъехал *амбуланс*, я запрыгнул в него почти на ходу, и мы понеслись... в сторону городского кладбища.

В тот день на кладбище было много народа: жители одного из соседних поселений хоронили умершего односельчанина.

Когда мы подъехали и вышли из *амбуланса*,

толпа расступилась. Нас проводили в строение, принадлежащее *хевра кадиша* («хевра кадиша» – организация, устраивающая похороны по еврейскому религиозному обычаю).

Внутри строения на мраморном столе лежало тело, накрытое белым покрывалом, а служащие «хевра кадиша» стояли вокруг и читали молитвы.

– Кому нужна помощь? – спросил я.

Все молча указали на труп.

– Это что, шутка? – спросил я.

– Родственники видели, как он шевелится и решили, что он ещё жив.

Я быстро подошёл к столу, откинул покрывало, осмотрел тело и попытался нащупать пульс на сонной артерии. Пульса не было. Тело уже остыло, и было таким же холодным, как и мрамор, на котором оно лежало. Были и другие признаки смерти.

– Он мёртв, – сказал я. – Движения могут быть связаны с сокращением мышц, это иногда бывает у трупа.

Когда мы немного отъехали, нам позвонили: «Он опять шевелится, срочно возвращайтесь!»

Мы тут же вернулись, я снова осмотрел труп, но и на этот раз не нашёл признаков жизни.

– Он абсолютно мёртв, – сказал я. – Можете его хоронить.

Но, когда мы отъехали, нам снова позвонили: «Он шевелится!»

Мы опять вернулись. По требованию родственников я снова осмотрел тело, и снова констатировал смерть.

– Если он ещё будет шевелиться, оставьте его до завтра в этом помещении, и похороните его завтра, – сказал я.

Все со мной согласились, и в тот день нас больше не вызывали.

На следующий день мне позвонил мэр того поселения:

– Знаете, тело куда-то пропало этой ночью. Мы не можем его найти...

Куда же оно подевалось? Случай был необычный и долго не выходил у меня из головы.

Через некоторое время мне приснился странный сон. Во сне ко мне пришёл умерший и сказал: «Ты запретил хоронить меня заживо. За это я исполню твоё заветное желание...»

Что же, за свою жизнь я видел немало дурацких снов, и уже давно перестал обращать на них внимание.

Я уже начал забывать и об этой истории, и об этом сне, но однажды среди ночи меня разбудил телефонный звонок.

– Вам звонят из отделения интенсивной терапии больницы Хадасса-эйн-Кэрэм. Несколько минут назад мы реанимировали больного, который уже находился в состоянии клинической смерти. Придя в сознание, он тут же назвал ваше имя и попросил вас срочно передать, что сегодня в три часа ночи прилетает ваша жена. Вы должны её встретить в аэропорту.

Я посмотрел на часы: было два часа ночи!

Я здорово рассердился:

– Вам не стыдно будить человека в два часа ночи дурацкими шутками? Я, между прочим, тоже работаю врачом, и завтра должен рано вставать.

– Это не шутка. Он назвал ваше имя и говорил очень серьёзно и уверенно, сказал, что это очень важно для вас.

– Откуда он всё это взял?

– Мы тоже его об этом спросили, а он сказал: ангелы нашептали.

Это было уже слишком! Но я не умею грубить людям.

– У меня нет жены. Спокойной ночи!

Я ещё раз посмотрел на часы: третий час ночи.

А что, если всё же поехать в аэропорт? Всё равно до утра я уже не засну...

Я быстро встал и оделся.

Уже из машины позвонил в справочную аэропорта:

– Какие самолёты прилетают в три часа ночи?

– В три часа ночи прилетает только один самолёт, – ответила девушка. – Из Токио.

Вот это да!

И тут вдруг я поверил в эту историю.

Когда я приехал в аэропорт, объявили о приземлении самолёта из Токио. Я купил красивый букет и встал напротив выхода прибывающих пассажиров.

Наконец, начали выходить японцы.

Я решил смотреть поверх голов выходящих и ни с кем не встречаться взглядом. Ведь я не знал, как выглядит «моя жена», пусть уж лучше она сама меня узнает...

Тем временем, все японцы уже вышли, а ко мне никто так и не подошёл...

Стало ясно, что меня одурачили. Кто-то узнал мои тайные мечты и решил надо мной подшутить...

Когда же я наконец поумнею и перестану верить шутникам? Вопрос был риторическим.

Я сунул букет в ближайшую корзину для мусора, опустился на скамейку и обхватил голову руками.

Настроение было ужасное, а впереди – рабочий день после бессонной ночи...

Вдруг я услышал рядом тихие всхлипывания.

Обернувшись, я увидел молодую японку, которая сидела рядом со мной на скамейке и плакала.

– Почему вы плачете? – спросил я.

– Муж не приехал меня встречать... – ответила она.

Вместе с Айко в мою жизнь пришло счастье.

Её неземная красота действительно наводила на мысль, что её мне прислали ангелы. Наши отношения были воплощением заботы и нежности.

Айко была отличной женой: каждый день после работы меня ждал вкусный обед, моя маленькая квартирка сверкала чистотой, а рубашки и брюки всегда были выстираны и тщательно выглажены.

Каждый день я приносил Айко маленькие подарочки и делал ей сюрпризы: неожиданно увозил её в ресторан, в театр или на концерт. Стремление доставлять друг другу радость было смыслом нашей жизни.

Однажды мне удалось уйти с работы раньше обычного. Я купил Айко роскошный букет её любимых роз и её любимый торт.

Бесшумно войдя в прихожую, я вдруг услышал незнакомый женский голос, доносящийся с кухни.

Голос был грубый и неприятный:

– Почему ты до сих пор его не убила? – спросила женщина. – Ведь тебе осталось убить ещё только одного мужчину, чтобы превратиться в человека.

Неужели ты упустишь этот шанс?

– Я очень люблю его и не могу причинить ему вреда, –

ответила Айко. – А что будет со мной, мне всё равно... В этот момент входная дверь с шумом захлопнулась, голоса смолкли, а Айко выбежала ко мне в коридор. Разумеется, я сделал вид, что ничего не слышал.

На следующий день меня вызвал к себе директор нашей поликлиники:

– Сегодня для тебя есть особое задание. В нашем городке живёт какой-то высокопоставленный японский дипломат. Я уж не знаю, как он сюда попал, но его жена заболела и вызвала врача на дом.

Она, разумеется, японка. Ты, вроде бы, знаешь японский, так что иди тебе. Но жёны дипломатов – народ особенный, будь осторожен.

Мне открыла дверь японка, одетая в белое *юката* – домашнее хлопковое кимоно. Женщина была очень привлекательной и совсем не выглядела больной.

Мы прошли в гостиную.

– Какая у вас проблема? На что вы жалуетесь? – спросил я по-японски.

– Куда вы так торопитесь? Давайте поговорим, попьём чаю.

– Извините, меня ждут больные. Пожалуйста, расскажите, какая у вас проблема со здоровьем.

– У меня болит грудь, – сказала женщина.

Глядя на меня с вызывающей улыбкой, она раскрыла кимоно, обнажив свою грудь. Это был жест предлагающей себя проститутки.

– Перестаньте безобразничать и немедленно

поправьте одежду, – сказал я резко.

– Разве тебе не нравятся японки? – спросила она. – А у меня другая информация.

– Я очень люблю свою жену и не интересуюсь другими женщинами. И у меня нет времени на всякую ерунду – меня действительно ждут больные.

С этими словами я покинул её квартиру.

Может быть, я был слишком резок. «Быть осторожным», как просил меня директор, явно не получилось.

Разумеется, я не рассказал Айко об этом эпизоде.

Несколько дней спустя ко мне на приём в поликлинику пришла старая японка.

Без каких либо предисловий она сказала:

– Ты должен немедленно выгнать свою жену!

Я сразу узнал этот мерзкий голос.

– Твоя жена приехала, чтобы убить тебя. Она ведь даже не человек, не женщина, она – лиса-оборотень, *китсуне*...

– Замолчите и уходите! – я почти закричал на неё. – Я очень люблю мою жену и не желаю слушать о ней гадости. А вы убирайтесь!

Старуха посмотрела на меня со злобной усмешкой:

– Ты ещё пожалеешь, да будет поздно... – С этими словами она вышла из моего кабинета.

Внезапно я почувствовал сильную слабость во всём теле. Наверное, у меня поднялась высокая температура.

С большим трудом я добрался до дома. Айко помогла

мне раздеться и уложила меня в постель.

Наверняка, эта болезнь была проклятием старой ведьмы.

Я лежал в кровати не в силах пошевелиться, мысли путались в голове...

Айко принесла мне стакан с какой-то мутной жидкостью:

– Выпей, это тебе поможет, – сказала она.

Я посмотрел на стакан – мутный раствор вполне мог оказаться ядом.

Ну и пусть! Пусть Айко превратится в человека, когда я умру. Пусть она будет счастлива.

Я залпом выпил содержимое стакана и тут же потерял сознание...

Наутро я проснулся совершенно здоровым.

С кухни доносились многообещающие звуки и запахи.

– Милый, вставай, завтрак уже готов! – позвала Айко.

Как она узнала, что я проснулся?

Я быстро поднялся с постели, надо было торопиться: меня ждал завтрак с любимой женщиной!

Был ясный солнечный день, мы сидели за столом, с аппетитом ели чудесный *мисо* и глядели друг на друга, счастливо улыбаясь.

Не хотелось ни о чём говорить и ничего выяснять, хотелось лишь наслаждаться замечательным днём и нашей любовью...

Но ситуация была слишком серьёзной.

– Айко, я всё знаю, я случайно подслушал твой

разговор с той женщиной...

– Я знаю, что ты знаешь.

– Айко, я очень тебя люблю и не хочу тебя потерять...

– Мы должны уехать отсюда. Давай поедem ко мне на родину, в Камакуру.

– Ты хочешь жить в Камакуре? – спросил я.

– Конечно. И ты захочешь, когда увидишь...

В Камакуре мы прежде всего пошли в храм Инари-сама, бога - покровителя *китсуне*.

Я ждал снаружи, пока Айко молилась.

Когда она вышла из храма и подошла ко мне, её лицо сияло.

– Знаешь, у нас будет ребёнок! – радостно сказала она.

Мы оба поняли значение этого события: Айко стала женщиной!

Инари-сама не оставляет заботой своих *китсуне*.

Никто не вернулся с уроков японского (иерусалимский детектив)

– *Ави, ани ло яхоль йотер.* – Ави, я больше не могу. – Так начался мой разговор с командиром - старшим офицером полиции Ави Бузагло.

Я приехал в Израиль с очень нужной специальностью – японовед. Быстро поняв, что найти работу по этой специальности в Израиле невозможно, я устроился на работу в полицию (конечно, пришлось ещё пару месяцев отслужить в армии, но и там мой японский тоже не очень пригодился).

Для начала меня определили в дорожную полицию. Уже через месяц я понял, что ни за какие прибавки к зарплате и льготы, да и вообще, ни за какие сокровища мира я не соглашусь больше работать в дорожной полиции ни одного дня.

Я попросил о срочной встрече с командиром, и вот сейчас я сижу перед ним и говорю эти слова: *ло яхоль йотер* – больше не могу!

Ави задумчиво смотрит на меня и вдруг спрашивает:

– Ты, вроде бы, знаешь японский язык?

– Да, эта моя специальность, – отвечаю я, а сам думаю: причём тут японский? Может быть, он собирается послать меня в Японию уличным регулировщиком («японским городovým») по обмену опытом?

Ави нажимает кнопку селектора:

– Илана, найди мне срочно Павлика. – А потом говорит мне:

– У нас тут возникла одна проблема, как раз твой

японский пригодится. А справишься с делом – переведу тебя в отдел расследований. Хочешь работать детективом? Придётся, конечно, годик поучиться.

В этот момент вошёл Павлик - здоровенный парень из отдела расследований, я уже успел с ним познакомиться раньше.

Ави улыбнулся:

– Павлик, вот тебе помощник. Он знает японский. Ты уж сам решай, как его использовать.

Мы с Павликом пожали друг другу руки.

Зачем, всё-таки, им понадобился мой японский?

У Павлика в кабинете мы сделали себе по стакану *кафэ-турки* (кофе по-турецки), сели за стол, и Павлик рассказал мне такую историю.

Последние полгода в Иерусалимском университете стали происходить странные вещи: начали пропадать студенты с факультета японского языка.

Точнее, за полгода пропало пятеро студентов: три парня и две девушки. Понятно, что молодые люди не сидят на месте: у каждого – друзья, подруги, студенческие вечеринки, внезапные поездки.

Прошло много времени, пока стало ясно, что они действительно пропали. Их искали по всему Израилю, но тщетно – никаких следов!

Единственной зацепкой в этом деле, было то, что все пропавшие ребята брали частные уроки у одной японской студентки.

Павлик протянул мне аккуратно написанное объявление: «Уроки японского...» и надрезанные номера телефона с именем учительницы: Чиеко.

– Мы пытались поговорить с этой японкой, но так ничего и не добились. Очень странная девушка, ведёт себя как лунатик. С такой особенно не поговоришь. Мы решили послать к ней нашего человека «учить японский», чтобы прояснить ситуацию. А тут ты как раз подвернулся. Лучше не придумай. Посмотрим, что из этого выйдет. Только будь осторожен: в этой истории много непонятного. Кстати, она и сама студентка, учится в Иерусалимском университете. Павлик дал мне фотографии пропавших студентов и пожелал удачи.

Задание показалось мне интересным. Не теряя времени, я позвонил по указанному в объявлении номеру телефона.

Услышав в трубке японское «*моши-моши*», я чуть было не заговорил по-японски, но вовремя вспомнил, что «не знаю японского».

Девушка говорила с милым акцентом, путая в словах буквы «р» и «л» (в японском алфавите нет буквы «л»). Мы договорились о первом уроке на завтра в четыре.

На следующий день ровно в четыре я позвонил в её дверь. Мне открыла молодая японка в голубом кимоно с традиционной японской причёской.

В девушке было то особое очарование, свойственное японкам, ради которого я когда-то начал учить японский язык...

– *Конничи-ва*, – сказала девушка с лёгким поклоном.

– Шалом! – Моё приветствие на иврите прозвучало довольно неуклюже.

– Я - Чиеко, – улыбнулась она. – Пожалуйста, проходите!

Она провела меня в гостиную, обставленную в японском стиле: пол в ней был покрыт *татами* – ковриками из рисовой соломы, вместо стульев вокруг низкого столика лежали подушки для сидения, а в *токомоне*, небольшой нише в стене, стояла *икебана* и висел свиток с иероглифами (надпись на свитке означала: «Уважение – Небу, любовь – человеку»).

На столике был приготовлен традиционный набор для проведения чайной церемонии: на газовой горелке разогревался чёрный чугунный чайничек, рядом стояли шкатулка красного дерева с чаем и две чашки, тут же лежали бамбуковые ложечка и «мешалка», и красный шёлковый платок.

Перед тем, как ступить на *татами*, девушка разулась, я сделал то же самое.

– Обычно я начинаю курс японского языка с *тяною* – чайной церемонии, – сказала Чиеко. – Мне кажется, это наиболее естественный и гармоничный способ погружения в японскую культуру... Садитесь, пожалуйста, сюда, – Чиеко показала мне на одну из подушек, а сама опустилась на колени перед столиком и на секунду замерла. Потом медленным плавным движением она взяла в руку красный шёлковый платок... Как замороженный, я смотрел на её точные движения, полные грации.

В прошлом я не раз видел чайную церемонию, но только сейчас, глядя на Чиеко, начал понимать её духовную сущность.

Наконец, Чиеко с лёгким поклоном протянула мне чашку чая:

– До-озо – пожалуйста!

От чая исходил непередаваемый аромат: может быть, это был дух самой Японии.

Взяв в руки старую надтреснутую чашку - *чаван* с почти стёртым голубоватым рисунком, я как будто прикоснулся к её прошлому, к её тайне...

Медленным движением я поднёс её к губам и сделал глоток...вдруг всё закружилось у меня перед глазами, комната Чиеко «поплыла» и куда-то пропала, а я... оказался на улице незнакомого города! Вокруг меня прохожие с азиатской внешностью спешили по своим делам. На высоких современных зданиях размещались большие рекламные вывески на японском языке, а прямо перед собой я увидел табличку с надписью по-японски: «*Синдзюку-еки*» – «Станция «Синдзюку».

Я был в Токио!

Вдруг кто-то меня окликнул. Я оглянулся и увидел... пятерых пропавших студентов!

Я шагнул им навстречу.

– Что вы здесь делаете? Как вы сюда попали?

– Если хочешь узнать, пойдём с нами, – сказал один из них.

Я хотел было ему ответить, но всё опять закружилось у меня перед глазами и... я снова оказался в комнате Чиеко!

Как и прежде, я сидел на подушке у столика, а у меня в руке была та же надтреснутая чашка с горячим ароматным чаем!

Но я точно знал, что это был не сон и не наваждение: я действительно был в Токио.

– Ну что ж, начнём наш урок, – сказала Чиеко, как ни в

чём не бывало. Она подняла карандаш:

– *Коре ва емпитсу десу* (это - карандаш).

Когда-то много лет назад с этих же слов начался мой первый урок японского. Почему учителя японского так любят карандаши?

Урок прошёл без особых приключений. Я был предельно сосредоточен и изо всех сил старался ничем себя не выдать (ведь я «не знаю японского»!).

В конце урока Чиико сказала:

– За этот урок мы с вами здорово продвинулись.

Такими темпами вы быстро выучите язык.

– У меня хороший учитель, – ответил я с лёгким поклоном.

Выходя из гостиной, я заметил на комодe несколько *нецке* - фигурок, вырезанных из кости.

Фигурок было пять, и их лица показались мне знакомыми. Присмотревшись, я узнал в них пятерых пропавших студентов!

Когда я рассказал Павлику о своём визите в Токио во время чайной церемонии у Чиико, он усмехнулся:

– Твоя училка просто подсыпала тебе в чай наркотик, и у тебя начались глюки... Ты хоть получил удовольствие от «путешествия»?

Я молча достал кое-что из кармана и положил на стол перед Павликом. Это была пустая коробка из-под сигарет «*Майрудо себун*», которую я подобрал на улице Токио...

Дело становилось всё более и более запутанным.

Мы выяснили, что хозяин квартиры, которую снимала Чиэко, несколько лет назад работал в израильском посольстве в Токио, а вернувшись в Израиль, куда-то исчез. Родственников у него не было, и на его исчезновение никто не обратил внимания.

Чиэко ежемесячно вносила плату за квартиру на его банковский счёт, но уже долгое время деньги оттуда никто не снимал, а счётом никто не пользовался.

Квартира Чиэко была трёхкомнатной. Урок проходил в гостиной, двери остальных двух комнат были закрыты. Одна из них, наверное, была спальней Чиэко. А что было в другой комнате? Конечно, неплохо было бы тщательно осмотреть «нехорошую квартирку», но как это сделать?

– Завтра утром, когда твоя училка пойдёт на занятия в университет, я всё выясню, – сказал Павлик.

– Ты хочешь осмотреть квартиру без ордера на обыск, да ещё и в отсутствии хозяйки? – спросил я.

– Действуя по правилам, мы ничего не добьёмся. Надо найти ребят как можно скорее. Не бойсь, ты ничем не рискуешь – я пойду один.

Я не стал спорить с Павликом: в конце концов, он был моим командиром.

На следующее утро Павлик пошёл на квартиру Чиэко и долго не возвращался. Я звонил ему много раз, но его сотовый не отвечал. Куда же он делся?

Мой второй урок японского был назначен на четыре. Ровно в четыре я стоял перед дверью квартиры Чиэко, но позвонить не успел – дверь открылась.

На пороге стояла улыбающаяся японская девчонка

лет семнадцати в белой открытой кофточке, красной мини-юбке и с причёской «каре». В ней невозможно было узнать мою учительницу японского языка, но... это была Чиико!

– *Конничи-ва! О-хайри кудасай!* – весело сказала она с поклоном – Здравствуйте! Проходите, пожалуйста!

Я был настолько поражён её неожиданным перевоплощением, что даже не ответил на приветствие. Двигаясь как во сне, я вошёл в квартиру и пошёл следом за ней в гостиную.

Но вдруг я увидел что-то такое, что заставило меня забыть о коленках проказницы: на крышке комода стояло уже шесть фигурок *нецке*, и у шестой было лицо Павлика, выражающее крайнее удивление!

Я резко повернулся к Чиико и спросил:

– Чиико-сан, откуда эти фигурки? Где эти ребята? Где Павлик?

Чиико подошла ко мне совсем близко, я почувствовал аромат её тела и услышал её порывистое дыхание. Она приоткрыла рот, глаза её затуманились...

В этот момент всё потеряло для меня значение – всё, кроме её горячих губ и трепещущего тела.

Я обнял её и она страстно прижалась ко мне...

Ещё никогда ни одна женщина не влекла меня к себе с такой силой!

В ту же секунду всё закружилось у меня перед глазами, и я потерял сознание...

Очнувшись, я обнаружил себя сидящим за столиком в гостиной Чиико, а напротив меня сидел синтоистский монах в ритуальных красно-белых одеждах. Он смотрел мне в глаза, и его взгляд, казалось, обжигал моё сердце.

– Если ты испачкаешь одежды души, то уже не сможешь выполнить свою миссию, – сказал он. – Будь осторожным и осмотрительным: ведь одна ошибка может погубить всё...

В этот момент комната «поплыла» у меня перед глазами, и я опять потерял сознание...

Меня разбудил голос Чиико:

– Приготовьте весь этот материал к следующему уроку, и в следующий раз постарайтесь, пожалуйста, быть более внимательным.

Я открыл глаза и увидел Чиико, одетую в закрытый серый жакет и длинную чёрную юбку.

Плохо соображая и не совсем понимая, что происходит, я пробормотал «шалом» и быстро покинул её квартиру.

Когда я оказываюсь в сложной запутанной ситуации, я обращаюсь к моему другу за помощью и советом.

Профессор Шимони был похож на старого мудрого филина. Он был не только моим другом, он был моим учителем и руководителем моих исследовательских работ по японской культуре. Он был самым авторитетным в Израиле специалистом по Японии, но всегда разговаривал со мной на равных. Может быть, он был единственным, кто видел во мне япониста, а не «японского городского»...

Профессор Шимони встретил меня, как всегда, приветливо.

Я очень удивился, увидев в его квартире того самого синтоистского монаха из моего сна.

Профессор представил его:

– Это Ямамото-сенсей, монах из храма *Исэ-дзингу*.

Я подробно рассказал профессору об исчезнувших студентах и о моих приключениях на уроке японского, но, казалось, мой рассказ его совсем не удивил. Во время моего повествования он несколько раз кивал головой и улыбался, а когда я закончил, сказал:

– Некоторое время назад из храма *Исэ-дзингу* было украдено священное зеркало – одно из трёх самых важных святынь японской религии *синто* (кроме него есть ещё меч и яшма - реликвии, подаренные когда-то японскому императору богиней Аматаэрасу). Исчезновение зеркала до сих пор держится в тайне. Ямамото-сенсей сказал, что зеркало находится в Израиле, скорее всего, как раз в квартире Чиэко. Его привёз сюда, наверное, хозяин квартиры, когда вернулся из Японии...

– Но почему же пропали студенты и Павлик? – спросил я.

– Возможно, они в него посмотрелись. Это зеркало обладает огромной магической силой, и никто точно не знает, что будет с тем, кто в него посмотрится. Как видно, то же самое произошло и с хозяином квартиры... Мы должны вернуть зеркало монахам как можно скорее, пока кто-нибудь ещё не пострадал.

Ямамото-сенсей говорит, что только ты сможешь это сделать... Но смотри, будь осторожен.

Вся эта история казалась мне абсолютно нереальной, но ведь студенты действительно пропали! Я вспомнил удивлённое лицо *нецке* - Павлика.

Но кто же тогда Чиэко, моя учительница японского,

милая несравненная Чиико, в которую я по уши влюбился?

– А кто же такая Чиико? – спросил я.

– Ну, кто-то ведь должен охранять такую драгоценную вещь...и, кстати, она неплохо с этим справляется.

Профессор вдруг улыбнулся:

– Не забудь пригласить меня на *кеккон-сйки*.

Я покраснел. Откуда он знает?.. (*кеккон-сйки* – это «свадьба» по-японски).

Когда я уходил, профессор Шимони сказал:

– Когда пойдёшь за зеркалом, захвати с собой жареные бобы.

Я не понял, при чём тут жареные бобы, но у меня и в мыслях не было не послушаться профессора.

На следующий день, собравшись на свой третий урок японского, я взял с собой большой кусок белой замши, чтобы завернуть зеркало и положил в карман пиджака пакетик с жареными бобами.

На этот раз мне открыла дверь Чиико, одетая в белое кимоно с красным поясом *оби* (белое с красным – ритуальные цвета японской религии синто).

После обычного «*конничи-ва*», она провела меня в гостиную и, пристально глядя мне в глаза, сказала по-японски:

– Ты хорошо знаешь японский и тебе не нужны мои уроки. К чему эти игры? Что тебе от меня нужно?

– Я из полиции, – ответил я. – Ищу пропавших студентов. Они брали у тебя уроки японского и куда-то исчезли. Где они? Что ты с ними сделала? Где Павлик?

Чиэко опустила глаза и тихо сказала:

– Я - *китсуне* (лиса-волшебница, превратившаяся в девушку). Я должна была убить тебя или превратить в *нецке*, но я влюбилась в тебя как школьница...– она закрыла лицо руками и заплакала.

Я нежно обнял её и прижал к себе. Она спрятала лицо у меня на груди.

– Дорогая Чиэко, я тоже очень люблю тебя. Но ты же знаешь, что такое *гири* (*гири* – «долг» по-японски). Помоги мне, пожалуйста, вернуть пропавших людей и вернуть зеркало в храм!

Чиэко подняла голову и посмотрела мне в глаза:

– Ты даже не представляешь себе, насколько это опасно. Там действуют силы, над которыми я не властна...

Она снова прижалась ко мне, обхватив меня руками, как маленькая девочка:

– Пожалуйста, не ходи туда... Ты слишком много значишь для меня, я не могу тебя потерять, – она опять заплакала.

Я мягко освободился из её объятий и сделал шаг в сторону закрытых комнат.

– Вот, возьми! – Чиэко протянула мне ключ от комнаты. Она смотрела на меня глазами, полными слёз, но в её взгляде появилась решимость. – Я буду за тебя молиться...

– В какой комнате зеркало? – спросил я, но ответа не потребовалось: из-под одной из дверей и из её замочной скважины заструился дымок, пахнувший серой, из-за двери послышалось угрожающее рычание.

Я вынул из кармана пакетик с жареными бобами и подошёл к двери...

Спустя несколько дней мы с Павликом сидели в пабе «Жаботинский» за кружкой «Гиннеса» и обсуждали эту запутанную историю.

– Я до сих пор не могу поверить во всю эту чертовщину, – сказал Павлик. – Уж слишком всё это похоже на бред и галлюцинации.

– На твоём месте я бы поверил, – сказал я. – Ты лучше расскажи, как выглядит мир с крышки комода.

– А что там было за дверью в запертой комнате? – спросил Павлик.

– Уже не помню, – улыбнулся я.

Павлик посмотрел на меня с недоверием, но ничего не сказал.

Моему командиру Ави Бузагло так и не удалось уговорить меня остаться в полиции: увы, меня не прельщали ни должность детектива, ни офицерские погоны (ни офицерская зарплата).

Я начал делать докторат в Иерусалимском университете под руководством профессора Шимони. Как вы, наверное, догадываетесь, тема моего доктората была «Действие жареных бобов на японских чертей»...

Наша свадьба с Чиеко была прекрасной и радостной. Вот только, неожиданно с ясного голубого неба хлынул сильнейший ливень, как это обычно бывает на свадьбе

китсуне – девушки-лисы.

Гости, конечно, промокли до нитки, – все, кроме профессора Шимони, который предусмотрительно принёс с собой зонтик. Ведь не зря же он считается лучшим знатоком японского фольклора в Израиле.

Волшебство в лунном свете

Я помню чудесную теплую весну 2010 года.

Мы с Джунко любовались цветущей сакурой в парке Уэно и каждый вечер проводили у телевизора: смотрели весеннее соревнование по сумо, болели за японскую фигуристку Канако Мураками на чемпионате мира и, не отрываясь, следили за космическим путешествием красавицы Ханако Оказаки, японки-астронавта.

До ужасного цунами, разрушившего японские города и разбудившего Фукусиму, оставался год. А пока Япония казалась раем, японцы - милыми и беспечными ангелами, а мы с Джунко любили друг друга как первые влюблённые в раю, и не могли нарадоваться на своё счастье...

Но давайте всё по порядку.

Как я оказался в Японии, и как в моей жизни появилась Джунко?

Я - человек быстрых решений, и для меня путь от любителя японских сказок до менеджера среднего звена немецкой консалтинговой фирмы в Токио был коротким.

Мой рабочий день начинался в шесть утра, когда я в чёрном костюме с галстуком и в остроносых начищенных до блеска ботинках садился в поезд, и заканчивался часов в одиннадцать вечера на корпоративной вечеринке в одном из пабов Сибуи.

Как и все в Японии, я тяжело работал: делал карьеру и зарабатывал деньги (в надежде, что когда-нибудь потом...).

Однажды утром в поезде ко мне подошла, улыбаясь, девчонка лет семнадцати.

Она явно возвращалась с ночной гулянки: супер - мини, туфли на высоких каблуках, рваные колготки.

– Привет! – сказала она. – Почему бы нам не встретиться сегодня вечером?

Поезд тряхнуло, девушка прижалась ко мне и ухватилась за мой рукав, чтобы не упасть. От девушки пахло алкоголем.

– Я не встречаюсь со школьницами, – сказал я.

– Мне 23.

Это могло быть правдой: некоторые японки и до тридцати выглядят как школьницы.

Но мы были слишком уж странной парой: спешащий на работу, одетый с иголочки *сарариман* (служащий) и школьница, возвращающаяся с ночной вечеринки.

– Тебе не кажется, что мы из разных миров? – спросил я.

– А ты что, боишься девушки из другого мира?

Это была Джунко.

Мы встретились тем же вечером, и больше уже никогда не расставались.

Джунко была настоящей красавицей, я сразу же влюбился в неё без памяти. Нам было необыкновенно хорошо вдвоём, с ней я чувствовал себя на вершине блаженства.

Но в наших отношениях с самого начала было что-то странное: я ничего не знал о её семье и о её прошлом, а когда я заговаривал с ней о нашем будущем (например, я несколько раз делал ей предложение),

она почему-то уходила от ответа и переводила разговор на другую тему.

Нашими самыми большими проблемами (и самыми страшными врагами) были корпоративные вечеринки, которые мои сослуживцы устраивали каждый вечер после работы. Мне, конечно же, хотелось проводить вечера с молодой возлюбленной, а не с пьяненькими коллегами.

Но традиции вечеринок с сослуживцами слишком сильны у японцев: возражения не принимались, а об отказе не могло быть и речи...

Итак, была чудесная весна 2010 года.

По телевизору непрерывно показывали кувыркающуюся в невесомости Ханako Оказаки (в традиционном японском кимоно и с веером в руке!) и молоденькую Канако Мураками, японскую фигуристку, ставшую в этом году чемпионкой мира среди юниоров.

В пабе, где проводили вечера работники нашей фирмы, был постоянно включён большой телевизор.

Однажды вечером в телевизионных новостях передали, что из-за технических неполадок планируется срочное возвращение космического корабля Discovery. Сообщение было какое-то неясное, астронавтов на этот раз не показали, и мы все не на шутку встревожились. Разумеется, каждый высказывал предположения по поводу возможных причин повреждений, и чем всё это может кончиться для астронавтов.

Неожиданно ко мне за столик подсел старик - завсегдатай паба со своей кружкой пива, как всегда,

пьяный. Я часто видел его в пабе, но мы никогда не разговаривали и даже не здоровались.

Он спросил меня, странно улыбаясь:

– А ты не боишься оставлять молодую жену дома одну в ночь полнолуния?

Почему он это спросил?! Причём тут ночь полнолуния?

Я тут же позвонил Джунко, но её телефон не отвечал.

Не медля ни секунды, я выскочил из паба и поехал домой.

Джунко дома не было!

Я обратился в местное отделение полиции на углу нашей улицы: ночью там дежурили двое полицейских.

Но полицейские отнеслись к моему сообщению равнодушно, и даже не стали его записывать.

– Молодые женщины часто оставляют на некоторое время своих мужей, а вы ведь даже не расписаны, – сказал один.

– Не беспокойтесь, она вернётся... А не вернётся, так и вы найдёте себе другую, – добавил второй.

Меня их доводы, конечно, не успокоили: Джунко не собиралась меня оставлять, да и я не собирался искать другую...

Я не спал всю ночь: тщательно осмотрел район железнодорожной станции, заглянул во все ночные бары и ресторанчики в округе, всюду расспрашивая о Джунко.

Вдруг я вспомнил старика в пабе: он точно знал, что с Джунко что-то случилось.

Я поехал в наш «корпоративный» паб, но со вчерашнего дня его никто не видел.

Я спросил, как его зовут и где он живёт, но выяснил только, что у него странное имя – Такэтори.

– Как в сказке, – сказал бармен.

– В какой сказке? – не понял я.

– Ну как же, в сказке о Кагуе - Принцессе Луны. (Ах да, я вспомнил, что эта старая японская сказка так и называется: «Такэтори моногатари» – «Сказание о старике Такэтори»!).

И ведь у моей Джунко было что-то общее с Кагуей: она ведь тоже пришла ко мне из «другого мира», о её прошлом мне ничего не было известно, и, как Кагуя, она не хотела и слышать о замужестве.

Кроме того, она тоже пропала в ночь полнолуния...

Прошло ещё несколько дней.

Космический корабль Discovery благополучно приземлился, все астронавты остались целы и невредимы.

Красавица Ханako каждый вечер выступала по телевизору: её приглашали в различные развлекательные программы рассказать о космическом путешествии.

А моя Джунко так и не вернулась.

Каждый день я обращался в полицию и обходил наш район, но новостей не было: никто не видел моей любимой и не знал, где она может быть.

Однажды, мне позвонила какая-то женщина.

– Здравствуйте, – сказала она. – С вами говорит Ханako Оказаки.

Женщина - астронавт?! Я не поверил своим ушам.

– Мне необходимо с вами встретиться по очень серьёзному делу, – продолжала она.

Разумеется, я был очень удивлён и заинтригован.

Мы назначили встречу на семь вечера в кафе Starbucks в Роппонги.

Появление Ханako в кафе не осталось незамеченным: посетители её восторженно приветствовали, поздравляли с удачным завершением полёта и непрерывно фотографировали на сотовые телефоны.

Наконец, она села за мой столик, и мы поздоровались.

– Вы, конечно, удивились моему звонку, – сказала Ханako. – Дело и вправду необычное.

Она немного отпила кофе и, глядя прямо перед собой, начала свой рассказ.

– В космосе всё было не так, как рассказывали по телевизору. На космическом корабле произошла ужасная авария: у нас отказали генераторы, и прекратилась подача кислорода в жилые отсеки. Нам всем грозила неминуемая гибель от удушья. В ожидании смерти астронавты вели себя по-разному: кто-то плакал, кто-то сидел в ступоре, кто-то бился в истерике. Но японцев не надо учить умирать: мы всегда готовы достойно встретить смерть...

Ханako опустила глаза и немного помолчала.

– Уже через час после аварии начала ощущаться нехватка кислорода: мне стало тяжело дышать, в глазах потемнело... Я почувствовала, что теряю сознание...

Ханako опять замолчала. Ей было трудно говорить: она

снова переживала те ужасные мгновения...

– Вдруг отсек, в котором я находилась, озарился ярким лунным светом.

В лучах света прямо перед собой я увидела молодую женщину необыкновенной красоты. Я сразу узнала её: это была принцесса Кагуя, как её описывали в сказке. И это не было видением или галлюцинацией – я видела её, как вижу вас!

«Ты не погибнешь, – сказала она. – Ты вернёшься на Землю и родишь ребёнка».

В ту же секунду я почувствовала, что дыхание стало свободным... – Ханako опустила голову, прикрыла глаза рукой и несколько минут молчала.

Потом она снова заговорила – на этот раз, глядя мне в глаза:

– Кагуя-химе попросила меня передать вам, что Джунко никогда не вернётся... И что она не могла поступить иначе...

Увы, после встречи с Ханako я понял, что Джунко не вернётся, но как объяснить это влюблённому сердцу?

Старик Такэтори больше не появлялся в нашем пабе.

Наверное, он где-то беспробудно пьёт, и так пьёт уже десять веков – с тех пор, как его приёмная дочь Кагуя-химе оставила его и вернулась на Луну. Конечно же, не имело смысла искать его по всем барам Японии.

Целыми днями я думал только о моей Джунко...

А каждую ночь полнолуния я долго и пристально всматривался в Луну, как будто пытался разглядеть там мою возлюбленную...

Из консалтинговой фирмы пришлось уволиться –

думать о карьере и зарплате я больше не мог (какой уж тут консалтинг!).

Я прочитал десяток вариантов сказки о Кагуе-химе по-японски, и у меня появились вопросы.

У своего знакомого из Токийского университета я узнал, что лучшим специалистом по древней японской литературе является профессор Матсумото из университета Васеда, и я тут же назначил с ним встречу.

– С этой сказкой много неясного, – сказал Матсумото-сэнсей. – Ведь она написана в десятом веке, а тогда писали только политические и религиозные тексты: политические – чтобы продвинуть тех или иных лидеров, или группы интересантов, а религиозные – чтобы подкрепить религиозные догмы наглядными примерами и доказательствами. Но в «Такэтори моногатари», как вы знаете, сановники выставлены самым нелюбезным образом, да и сам император оказался не на высоте... А происхождение Кагуе-химе (в качестве «лунной леди») совершенно не согласуется с концепциями японских религий синто и буддизма.

Всё это показалось мне очень интересным, и мой обратный путь – от немецкой консалтинговой фирмы к японским сказкам оказался намного короче: я тут же начал делать докторат в университете Васеда под руководством Матсумото-сэнсея. Мой докторат, разумеется, был посвящён японской литературе десятого века.

Заниматься научной деятельностью и читать лекции студентам оказалось гораздо интересней, чем заниматься карьерой и консалтингом, пропади они пропадом!

Жаль только, что на лекциях японские студенты стесняются задавать вопросы: ведь в Японии не принято «выделяться». Но зато иногда после лекции мне передавали интересные записки, и я старался как можно подробней на них ответить.

В какой-то момент я обратил внимание, что мои лекции начала посещать новая студентка. Она была чем-то похожа на Джунко, но рассмотреть её было невозможно: девушка всегда приходила на лекции в белой марлевой маске (японцы, когда болеют, надевают на лицо хирургическую маску, чтобы не заражать окружающих), и всегда садилась в последнем ряду.

Когда однажды темой моей лекции была сказка «Такэтори моногатари», я высказал мысль, что, если бы кто-нибудь из потенциальных женихов всё-таки женился бы на Кагуе-химе, всё равно из этого ничего хорошего бы не вышло, ведь девушка была «из другого мира».

В конце лекции я получил записку с вопросом: «Так ты всё-таки боишься девушки из другого мира?»

Я быстро посмотрел на новую студентку в последнем ряду.

Она сняла маску и весело улыбалась.

Это была Джунко!!

Неожиданная поездка в Японию

Я - писатель. Я живу между двумя рассказами: один уже написан, второй вот-вот будет написан.

А моя жизнь между ними – нелепая, невозможная, случайный глоток воздуха между последним вдохом моего героя из последнего рассказа и первым вдохом моего ещё не родившегося героя.

Рассказы накатываются как волны: один накрывает меня с головой, а следующий уже на подходе...

Если по улице идёт красивая девушка, даже и не мечтайте о ней, она всё равно вам не достанется: она из моего рассказа, она моя.

– Девушка, вы из какого рассказа?

А вы? Вы и сами не заметили, как стали героем моего рассказа.

Куда вы так спешите? Всё равно по сюжету вы должны опоздать. А, может быть, в этом рассказе вам вообще спешить некуда...

Если на улице грабят банк, не бойтесь: эти грабители из моего рассказа, сейчас появится главный герой и их арестует.

Если рассказ о войне, я пишу, уклоняясь от пуль, но всё равно я ранен, кровь капает на страницы, а одна из пуль пробивает только что написанную книгу.

Если рассказ о любви...

Герои моих недописанных рассказов страдают и мучаются.

Например, девушка в моём рассказе разделась и забралась под холодный душ. Я отложил рассказ в сторону, а она, бедная, всё ещё стоит под струями

холодной воды, и совсем окоченела...

Двое профессиональных убийц ждут в подъезде свою жертву, но я решил не дописывать этот рассказ: «жертва», наверное, уже умерла от старости, а бедные убийцы всё ещё стоят там и ждут её.

Влюблённые впервые поцеловались, но дальше этого дело не пошло: я забросил и этот рассказ.

Если герои из всех моих недописанных рассказов соберутся вместе и захотят меня проучить, плохо же мне придётся!

В моём новом рассказе в квартире надо мной живёт девушка, и каждый вечер я слышу стук её каблучков на лестнице. Я никогда её не видел и ничего о ней не знаю, но представляю себе, конечно, её стройные ножки, едва прикрытые мини. Если однажды стук её каблучков не замрёт перед моей дверью, то стоило ли вообще начинать писать этот рассказ?..

А в реальной жизни в квартире надо мной живёт пожилая больная женщина, и каждый день я слышу на лестнице её тяжёлое дыхание и шаркающие шаги.

И именно она-то однажды и постучала в мою дверь.

Мы, конечно, были знакомы: раскланивались на лестнице, иногда я помогал ей донести тяжёлые сумки.

Но что, всё-таки, ей понадобилось?

Я пригласил её войти.

Тяжело опустившись на предложенный стул и отдышавшись, она заговорила:

– Вас удивит причина моего визита. У меня есть сын.

Три года назад он уехал в Японию и там пропал. Я слышала, что вы долго жили в Японии, хорошо знаете страну, даже выучили японский язык... Вы - хороший

человек: всегда со мной вежливо здороваетесь, помогаете мне донести до квартиры сумки... Я хочу попросить вас поехать в Японию и найти там моего сына. Разумеется, я вам хорошо заплачу...Что вы об этом думаете?

Что я об этом думал? Да я еле сдержался, чтобы не расцеловать мою замечательную соседку!

Почему моё сердце забилося так сильно?

Да потому, что в Японии живёт моя Мичико.

Мы не виделись с ней уже целую вечность, и я ждал, когда представится возможность поехать в Японию, но неотложные дела и хроническое отсутствие денег... в общем, всё как-то не получалось. И вот наконец...

– Думаю, это возможно, – сказал я как можно более сдержано и незаинтересованно, чтобы не повредить нашей сделке. – Я тяжело работал над последней книгой и нуждаюсь в отдыхе и смене декораций...

Соседка положила на стол пачку денег, фотографию какого-то парня и японскую открытку.

– Это мой сын Давид Гросс, – сказала она, показывая на фотографию. – На открытке – его последний адрес в Токио. Ну а это – деньги на поездку.

Мы уточнили ещё кое-какие детали, и расстались довольные друг другом.

Когда за ней закрылась дверь, я занял своё рабочее место перед компьютером и задумался.

Да, тут было над чем задуматься!

Ведь в Японии я встречу с Мичико...

Все женщины в моей жизни были как призраки: они приходили и уходили, не оставляя следа. Я не был счастлив, когда они появлялись, и не печалился,

когда они исчезали. Может быть, я просто не ощущал реальности их существования. Их образы мелькали, как картинки в калейдоскопе.

Единственной реальной женщиной в моей жизни была Мичико. Я чувствовал настоящее счастье, когда она приходила ко мне, и испытывал невыносимую боль, когда она исчезала.

Мичико всегда появлялась и исчезала неожиданно. Я не мог понять, как она находила меня, и было бесполезно её искать, когда она исчезала.

Я знал, что если я приеду в Токио, мы обязательно встретимся. Без надежды увидеть её я, наверное, не взялся бы за это дело...

Вдруг я почувствовал запах табачного дыма в моей комнате, и услышал лёгкое покашливание у себя за спиной!

Я быстро обернулся и увидел грузного усатого мужчину, развалившегося в моём кресле! Усатый был в длинном коричневом пальто и шляпе. Он курил трубку, выпуская дым из ноздрей, и лукаво на меня поглядывал.

– Кто вы? – закричал я.

– Кого ты там собираешься без меня искать? Я - Джон Смит, частный детектив из твоего рассказа «Странная смерть мистера Самуэля». Неужели ты меня не помнишь? – спросил он, усмехаясь в усы.

Как я мог его не помнить? Я написал этот рассказ года три назад. Мой частный сыщик Джон Смит был подозрительно похож на комиссара Мегрэ, но всё равно, рассказ получился хороший.

Всё это, разумеется, не объясняло появление Джона

Смита в моей комнате, однако клубы ароматного табачного дыма из его трубки, его покашливания и хриплый голос казались вполне реальными.

Итак, передо мной сидел герой из моего рассказа и саркастически усмехался.

Неожиданно зазвонил телефон. Я снял трубку:

– Привет! Это Сергей. Я слышал, ты едешь в Токио. Найди там мою Наташеньку. Передай ей, что я очень по ней скучаю и хочу её видеть... Мне сказали, что она работает в книжном магазине Кинокуния в Синдзюку, в отделе русской книги.

Я не поверил своим ушам: Сергей и Наташа были героями моего рассказа «Путешествие в рай». В этом рассказе кукольная блондиночка Наташа уезжает в Японию за красивой жизнью, оставляя в Израиле старого больного отца. Но работать она там собиралась отнюдь не в книжном магазине... Несчастный отец, очень её любивший, умирает от горя и болезни в одиночестве и нищете.

Не успел я положить трубку, как телефон зазвонил снова.

– Не надейся удрать от меня, ублюдок, – раздался в трубке грубый мужской голос. – Я и в Японии тебя достану. От меня не уйдёшь!

Это были слова Гарри-со-шрамом из моего рассказа «Каждому своя пуля»!

Я бросил трубку и выдернул телефонный шнур из розетки, но телефон зазвонил опять, как ни в чём не бывало!

Я услышал в трубке женский плач:

– Ты уезжаешь к своей любовнице в Токио и бросаешь

меня беременную... Но ты ведь обещал на мне жениться! Что я скажу родителям? Как я переживу этот позор? Что я скажу нашему ребёнку, когда он вырастет?..

Это была женщина из моего рассказа «Не доверяй своему сердцу».

Я швырнул телефон в угол комнаты, но он продолжал звонить снова и снова, не переставая...

Для меня это было слишком! Я понял, что должен немедленно прекратить этот бред, хотя бы для того, чтобы не сойти с ума. Я бросился к двери и распахнул её... но за дверью стояли три парня бандитского вида, готовые на меня броситься! Они были похожи на трёх гангстеров из моего рассказа «Тройной удар». В их пустых бесцветных глазах я увидел свою смерть!

В этот момент я потерял сознание...

Придя в себя, я с облегчением обнаружил, что мои творения, каким-то образом пробравшиеся в реальность, благополучно исчезли.

Но в комнате по-прежнему стоял аромат табака Джона Смита, а в углу валялся разбитый вдребезги телефонный аппарат...

Это был самый тяжёлый и невероятный день в моей жизни – вот бы написать про него рассказ!

Так или иначе, через несколько дней я уже летел в Токио.

Рядом со мной в самолёте сидел одетый с иголки джентльмен. С самого начала полёта он как-то странно на меня поглядывал, усмехаясь (может быть,

голубой?). Наконец, я не выдержал и спросил у него:

– Мы знакомы?

– Больше, чем тебе бы хотелось, малыш, – ответил он.

– Я - твой босс и безраздельный хозяин твоей жизни.

Этого ещё не хватало! Перспектива лететь до Токио с сумасшедшим попутчиком меня совсем не радовала. Я сказал ему довольно жёстко:

– Слушай, давай, ты помолчишь. Нам ещё долго лететь, и я не хочу слушать твой бред до самого Токио.

– Я знал, что ты мне не поверишь, – ответил он, неприятно улыбаясь. – Ну ничего, сейчас поверишь... Ведь наш самолёт совсем не обязательно долетит до Токио, не правда ли? Он может, например, разбиться

...

В ту же секунду самолёт провалился в воздушную яму, и нас здорово потрянуло. Пассажиры испуганно закричали. Встревоженный голос объявил по радио:

– Внимание! Мы попали в зону высокой турбулентности. Просьба всем пристегнуть ремни безопасности!

Мой сосед продолжал с отвратительной усмешкой:

– А, может быть, наш самолёт захватят террористы...

В тот же момент группа длинноволосых прыщавых парней в чёрных кожаных куртках пробежала по направлению к кабине пилота. В руках у них были автоматы калашникова!

Между тем, мой «босс» продолжал:

– А, может быть, тебя просто отравит стюардесса...

И тут же красивая девушка в форме стюардессы подошла ко мне со стаканом апельсинового сока на подносе:

– Пожалуйста, ваш сок, – сказала она с милой улыбкой.
От сока шёл сильный запах горького миндаля.

– Кто ты, чёрт тебя подери?! – закричал я.

– Всё очень круто, малыш: я пишу рассказ, в котором ты - всего лишь один из героев. Сейчас, например, я придумываю для тебя приключения в Японии, чтобы тебе там было не скучно.

Вот это да! Я понял, что с этим надо кончать, и как можно скорее.

– Мне нужно покурить и как следует всё обдумать, – сказал я, вставая.

– Но в моём рассказе ты не куришь, – усмехнулся «писатель».

– Зато я курю в других рассказах, – сказал я и пошёл по направлению к туалету в хвостовую часть самолёта.

– Что же, тогда я покурю вместе с тобой, – он встал и последовал за мной.

Ну нет, дружок, ты меня так просто не запихнёшь в свой дурацкий рассказ!

Проходя мимо «экстренного выхода», я ухватился обеими руками за стальную переборку и, что было сил, ударил ногой по ручке двери снизу вверх. Это был мой коронный *аге-мае-гери* – каратистский «поднимающий» передний удар ногой, которым я не раз отправлял в нокаут больших дяденек на соревнованиях по *сито-рю* (*сито-рю* - «восточная нить» - название одного из направлений окинавского карате).

Дверь «экстренного выхода» распахнулась: моего «босса», стюардессу-отравительницу и «кожаных» говнюков-террористов с калашниковыми всосало

в дверной пролёт, после чего дверь захлопнулась с металлическим лязгом. Пассажиры, пристёгнутые ремнями безопасности, остались на своих местах. Я вздохнул с облегчением: моё предстоящее путешествие без моего «хозяина» казалось мне спокойным и вполне безопасным.

Но как же я ошибался!

Мои приключения только начинались...

Давид Гросс послал свою последнюю открытку из отеля «Розовый снег Асакусы». Я решил остановиться в том же отеле, это должно было облегчить мои поиски. (Откуда такое название? Неужели, в Асакусе бывает «розовый снег»? Но я вспомнил, что каждую весну, в начале апреля набережная Сумида-гавы покрывается бело-розовыми цветками сакуры...)

До отеля я добрался только к вечеру.

В лобби отеля за стойкой стояла маленькая японка неопределённого возраста. Она встретила меня традиционным японским «*Ирасшаймасе!*».

Я заполнил регистрационную форму, заплатил за комнату и достал из бумажника фотографию Гросса:

– Может быть, вы помните этого человека? – спросил я у неё, показывая фотографию. – Он останавливался в этом отеле года три назад. Его зовут Давид Гросс...

Как только я произнёс это имя, женщина вырвала у меня из рук фотографию и разорвала её на мелкие кусочки. Она была в ярости:

– Где этот негодяй? Он обманул меня и удрал. Настоящий подонок! Только бы мне до него добраться...

Она закрыла лицо руками и заплакала.

Честно говоря, я не ожидал такой вспышки ярости от маленькой худенькой японки.

Разумеется, теперь, без фотографии Гросса моя задача усложнялась. Трудно искать чёрную кошку в чёрной комнате... когда её там, может быть, и нет.

Войдя в свой номер, я чуть не задохнулся в облаке табачного дыма: Джон Смит, собственной персоной, сидел в кресле и курил трубку, хрипло покашливая и, как всегда, усмехаясь в усы.

– Приветик! – сказал он, как ни в чём не бывало.

Как он здесь очутился?

Когда-то я придумал образ детектива Джона Смита и описал его в моём рассказе, но теперь, похоже, мы с ним оба стали героями какого-то другого рассказа, странного и ещё не дописанного...

Это было непостижимо!

Тем временем Джон Смит сказал:

– Девушка по имени Нанако Сузуки знает, где находится Гросс. Она работает в пабе «Золотой скорпион» в Кабуки-чэ в Синдзюку. Мы должны поторопиться: кое-кто хочет помешать нам найти Гросса.

С этими словами он встал и, попыхивая трубкой, вышел, не попрощавшись.

Я очень устал после долгого перелёта, но времени на отдых не было. Нужно было срочно найти эту Нанако,

и я решил идти туда прямо сейчас, хотя Кабуки-чо в вечернее время – место небезопасное.

Но «прямо сейчас» не получилось: открыв входную дверь, я получил сильнейший удар в подбородок и потерял сознание...

Открыв глаза, я увидел над собой две отвратительные физиономии, и понял, что лучше мне с пола не вставать.

Это, несомненно, были японские мафиози - якудза. Один из них - здоровенный горилла, второй - коротышка. Коротышка, похоже, был за главного.

Он сказал:

– В следующий раз ты так легко не отделаешься, дружок. Забудь о Давиде Гроссе, если не хочешь подохнуть. Больше я тебе этого повторять не буду.

С этими словами они вышли из моего номера, оставив меня лежать на полу, даже дверь за собой не закрыли.

Голова раскалывалась, подбородок сильно болел, но после визита мафиози я твёрдо решил во что бы то ни стало найти Гросса: у меня появился личный интерес в этом деле.

Пошатываясь, я наконец-то выбрался из номера и, не теряя времени, отправился в Синдзюку.

Улочки Кабуки-чэ были заполнены соблазнительными полуобнажёнными красотками и опасного вида парнями. Все они, казалось, ждали моего появления, и под их цепкими голодными взглядами я чувствовал себя как дичь под прицелом охотничьих карабинов.

Я долго блуждал по Кабуки-чо, пока наконец не разыскал паб «Золотой скорпион». На вывеске паба был светящийся золотой скорпион, а перед входом

стояла красивая девушка в красном китайском платье с вышитым золотым скорпионом на груди и с причёской в форме маленьких рожек. Она поклонилась мне с приветливой улыбкой, и я вошёл внутрь.

Паб оказался довольно просторным. Громко играл американский рок. Вдоль длинной стойки бара сидели девушки в красных китайских платьях с золотым скорпионом на груди и с рожками на голове.

Я сел за столик в углу.

Вдруг среди девушек, сидящих у стойки бара я увидел мою Мичико! Она тоже была одета в красное китайское платье и с дурацкой причёской на голове, но это точно была Мичико.

Я помахал ей рукой. Мичико помахала мне в ответ, встала и направилась к моему столику. Она шла, покачивая бёдрами и улыбаясь мне призывно и нагло, как настоящая проститутка.

Когда она села за мой столик, я спросил:

– Мичико, что ты здесь делаешь? Что за дурацкая причёска у тебя на голове?

– Я не Мичико, меня зовут Мэй, – сказала она. – Побалуй меня, Майк, закажи мне чего-нибудь выпить.

Я не понимал, зачем нужна эта дурацкая игра, но решил в неё играть, если Мичико так хочется. Пусть на сегодняшний вечер я буду «Майк», а она – «Мэй».

Несмотря на её странный вид и идиотское поведение, я точно знал, что передо мной - моя Мичико.

Я подозвал официантку (в мини-юбочке и с заячьими ушками а'ля плей-бой), и заказал два пива.

Потом я положил на столик перед Мичико купюру в

тысячу иен (примерно, двенадцать долларов) и сказал:

– Я ищу девушку по имени Нанако Сузуки. Ты случайно не знаешь, где её можно найти?

– Зачем она тебе нужна? Я красивей, чем она, и всё сделаю лучше, – Мичико кокетливо улыбнулась.

Я положил на столик ещё одну тысячу иен:

– Мне нужно задать ей пару вопросов. Проводи меня к ней, пожалуйста.

Мичико молча взяла деньги, встала из-за столика и знаком пригласила меня следовать за собой.

Когда мы поднимались по деревянной лестнице, расположенной вдоль стены, посетители паба и проститутки с интересом нас разглядывали: всем было ясно, чем мы собираемся заняться в комнате наверху.

На втором этаже мы оказались в тёмном коридоре с двумя рядами дверей. Из-за дверей доносились смех, стоны, какие-то повизгивания.

Одна из дверей была приоткрыта. Мичико показала на эту дверь: «Нам туда».

Я заглянул внутрь и тут же закрыл дверь: Нанако Сузуки уже ничем не могла мне помочь: она лежала поперёк кровати в луже крови с ножом в груди. Разумеется, видеть всё это Мичико было совсем не обязательно...

Вдруг с улицы раздались сирены полицейских машин, кто-то закричал: «Облава!», из дверей по обе стороны коридора стали выскакивать полуголые люди, началась паника.

Мичико схватила меня за руку и потянула за собой к какой-то двери. Эта дверь ничем не отличалась от других, но за ней была лестница – чёрный ход,

наверное. Мы быстро сбежали по ступенькам и выскочили на улицу, а потом долго шли по улицам Синдзюку, пока не остановились перед каким-то домом. Мичико открыла дверь, мы вошли в тёмную маленькую прихожую, сняли обувь и, поднявшись по скрипящей деревянной лестнице, оказались в просторной светлой гостиной.

К нам вышла пожилая японка, похожая на Мичико (может быть, её мама?) и, не обращая на меня внимания, сказала Мичико:

– Ты же обещала больше не приводить сюда мужчин. Подумай о дочери...

– Это не то, что ты думаешь.

– Не то, что я думаю? А что же это?

– Познакомься: это отец Хироми...

Мама Мичико, не глядя на меня, молча ушла в свою комнату.

Я не поверил своим ушам!

Но Мичико не дала мне времени на размышления.

– Вот твоё комната, – сказала она, открывая какую-то дверь. – Вон там – душ и туалет. Располагайся, пожалуйста, а я должна идти.

Она дала мне чистое полотенце, поцеловала меня в щёку и быстро вышла из квартиры.

Я вдруг почувствовал ужасную усталость: что же, денёк выдался не из лёгких. Ни о чём больше не думая и ни в чём не пытаюсь разобраться, я быстро принял душ и лёг спать...

Проснувшись на следующее утро, я увидел рядом со своей кроватью японскую девочку лет пяти. Она была

одета в розовое платье, розовые гольфы и с розовым бантом в волосах.

Когда я открыл глаза, наши взгляды встретились.

– Ты уже проснулся? Тогда вставай! – сказала она. – Мама сказала, что ты сводишь меня сегодня в зоопарк. Я, конечно, был очень удивлён.

– Кто ты? – спросил я.

– Я - Хироми, – ответила девочка. – Вставай скорее. Мама оставила тебе завтрак на столе.

– А где мама?

– Она уже ушла на работу. – С этими словами Хироми выбежала из комнаты.

Я вспомнил события вчерашнего дня и поёжился.

Но и сегодняшний день обещал быть нескучным.

Я встал и быстро оделся.

На кухне был накрыт стол: Мичико приготовила на завтрак суп *мисо*, рис, жареную рыбу и салат.

Я уже сел за стол, но девочка сказала:

– Подогрей *мисо* вон там, а то будет невкусно, – она показала на микроволновую печь.

Когда я начал есть, Хироми села напротив меня и смотрела, посмеиваясь, как я неловко орудую *хаши* - палочками для еды.

Позавтракав, мы вышли из дома и пошли по направлению к станции: зоопарк находился в Уэно, а туда от Синдзюку минут двадцать на поезде.

Мы странно выглядели на улицах Токио: иностранец, ведущий за ручку маленькую японскую девочку.

Прохожие с удивлением на нас поглядывали.

В какой-то момент нас остановили двое полицейских.

Я дал им свой паспорт, но не знал, как объяснить ситуацию: каким образом я оказался с маленькой японской девочкой (может быть, я собираюсь её похитить?). Это выглядело весьма подозрительно.

Но Хироми сказала им, как ни в чём не бывало:

– Это мой папа. Он ведёт меня в зоопарк. – Она достала из своей маленькой сумочки и дала им какую-то бумагу.

Полицейские внимательно посмотрели мой паспорт и бумагу Хироми, всё нам вернули и с улыбкой отсалютовали: «*Итте расшай!*»

Когда мы уже подходили к станции, прямо перед нами затормозил чёрный БМВ и оттуда выскочили мои вчерашние знакомцы: коротышка и горилла.

– Я тебя предупреждал, дружок, что наша следующая встреча плохо для тебя закончится, – сказал мне коротышка с мерзкой улыбкой.

– Брось его в машину! – приказал он горилле.

Я растерялся: что же делать?

Но Хироми спокойно сказала:

– Я думаю, моему дедушке это не понравится.

– А кто твой дедушка? – спросил коротышка.

– Ты что, не знаешь? Мой дедушка - Шинода Йошио.

Все говорят, что я очень на него похожа.

Горилла застыл как вкопанный: было видно, что он знает, кто такой Шинода Йошио.

– Не слушай эту сопливуку и делай, что тебе говорят! – закричал на него коротышка.

Но горилла не двинулся с места.

– Не хочу связываться с Шинодой, – сказал он. – Мне пока ещё жить не надоело.

Осыпая друг друга проклятиями и угрозами, они сели в машину и уехали.

Зоопарк в Уэно - одно из самых замечательных мест в Токио. Я люблю там смотреть на молодые японские семьи с детьми, на вырвавшихся на свободу японских школьников, на бабушек и дедушек, угощающих внуков мороженым...

Хироми подолгу простаивала перед каждой клеткой, с интересом разглядывая зверей, а когда увидела белых медведей, радостно закричала:

– Белые медведи! Белые медведи!

Белые медведи находились в просторном вольере с бассейном, расположенном на дне ямы с отвесными скалистыми краями.

Хироми быстро подбежала к огораживающему их заборчику, перелезла через него и... соскользнула вниз к медведям!

Всё произошло так неожиданно, что я не успел остановить её.

Люди вокруг закричали.

Самый большой медведь, принюхиваясь, неторопливо направился к девочке...

Не раздумывая ни секунды, я прыгнул вслед за Хироми, схватил её подмышку и начал карабкаться вверх по крутому склону. Медведь быстро подбежал, поднялся на задние лапы, но успел только порвать мне штанину – мы благополучно вылезли из ямы!

Вокруг все захлопали в ладоши.

Я долго не мог прийти в себя и отдышаться: сердце колотилось как сумасшедшее, руки и ноги дрожали, а девочка... выглядела абсолютно спокойной.

– Хироми, зачем ты это сделала? – я почти закричал на неё.

– Я хотела проверить, правда ли ты мой папа, – ответила девочка.

«Если бы я действительно был твоим отцом, – в сердцах подумал я, – отшлёпал бы тебя, как следует, прямо при всех!»

– Я хочу кушать, – сказала Хироми. – *Нан-ка табетай.*

Мы сели за столик в открытом кафе рядом с прудом. В пруду среди листьев лотоса плавали утки и белые лебеди.

Я взял девочке гамбургер с чипсами и колу, а себе – стакан кофе с молоком.

Пришло время кое-что выяснить. Я решил задать Хироми несколько вопросов: например, кто же, всё-таки, её мама: Мичико или Мэй?

– Хироми, как зовут твою маму? – спросил я.

– Пап, ты что, дурак? Ты что, не знаешь, как зовут маму?

– Нельзя так разговаривать со старшими! – только и оставалось мне сказать...

Я понимал, что должен срочно подружиться с моей дочерью: ведь, наверное, именно для этого, Мичико и отправила нас вместе в зоопарк. Но как это сделать?

– Хироми, научи меня твоей любимой песенке, давай споём её вместе.

– Ладно, повторяй за мной, – сказала девочка и запела:

«Поп-поп-по, хато поппо маме га хошии ка?...»

Я быстро выучил нехитрые слова песенки, и мы запели вместе: *«Поп-поп-по...»*

Спев вместе песенку три раза, мы стали добрыми друзьями.

Хироми была счастлива! (И я тоже).

Вдруг я услышал за собой хриплый кашель и почувствовал запах табака. Я быстро оглянулся: за соседним столиком сидел Джон Смит и, как всегда, курил трубку и улыбался.

– Срочно поезжай в книжный магазин Кинокуния в Синдзюку, – сказал он. – Найди там Наташу, дочь Сергея, помнишь? Она там работает в отделе русской книги. Наташа знает, где находится Давид Гросс. – С этими словами Джон Смит встал из-за столика и неторопливо зашагал прочь, не переставая курить свою трубку, покашливая и усмехаясь.

Хироми как раз доедала свой гамбургер. Я сказал ей: – Идём, дорогая. Мы должны вернуться в Синдзюку.

В Токио есть много отличных книжных магазинов, но Кинокуния в Синдзюку – самый большой и самый замечательный из них.

Я обещал Хироми купить ей интересную детскую книжку, но сначала надо было кое с кем встретиться. Мы поднялись на седьмой этаж, и в отделе русской книги я увидел красивую блондинку. Конечно же, это была Наташа.

Честно говоря, я уже перестал удивляться, повсюду встречая персонажи своих рассказов.

Я подошёл к блондинке:

– Наташа, я ищу Давида Гросса...

Но Наташа не дала мне договорить:

– Да, у нас есть книга Толстого, которую вы ищите, – сказала она нарочито громким голосом и протянула мне «Анну Каренину». Книга открылась в моих руках: между страницами лежал листок бумаги, на котором было написано: «Девочка в опасности! Срочно уведи её отсюда!»

Я быстро обернулся, но Хироми нигде не было видно. Она исчезла! Я бросил книгу на прилавок, выскочил на лестницу и, прыгая через три ступеньки, помчался вниз, чтобы заблокировать выход. Люди испуганно шарахались от меня, но на извинения времени не оставалось. Я спустился вниз секунд за тридцать и был уверен, что догоню похитителей, но тут же понял тщетность своих усилий: у Кинокунии было несколько выходов!

Я метался перед магазином, вглядываясь в лица маленьких девочек, побежал к станции, но всё было напрасно: Хироми нигде не было.

Вдруг я увидел Джона Смита! Он, как всегда, курил свою дурацкую трубку и покашливал.

Я бросился к нему:

– Где Хироми? Что с ней случилось?

Он ответил, не разжимая зубов и не вынимая трубки изо рта:

– Чтобы найти кого-то в Токио, надо обратиться в справочное бюро. Лично я обращаюсь за информацией вот сюда, – и он сунул мне в руку клочок бумаги, а

сам тут же затерялся в толпе. На бумаге был написан адрес: «справочная» Джона Смита находилась в Санье – беднейшем районе Токио.

Разумеется, я тут же туда поехал.

Я и не подозревал, что увижу такое место в Японии: старые, обшарпанные дома, множество бездомных вокруг.

Я долго блуждал по Санье, пока не нашёл «справочную» Джона Смита - жалкую лачугу.

Дверь в неё была приоткрыта. Внутри, на грязной циновке сидела старуха с растрёпанными волосами, одетая в лохмотья. Её чёрные глазки, как раскалённые угли, прожигали меня насквозь.

– Садись сюда, – она показала мне на место перед собой. – Я знаю, зачем ты пришёл. Это будет тебе стоить *годзю ман* иен (пятьсот тысяч иен – примерно шесть тысяч долларов).

– Для меня это слишком дорого, – сказал я. Шесть тысяч долларов - это были все мои деньги. Как можно отдать все деньги первой встречной старухе?

– Что, твоя дочь не стоит этих денег? – усмехнулась старая ведьма. – Если хочешь спасти её, ты должен заплатить.

Похоже, выбора у меня не было. Я отдал ей деньги, и она быстро спрятала их в лохмотья.

Тут же у неё в руках откуда-то появились ароматические палочки. Она воткнула их перед собой и зажгла. Странно пахнувший розоватый дым начал постепенно заполнять комнату и обволакивать всё вокруг. Вдруг сквозь клубы дыма я увидел на полу фантастическую картину: чёрная кобра дралась

с огромным золотым скорпионом! Кобра делала молниеносные выпады, но схватить скорпиона боялась: его смертоносный хвост всегда был наготове. Через некоторое время картина их схватки стала неясной и растаяла, а я погрузился в сон...

Когда я очнулся, комната была пуста: старуха исчезла (со всеми моими деньгами!), от ароматических палочек осталась лишь горстка пепла.

За что я отдал ей все мои деньги? За этот дурацкий сон? Как это поможет мне найти мою дочь?

Но теперь я точно знал, что Хироми - моя дочь, и ради неё я был готов на всё.

Я вспомнил: Наташа знала, что девочке что-то угрожало. Значит надо срочно поговорить с Наташей. Неплохо бы ещё спросить Джона Смита, почему он меня послал именно в это «справочное бюро».

Я вышел на улицу и попытался сориентироваться, как побыстрее дойти до метро. В сгущающихся сумерках улицы Саньи выглядели ещё более жалкими.

Вдруг я увидел Наташу! Она шла мне навстречу.

Аккуратная блондиночка со сладеньким личиком странно выглядела на фоне трущоб.

– Наташа, где Хироми? Какая опасность ей угрожает? Что всё это значит?

– Тише, нас могут услышать, – сказала она, оглядываясь. Мы зашли в *киссатен* – маленькое кафе в японском стиле, заказали кофе и сели за столик в дальнем углу.

Наташа спросила:

– Что ты здесь делаешь? Как ты оказался в Санье?

– Я пытался выяснить, где Хироми. Связался с какой-то старой ведьмой, она усыпила меня и удрала со всеми моими деньгами.

– Круто. А может быть, ты мне чего-то не договариваешь?

– Да, ещё мне приснился дурацкий сон, – я рассказал ей о драке чёрной кобры и золотого скорпиона.

Наташа стала очень серьёзной. Она придвинулась ко мне и заговорила шёпотом:

– Слушай внимательно, парень. «Чёрная кобра» - китайская гангстерская банда. Это - дикие звери. Если Хироми у них в руках, ей угрожает серьёзная опасность, и мы ничем не сможем ей помочь.

Вдруг я вспомнил что-то важное.

– Кажется, дедушка Хироми - один из главарей *якудза*. Его зовут Шинода Йошио. Ты, может быть, слышала это имя?

– В Токио это имя знают все, – сказала Наташа.

– Может быть, попросить у него помощи? Где его можно найти?

– В пабе «Золотой скорпион», разумеется.

Нельзя было терять ни минуты: моя дочь в опасности.

Я вскочил, бросил мелочь на столик, махнул Наташе рукой «пока!», и выбежал из «*киссатена*».

Я опять оказался ночью в Кабуки-чё, но теперь я ничего не боялся, ни на кого не обращал внимания и думал только о моей доченьке, о моей маленькой Хироми.

На этот раз я быстро разыскал «Золотого скорпиона».

Войдя внутрь, я увидел Нанако Сузуки!

(Как же так? Я же видел её в луже крови, с ножом в груди!).

– Проходите, пожалуйста, Шинода-сенсей вас уже ждёт, – сказала Нанако с поклоном.

Как и в прошлый раз, вдоль стойки бара сидели девушки в своей странной униформе, но Мичико среди них не было.

Нанако провела меня в дверь за стойкой бара, мы спустились по ступенькам, прошли короткий коридор, и оказались перед стальной дверью. Два здоровенных парня преградили нам путь, но Нанако что-то им шепнула, и они расступились.

Дверь тяжело и бесшумно открылась, мы оказались в просторном кабинете с красно-золотыми обоями.

За большим дубовым столом сидел старый японец.

По обе стороны от него стояли несколько якудза.

– Где Хироми? – жёстко спросил он, пристально глядя мне в глаза.

– Её похитили китайские гангстеры из «Чёрной кобры», – ответил я, не отводя взгляда.

Старик резко встал. Его лицо исказила ненависть.

– Мне надоели эти китайские ублюдки! Настало время покончить с ними раз и навсегда. Такеши, бери всех ребят, выезжаем прямо сейчас. – Он повернулся ко мне:

– Поедешь с нами?

– Конечно, – ответил я.

Мы выехали на четырёх чёрных хаммерах, и минут через сорок подъехали к каким-то складам в

индустриальной зоне Токио.

Все быстро вышли из машин и в полном молчании, стараясь ступать бесшумно, приблизились к двери одного из складов. За дверью не было слышно ни звука. Самый здоровый *якудза*, наверняка чемпион по *сумо*, неторопливо подошёл к двери и высадил её сильнейшим ударом плеча. Мы быстро вбежали внутрь.

Но эффекта неожиданности не получилось: нас там уже ждали. Человек тридцать китайцев с железными прутьями в руках бросились на нас со всех сторон. Началось настоящее побоище!

Я сбил кого-то с ног прямым в челюсть, но тут же сам оказался на полу.

Я решил добраться до лестницы, ведущей на второй этаж: наверняка, Хироми была там. Я встал, но тут же опять свалился. На этот раз я решил не подниматься – пополз вдоль стены, и добрался-таки до лестницы. Вокруг кипела драка, и на меня никто не обращал внимания.

Я быстро поднялся на второй этаж и оказался в коридоре с двумя рядами дверей.

Но где же Хироми? У меня не было времени открывать каждую дверь: по лестнице уже кто-то поднимался.

Я тихо запел песенку, которой Хироми научила меня в зоопарке: *«Поп-поп-по, хато поппо маме га хоши ка?..»*

Вдруг из-за одной из дверей раздался голосок Хироми: *«Сора яру зо. Мина де нака ёку табе ни кои...»*

Я быстро открыл эту дверь: Хироми сидела посередине комнаты, привязанная к стулу.

Я развязал Хироми и взял её на руки. Девочка прижалась ко мне и тихо заплакала.

В коридоре слышались топот ног и голоса.

Нельзя было медлить ни секунды! Не задумываясь, я выпрыгнул в окно с девочкой на руках и, удачно приземлившись, бросился бежать что было сил, а потом долго шёл по ночным улицам, пока ещё мог держаться на ногах. В какой-то момент, осторожно опустив девочку на землю, я прислонился к стене дома, чтобы не упасть от усталости.

- *Нан-ка табетай*, - сказала Хироми. - Я хочу кушать. Девочка не ела с самого утра – негодяи не кормили её.

На противоположенной стороне улицы я заметил собаю, работающую круглосуточно (*собая* - ресторанчик, в котором подают *о-соба* - гречневую лапшу). Мы зашли туда.

Старушка с добрым лицом приветствовала нас традиционным «*Ирасшаймаса!*» - Добро пожаловать!

Я заказал две порции горячей *китсуне-соба* с яйцом, но бедная Хироми слишком устала, чтобы есть, и тут же уснула у меня на руках, как только мы сели за столик. Я тоже прикорнул, не дождавшись *о-соба*. Добрая хозяйка не стала нас будить...

Когда мы проснулись, было уже светло. Хироми сладко зевнула и потянулась. Я поцеловал её в лобик, и мы пошли умываться.

Когда мы вернулись, нас уже ждали две тарелки горячей *китсуне-соба*. Вместо старушки работал молодой улыбчивый парень. Свою работу он делал быстро и весело. За столиками уже сидели первые посетители.

Что нам теперь делать? Прежде всего, нужно найти Мичико.

– Как ты думаешь, где может быть мама? – спросил я.

– Как где? Она ждёт нас в Камакуре, конечно, – сказала Хироми.

Моя дочь, как всегда, меня удивила: почему именно в Камакуре, и почему «конечно»?

Хироми действительно была необычным ребёнком...

Мы сели в поезд до Камакуры на станции Шинагава.

Сиденья в вагоне были расположены напротив друг друга. Напротив нас дремал пожилой японец.

Не успели мы отъехать от Шинагавы, как Хироми сказала:

– Пап, ты что, так и будешь молчать до самой Камакуры? Расскажи мне какую-нибудь сказку!

Я был измучен бессонной ночью, наполненной событиями, и, честно говоря, мне было не до сказок.

– Хироми, я немного устал, – сказал я девочке. – Как-нибудь в другой раз я расскажу тебе отличную сказку. А сейчас давай немного отдохнём.

– Хочу сказку! – Хироми явно не собиралась идти на компромисс.

Вдруг пожилой мужчина, сидящий напротив, сказал:

– У меня есть для тебя интересная история. Только это не сказка, это было на самом деле. Хочешь послушать?

Хироми кивнула. Я посмотрел на него с благодарностью.

Мужчина улыбнулся и начал свой рассказ:

– Когда мне было семь лет, моя семья жила в

деревне. Как и все деревенские мальчишки, я любил играть в самураев. Целыми днями мы носились по деревне, размахивая деревянными мечами, в поисках самурайских подвигов. В нашей деревне жила маленькая собачка. Я часто играл с ней, немного её подкармливал, и со временем мы стали настоящими друзьями. Однажды мои приятели - «самураи» заманили доверчивую собачку за сарай на краю деревни. Не знаю, что они собирались с ней сделать: может быть, помучить её, а может, и убить. Мальчишкам в этом возрасте иногда свойственна бессмысленная жестокость. Я, конечно, был вместе со всеми. Увидев меня, собачка радостно завиляла хвостиком. Когда «самураи» уже собирались накинуть ей на шею верёвку, я закричал: «Не трогайте её!» и встал между ними и собачкой.

Я знал, что сейчас произойдёт, но не мог поступить иначе. Через минуту на меня со всех сторон посыпались удары деревянных мечей. Я отбивался, как мог, но силы были неравные. Кто-то ударил меня «мечом» по голове, и я потерял сознание...

Открыв глаза, я увидел склонившегося надо мной старика в одежде буддистского монаха.

Он улыбнулся мне и сказал:

– Ты храбро дрался, как настоящий самурай. За это тебе полагается награда. – С этими словами монах вынул из складок одежды и протянул мне серебряный свисток.

– Это не простой свисток. С ним нельзя играть. Им можно воспользоваться только в случае серьёзной опасности, – сказал он и исчез.

Что делать со свистком, в который нельзя свистеть?

Вернувшись домой, я бросил свисток в ящик с игрушками и забыл про него...

Через некоторое время началась большая война, папа ушёл на фронт, и мы переехали в Токио к маминой сестре. Ситуация на фронтах ухудшалась, от папы не было известий. Американские Б-29 начали свои ужасные бомбардировки Токио. Весь город был охвачен огнём. Мы жили в Асакусе рядом с Сумида-гавой, и тогда я впервые в жизни увидел, как горит река. Я помню всё отчётливо, как будто это было вчера: мы с мамой и сёстрёнками сидели на полу в комнате, обнявшись, а вокруг бушевало пламя... Мы понимали, что спасения нет, но вдруг я вспомнил про серебряный свисток. Я не очень-то верил в него, но комната наполнялась дымом, мама с сестрёнками начали задыхаться, и это был наш последний шанс. Я бросился в детскую, нашёл свисток в ящике для игрушек и свистнул в него что было сил...

В ту же секунду прямо из стен появились огромные серебряные самураи в полном боевом облачении! Они подхватили нас и перенесли далеко от охваченного огнём Токио, на лесную поляну. Вокруг был сосновый бор, щебетали птицы, в чистом лесном воздухе пахло хвоей и какими-то цветами.

Для нас война закончилась...

Хироми слушала, замерев: было видно, что рассказ потряс девочку, в глазах её стояли слёзы.

– Какая замечательная сказка! – сказал я. Разумеется, эта история не могла быть правдой.

Но Хироми вдруг спросила:

– А где этот свисток сейчас?

Мужчина улыбнулся, и... вынул из кармана пиджака серебряный свисток! Он протянул его Хироми:

– Возьми его, мне он больше не нужен, а вот тебе пригодится, и очень скоро. Только запомни: играть с ним нельзя, в него можно свистеть только в крайнем случае, когда спастись уже невозможно...

В этот момент поезд прибыл в Камакуру. Мы попрощались с нашим попутчиком, ещё раз его поблагодарили и вышли из вагона.

На перроне нас ждала Мичико!

– Окаасан! – закричала Хироми, бросаясь в её объятия.

– Моя миленькая девочка, – прошептала Мичико, прижимая Хироми к себе.

На их встречу невозможно было смотреть без слёз...

Но вдруг я услышал у себя за спиной хриплое покашливание.

Разумеется, это был Джон Смит со своей трубкой и, как всегда, с новым сообщением:

– Монах в храме Будды Амиды в Хаседере знает, где находится Давид Гросс. Срочно отправляйся туда: у нас осталось не так уж много времени. – С этими словами он затерялся в толпе пассажиров...

Мы купили три *бентō* (*бентō* – завтрак в коробочке), и сели в автобус на Хаседеру.

Рядом с храмом Будды Амиды было много туристов, но монахов видно не было.

Мичико вымыла руки в проточной воде с помощью специального ковшика и подошла к статуе Дзизō, Будды - покровителя детей. Она молитвенно сложила руки, закрыла глаза и замерла в этой позе на несколько минут. Мы ждали её в отдалении.

Когда она помолилась и вернулась к нам, Хироми спросила:

– Окаасан, что ты сейчас делала?

– Я молилась о счастье для нашей семьи.

– А что значит «молилась»?

– Я просила Будду защитить нас, – ответила Мичико.

Хироми тоже подошла к статуе Дзизō, молитвенно сложила руки и закрыла глаза...

В ту же секунду из храма вышел старый монах и быстро подошёл к нам.

– Кто эта девочка? – спросил он.

– Это наша дочь, – ответил я. – А в чём дело?

– Когда она начала молиться, Будда улыбнулся...

Мы с Мичико переглянулись.

Вдруг я вспомнил слова Джона Смита: этот монах наверняка знает, где находится Гросс.

– Можно задать вам вопрос? – спросил я.

– Я знаю, что ты хочешь спросить, – ответил монах, – но мой ответ тебя разочарует: нельзя найти того, кого нет.

С этими словами он повернулся и, не оглядываясь, вошёл в храм.

– *Нан-ка табетай*, – сказала Хироми.

Надо было её покормить, да и мы проголодались.

Недалеко от храма Дзизō мы нашли отличное место для пикника: деревянные столы и лавки под высокими соснами, рядом – смотровая площадка, откуда открывался живописный вид: крыши Камакуры, море и окрестные горы, поросшие лесом.

За столами сидели несколько японских семей и

иностранных туристов. Они ели *бентō*, любовались красивым пейзажем и беззаботно разговаривали.

На щите напротив было написано: «Будьте осторожны! Орлы воруют еду», и, действительно, в небе над нами летали большие орлы. Туристы поглядывали на них с опаской, прикрывая руками свои коробочки с завтраком. Я пододвинулся поближе к Хироми и положил ей руку на плечо: огромные птицы могли украсть не только еду...

Мы отправились на поиски отеля.

Мичико сказала, что здесь неподалеку есть отличный и недорогой *рёкан* (отель в японском стиле).

Я хорошо знал Хаседеру: поблизости не было никакого *рёкана*, но спорить не стал.

Мичико повела нас по узкой тропинке в лес, мы шли по ней довольно долго, пока не увидели деревянный домик – типичный *рёкан*.

С самого начала нашего пути я заметил, что за нами в некотором отдалении по тропинке идут несколько мужчин. Может быть, это были просто туристы?

Мы постучали в дверь *рёкана*, и нам открыла молодая женщина в голубом *кимоно* с красным *оби* (*оби* - пояс *кимоно*). Вежливо поздоровавшись, она проводила нас в нашу комнату. Мы так устали, что сразу же приняли ванну и легли спать. Когда я уже засыпал, то услышал, что в *рёкан* пришли ещё какие-то гости: может быть, это были те мужчины, которые шли за нами?

Мне приснился странный сон – разговор двух чертей. Один чёрт спросил другого:

– Почему ты их до сих пор не съел?

– Я не могу войти в их комнату. Девочка обладает какой-то магической силой, я ничего не могу с ними сделать.

– А что с теми, кто пришёл вслед за ними?

– А их я уже съел.

Когда я проснулся, то не поверил своим глазам: я лежал на земле под сосной, никакого *рёкана* не было и в помине – вокруг был лес, а рядом со мной спали, свернувшись клубочком, лиса и лисёнок. Немного в отдалении под деревом лежали белые обглоданные кости...

Я бесшумно встал и огляделся. Между деревьями я увидел Наташу! Что она здесь делает?

Наташа приложила палец к губам и знаком попросила меня подойти.

Она выглядела встревоженной.

– Ты должен немедленно вернуться в Израиль, тебе нельзя здесь оставаться, иначе погибнешь, – сказала она шёпотом. – Там за деревьями тебя ждёт Джон Смит с машиной, он отвезёт тебя в Нариту (в аэропорт).

– Но я не хочу возвращаться в Израиль, – сказал я. – Я нашёл свою семью, и не собираюсь с ней расставаться.

– Эти звери – твоя семья? – Наташа кивнула в сторону лисы и лисёнка, и скорчила презрительную гримасу.

– Опомнись! В Израиле тебя ждёт молодая красивая девушка – твоя невеста. Она выйдет за тебя замуж, родит тебе ребёнка, и это действительно будет твоя настоящая семья. А это, – она снова кивнула в сторону

лис, – всего лишь сон, химера, всё это тебе просто привидилось.

– Я никуда отсюда не уеду, – повторил я. – Я останусь со своей семьёй. А вот ты, возвращайся-ка обратно в рассказ!

Наташа улыбнулась:

– В твой дурацкий рассказ я возвращаться не собираюсь, а вот ты вернёшься в Израиль, – с этими словами она провела рукой перед моими глазами, голова у меня закружилась, и... я оказался в салоне самолёта, заполненного пассажирами!

По радио объявили: «Пристегните, пожалуйста, ремни безопасности, наш самолёт взлетает!»

Как я здесь оказался? Что же теперь делать?

Я не хочу никуда улетать!!

Вдруг прямо из стены самолёта появился огромный серебряный самурай в полном боевом облачении! Стюардессы и пассажиры закричали от неожиданности.

Самурай подхватил меня на руки, и... всё опять поплыло у меня перед глазами...

Я очнулся на софе в гостиной Мичико. Рядом сидели Мичико и Хироми, в кресле напротив развалился Джон Смит, а посреди комнаты стояла... Наташа. Но она уже не выглядела «сладенькой блондиночкой»: её лицо было искажено злобой, волосы растрёпаны.

Мичико сказала:

– Он мой муж и отец моей дочери. Он никуда отсюда не уедет и навсегда останется с нами...

– Твоё мнение никого не интересует, – грубо перебила её Наташа. – Кем ты себя возомнила? Ты всего лишь

второстепенный персонаж. Если ты не будешь сидеть тихо, мы вообще тебя вычеркнем из романа.

Неожиданно Хироми сказала:

– Мне кажется, здесь кто-то хочет украсть у меня моего папу... – и тут же из стен показались огромные серебряные самураи с мечами в руках.

– Нет-нет, всё в порядке, милая девочка, – поспешно сказал Джон Смит сахарным голоском, – Никто не собирается отнимать у тебя твоего отца.

Самураи вернулись в стену.

– Я всё-таки, должен найти Давида Гросса, – сказал я: Я обещал это его матери, и даже взял деньги за работу...

– О какой матери ты говоришь? – спросила Наташа саркастически.

– Ну как же, пожилая женщина, которая живёт в квартире надо мной...

– Но в квартире над тобой живёт «девушка со стройными ножками, едва прикрытыми мини», и «каждый вечер ты слышишь стук её каблучков на лестнице»...

Вдруг в комнату вошёл какой-то мужчина. Его лицо показалось мне знакомым... Ну конечно, я видел его на фотографии: это был Давид Гросс!

Наташа резко сказала ему:

– Исчезни! Тебя ещё не нашли.

И он тут же исчез.

Внезапно я понял всё!

С самого начала моего путешествия Джон Смит, а потом и Наташа подсказывали мне, что я должен

делать. Они знали всё заранее и направляли мои действия: я всего лишь был персонажем их романа!

В этот момент в комнате появился старый монах из храма Будды Амиды в Хаседере.

– Да, ты прав, так оно и есть, – сказал он мне. – Ты стал персонажем романа Джона Смита и Наташи – персонажем своих персонажей. Они ожили – уж слишком лихо ты их описал, и сейчас они пишут роман о тебе – о своём авторе.

Но не волнуйся: их роман так и не будет дописан.

А тебе лучше бы совсем перестать писать: ведь хорошо описанные персонажи, как видишь, оживают и живут своей собственной жизнью. Однажды ты снова можешь оказаться персонажем романа одного из своих персонажей...

Наверное, монах прав, но как я могу не писать?

Конечно, я продолжаю писать, хотя пока герои моих рассказов меня не навещают...

Я живу с женой и дочкой в Синдзюку, и абсолютно счастлив.

Иногда мы ездим в зоопарк в Уэно навестить наших любимых белых медведей.

И, кажется, они тоже бывают нам рады.

